

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Исторический факультет
Кафедра отечественной истории (ОИ)

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

канд. ист. наук, доцент

 Ж. А. Рожнева

« 14 » 06 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ЕВРЕЙСКИЙ ПОГРОМ 1905 ГОДА В С. НАУМОВСКОМ ТОМСКОЙ
ГУБЕРНИИ: ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Афанасенков Владислав Олегович

Руководитель ВКР

д-р. ист. наук, профессор

 Е.Е. Дутчак

подпись

« 8 » июля 2018 г.

Автор работы

студент группы № 03401

 В.О. Афанасенков

подпись

Томск – 2018

Оглавление

АННОТАЦИЯ.....	1
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. «НАУМОВСКИЙ КАЗУС»: ПОГРОМНЫЕ СОБЫТИЯ В СИБИРСКОМ СЕЛЕ .	16
1.1. События в с. Наумовском 23 октября 1905 г.: к постановке вопроса.....	16
1.2. Природно-географические условия Томь-Чулымского междуречья.....	28
ГЛАВА 2. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРОМА 23 ОКТЯБРЯ 1905 Г.: СТАДИЯ «НАСЫЩЕННОГО ОПИСАНИЯ»	35
2.1. Конфессионально-экономическая интерпретация: особенности хозяйственного уклада и религиозных практик крестьян с. Наумовского	35
2.2. Расстановка политических сил в Наумовском: Партия народной свободы vs Союз русского народа.....	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	73
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	76
ПРИЛОЖЕНИЕ А. (ТАБЛИЦЫ).	89
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. (КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ).....	112
ПРИЛОЖЕНИЕ В. (ПУБЛИКАЦИИ И КОНФЕРЕНЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ВКР).....	116

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Тема еврейских погромов, прокатившихся по Российской империи в 1903–1906 гг. (так называемая «вторая погромная волна»), и в особенности погромов, произошедших вслед за объявлением Манифеста 17 октября 1905 г, никогда не оставалась на обочине как отечественной, так и зарубежной историографии. Их обстоятельства реконструировались с экономической, социально-политической, социокультурной точек зрения. Однако комплексных исследований, посвященных конкретным проявлениям погромного насилия в годы Первой русской революции, сравнительно немного.

Вторая половина XX в. связана с рядом революций и поворотов в историописании, прежде всего с антропологическим и лингвистическим. Эпистемологическое новшество первого из них, обусловленного глобальными мировыми изменениями 1950–1960-х гг. (в первую очередь деколонизации), заключается в смещении ракурса наблюдения с институциональных государственных образований, «великих» личностей и крупных людских масс на реконструкцию жизни субъектов заурядных, не оставивших видимого следа в истории. Существующие рамки интерпретации, на наш взгляд, должны быть существенно пересмотрены в этом ключе.

Идеальной площадкой для апробации подходов современной исторической антропологии является крестьянство как одна из наиболее многочисленных групп «подчиненных». В качестве сюжета для исследования выступает малоизвестный случай еврейского погрома, произошедшего в с. Наумовском Томского уезда Томской губернии, представляющий собой яркий образец формального подчинения частного общему (сельской местности – городу), существующего в рамках традиционной историографии. В редких случаях упоминания этому погрому приписываются причины более крупных событий. Вполне очевидно, что на сегодняшний день таких объяснений недостаточно, а реальность значительно богаче существующих интерпретативных клише.

Объект исследования – еврейский погром в с. Наумовском Томской губернии 23 октября 1905 г.

Предмет исследования – экономические (хозяйственные), конфессиональные и политические особенности с. Наумовского и окрестных населенных пунктов в преддверие и после 1905 г.

Цель исследования – выявить специфику антисемитизма и антиеврейского насилия в крестьянской среде.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) проанализировать следственную документацию по погрому в с. Наумовском, выделив противоречия, имплицитно заложенные в показаниях свидетелей и участников.

2) охарактеризовать природно-географические условия (с геологической, гидрологической, почвенной, растительной и др. точек зрения) рассматриваемого района для определения степени их пригодности для хозяйственного освоения;

3) выявить основные и особенные черты хозяйственно-бытового уклада пригородных переселенческих поселков на рубеже XIX–XX вв.;

4) определить конфессиональные ориентации крестьян-участников событий 23 октября 1905 г., способных повлиять на провоцирование погрома;

5) рассмотреть роль антагонистических политических объединений (Партия народной свободы и Союз русского народа) в изучаемых событиях.

Территориальные рамки – северо-западная часть Семилуженской волости Томского уезда Томской губернии. Однако в процессе реконструкции автор обращается к материалам, относящимся к территории Томской губернии в целом и отдельных регионов Российской империи.

Хронологические рамки – 1905–1907 гг. Хронологические рамки обусловлены традиционной периодизацией Первой русской революции. Вместе с тем по ходу работы автор обращается к различным временным отрезкам конца XIX–первой половины XX вв.

Теоретико-методологические основания работы: микроисторический подход, крестьяноведение.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, в свою очередь подразделяющихся на два раздела, заключения и приложения.

Во введении обоснованы актуальность избранной темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки работы, установлена степень ее изученности, охарактеризованы источники, теоретико-методологические основания работы.

Первая глава представляет собой опыт контекстуализации инцидента. В первом разделе первой главы анализируется следственная документация по погрому в с. Наумовском, рассматриваются основные действующие лица, выявляются противоречия, имплицитно заложенные в показаниях участников событий, подробно освещаются преимущества и недостатки существующей историографии. Во втором разделе первой главы автор обращается к характеристике природно-географических условий Томь-Чулымского междуречья, на территории которого расположено с. Наумовское.

Вторая глава связана с «насыщенным описанием» Наумовского погрома. В ней предлагаются разнородные интерпретации событий, прежде всего потенциальных мотивов,

двигавших непосредственными или косвенными участниками событий. В первом разделе рассматриваются особенности хозяйственно-бытового уклада и конфессиональных ориентаций крестьян населенных пунктов рассматриваемого района. Во втором разделе предлагается политико-идеологическая интерпретация погрома, в ходе которой предпринимается попытка фальсификации аналитической модели «традиционалистского ответа». Для этого выявляются те инфраструктурные объекты, отдельные лица, которые могли быть проводниками идей двух антагонистических политических движения – конституционных демократов и правых монархистов.

В заключении подведены основные итоги и сформулированы выводы по работе.

Приложение подразделяется на два раздела (таблицы и рисунки), в которых представлены материалы, не вошедшие в основной текст ввиду своего объема, прежде всего составленные автором таблицы и картографические материалы.

ВВЕДЕНИЕ

Тема еврейских погромов, прокатившихся по Российской империи в 1903–1906 гг. (так называемая «вторая погромная волна»), и в особенности погромов, произошедших вслед за объявлением Манифеста 17 октября 1905 г, никогда не оставалась на обочине как отечественной, так и зарубежной историографии. Их обстоятельства реконструировались с экономической, социально-политической, социокультурной точек зрения. Однако комплексных исследований, посвященных конкретным проявлениям погромного насилия в годы Первой русской революции, сравнительно немного.

Вторая половина XX в. связана с рядом революций и поворотов в историописании, прежде всего с антропологическим и лингвистическим. Эпистемологическое новшество первого из них, обусловленного глобальными мировыми изменениями 1950–1960-х гг. (в первую очередь деколонизации), заключается в смещении ракурса наблюдения с институциональных государственных образований, «великих» личностей и крупных людских масс на реконструкцию жизни людей заурядных, не оставивших видимого следа в историческом процессе, второго – в анализе глубинных языковых структур (знаков, идентичностей и т.д.), детерминирующих жизненную картину, на основе конвергенции с различными направлениями в философии языка. Рамки интерпретации, сформированные всем предшествующим развитием историографии, на наш взгляд, должны быть существенно пересмотрены.

Идеальной площадкой для апробации подходов современной исторической антропологии является крестьянство как одна из наиболее многочисленных групп «подчиненных». Неслучайно в этой связи, что сюжетом, исследованным в данной работе, выступает малоизвестный случай еврейского погрома, произошедшего в с. Наумовском Томского уезда Томской губернии, представляющий собой яркий пример того, как классическая историографическая модель формально подчиняет частное общему (сельскую местность – городу). В редких случаях упоминания этому погрому приписываются причины более крупных событий. Вполне очевидно, что на сегодняшний день таких объяснений недостаточно, а реальность значительно богаче существующих интерпретативных клише.

Соответственно, научная актуальность проистекает из **степени изученности темы**, свидетельствующей в пользу наших слов о примате событий крупных (по территориальному критерию). События в с. Наумовском 23 октября 1905 г. представлены лишь в двух работах – в монографии М.В. Шиловского¹, посвященной реконструкции событий томского погрома²,

¹ Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010.

и диссертационном исследовании Е.Л. Бузмакова, посвященном зарождению и развитию черносотенного движения в Сибири³. Подробнее мы остановимся на содержательной их стороне в следующем разделе работы.

С точки зрения компаративной нас интересовали также конкретно-исторические исследования, посвященные погромам, входящим в хронологический отрезок 1903–1906 гг. (в англоязычной историографии этот период получил наименование «второй погромной волны»), израильского историка Ш. Ламброзы (погромы на территории черты оседлости)⁴ и американского историка Р. Вейнберга (одесский погром)⁵. В работах этих авторов нашел отражение тот массив слухов, провоцировавших погромное насилие, который, на наш взгляд, являлся универсальным для территории Российской империи в целом, прежде всего в ходе следствия и судебных процессов над погромщиками, использовавшими ссылки на слухи в качестве стратегии самооправдания. Стремясь к стройности и последовательности освещения заявленного сюжета, мы находим целесообразным осветить узкопредметную историографию (исследования по аграрной истории; труды, посвященные старообрядчеству и другим неортодоксальным религиозным группам дореволюционной России, и др.) непосредственно в соответствующих разделах текста.

Объект исследования – еврейский погром в с. Наумовском Томской губернии 23 октября 1905 г.

Предмет исследования – экономические (хозяйственные), конфессиональные и политические особенности с. Наумовского и окрестных населенных пунктов в преддверие и после 1905 г.

² Для сравнения приведем список работ, в которых прямо или косвенно рассматриваются события 20–22 октября 1905 г. в Томске (список работ не исчерпывается перечисленным): Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейские, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999; Галашова Н.Б. Из истории еврейского погрома в Томске в 1905 году (по воспоминаниям очевидцев) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 45–50; Баранов Д.С. О событиях октября 1905 г. в Томске // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятое науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2005. С. 62–63; *Его же*. О томских событиях октября 1905 г. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2005. С. 10–11; *Его же*. Томский погром по материалам архива ТОКМ // Актуальные вопросы истории Сибири. Шестые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина, 5–6 октября 2007. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 269–273; *Его же*. Томский погром в интерпретации правых // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 1905 г.). Томск, 2007. С. 118–125; Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010; Kalmina L. The Possibility of Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // Anti-Jewish Violence. Rethinking the Pogrom in East European History. Bloomington, 2010. P. 135–136; Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012; Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX–начало XX в.). Барнаул, 2013.

³ Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000.

⁴ Ламброза Ш. Погромы 1903–1906 годов // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1922). М., 2016. С. 207–253.

⁵ Вейнберг Р. Погром 1905 года в Одессе: исследование отдельного случая // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921). М., 2016. С. 254–291.

Цель исследования – выявить специфику антисемитизма и антиеврейского насилия в среде сибирских крестьян.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное разрешение следующих задач:

1) проанализировать следственную документацию по погрому в с. Наумовском, выделив противоречия, имплицитно заложенные в показаниях свидетелей и участников.

2) охарактеризовать природно-географические условия (с геологической, гидрологической, почвенной, растительной и др. точек зрения) рассматриваемого района для определения степени их пригодности для хозяйственного освоения;

3) выявить основные и особенные черты хозяйственно-бытового уклада пригородных переселенческих поселков на рубеже XIX–XX вв.;

4) определить профессиональные ориентации крестьян-участников событий 23 октября 1905 г., способных повлиять на провоцирование погрома;

5) рассмотреть роль антагонистических политических объединений (Партия народной свободы и Союз русского народа) в изучаемых событиях.

Территориальные рамки – северо-западная часть Семилуженской волости Томского уезда Томской губернии. Однако в процессе реконструкции автор обращается к материалам, относящимся к территории Томской губернии в целом и отдельных регионов Российской империи.

Хронологические рамки – 1905–1907 гг. Хронологические рамки обусловлены традиционной периодизацией Первой русской революции. Вместе с тем по ходу работы автор обращается к различным временным отрезкам конца XIX–первой половины XX вв.

Теоретико-методологические основания работы.

Микроисторический подход. Микроистория, несмотря на свою широкую популярность в западном историческом сообществе, поныне среди подавляющей массы исследователей понимается, во-первых, «как бы частным остатком “большой” истории», во-вторых, историей, не дотягивающей даже до уровня истории событий⁶. Важно понимать, что микроистория – продукт кризиса крупных исторических нарративов (метанарративов), возникший «из необходимости заново овладеть всей сложностью анализа, отказавшись тем самым от схематичных и общих интерпретаций»⁷. Данное положение, однако,

⁶ Первая дефиниция микроистории была впервые озвучена представителем второго поколения школы Анналов Ф. Бродезем. Собственно, ему принадлежит и само понятие «микроистория». Второе ярко представлено в романе французского писателя и литературного критика Р. Кено «Синие цветы» (Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 194–195).

⁷ Цит. по: Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идей междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 апреля 2014 г. М., 2015. С. 42.

демонстрирует преимущественно эпистемологические интенции начального этапа ее развития – сообществ микроисториков, широко практикующих генерализацию микроисторических сюжетов. Таковым, к примеру, является сообщество родоначальников микроистории – группы итальянских историков, объединившихся в начале 1980-х гг. вокруг журнала «Quaderni Storici». Солидаризируясь с исследователями индивидуализирующего (в противовес обозначенному генерализирующему) течения в рамках данного историографического направления, считаем, что микроистория должна стремиться к иному – к проблематизации индивидуального⁸. В этой связи обратимся к суждениям американского историка Б. Грэгори (Университет Нотр-Дама, Индиана). Несомненный интерес представляет его рецензия на сборники под редакцией А. Людтке и Ж. Ревеля, опубликованная в журнале «History and Theory». Он обозначает точку зрения, согласно которой «правильные микроисторики должны признать ограниченный характер своей работы, <...> отказаться от широкого контекста»⁹. Мы, таким образом, отказываемся от выхода на уровень «больших паттернов».

Мы опираемся на концепцию микроистории, изложенную в совместной работе исландского микроисторика С.Г. Магнуссона и венгерского микроисторика И. Сиярто и постулирующую три базовых эпистемологических принципа: 1. Принцип «нормального исключения» (normal expection); 2. Сужение масштаба наблюдения; 3. Оперирование концептуальным аппаратом интерпретативной теории культур американского антрополога К. Гирца.

Сущность первого принципа состоит в том, что индивид (или группа индивидов) своим образом мысли/действия выделяющийся и выходящий за рамки господствующей культурной традиции оценивается носителями и проводниками этой традиции как носитель девиантного отклоняющегося поведения. Тем не менее такие оценки могут существенно противоречить наличествующему у индивида/группы статусу. Как справедливо замечает С.Г. Магнуссон, «человек может быть осужден в определенном круге, но за то же самое действие восхвален в своей собственной среде», т.е. логика поведения субъекта раскрывается лишь в определенном, суженном контексте¹⁰. Не необходимость данной операции указывает также один из классиков социально-ориентированной микроистории Дж. Леви: «Микроисторик не держит в руках телескоп, но пользуется микроскопом»¹¹.

⁸ См., напр.: Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. С. 35.

⁹ Gregory B. Is Small Beautiful? Microhistory and History of Everyday Life // History and Theory. 1999. Vol. 38. № 1. P. 108.

¹⁰ Magnússon S.G., Szijártó I.M. What is Microhistory? Theory and Practice. London; New York, 2013. P. 149.

¹¹ Цит. по: *Ibid.* P. 4.

Переходя к характеристике значения, которое имеют для современной микроистории идеи К. Гирца, мы должны указать на разработки еще одного теоретика – бельгийского философа Э. Фреймана. Его суждения о микроистории, перекликающиеся с идеями С.Г. Магнуссона, но в значительной мере их конкретизирующие, изложены в неопубликованных тезисах «Three Layers of Meaning in Microhistory»¹² («Три слоя значения в микроистории»). Следуя Т. Куну, говорившему о том, что научные дисциплины держатся на конкретных «канонических примерах», и интерпретативной теории культур К. Гирца, Э. Фрейман подвергнул анализу труды классиков исторической антропологии, заключив, что критерием «микроисторичности» следует полагать воплощенность в тексте трех слоев значения: *когнитивного, опытного и этического*. Первый слой вмещает в себя гирцевское «тонкое описание» (thin description) с последующим герменевтическим смещением к «насыщенному описанию» (thick description).

Фактически три слоя Э. Фреймана – это эвристический метод, базовый дирекциональный алгоритм для решения практических задач, совмещающий в себе, используя термины лингвиста К. Пайка, одновременно эмический и этический подходы. Таким образом, мы предполагаем осуществить: 1) «тонкое описание», своего рода контекстуальное описание (участники, версии погрома, экология и внешняя среда); 2) «насыщенное описание», подразумевающее интерпретацию поведения участников погрома 23 октября 1905 г. под различными углами зрения (хозяйственной, конфессиональной, политической); 3) реабилитацию своего рода потерпевших поражение в историческом процессе, имплицитно заложенную в самом объекте исследования (в терминологии Фреймана – этическое действие историка)¹³.

Наиболее перспективным и разработанным научно-дисциплинарным направлением, в рамках которого происходит осмысление крестьянской и аграрной проблематики, представляется *крестьяноведение* (peasant studies), или *рефлексивное крестьяноведение*, в отечественном пространстве социально-гуманитарных дисциплин представленное так называемой «шанинской социологической школой». Целесообразно, на наш взгляд, выделить два столпа крестьяноведения, органично связанные друг с другом. Во-первых, мы подразумеваем концепцию «моральной экономики крестьянства» Дж. Скотта, в рамках которой принципиально пересматривается вопрос о трудовых мотивациях и детерминантах

¹² Froeyman A. Three Layers of Meaning in Microhistory. Unpublished Theses [Electronic Resource] // International Network for Theory of History. URL: http://www.inth.ugent.be/wp-content/uploads/2012/05/HTSubmissionReadingMicrohistory-_1_.pdf (Access Date: 23.04.2016).

¹³ Здесь мы сближаемся с иным течением в исторической антропологии – историей повседневности в исконном варианте, предложенном восточногерманскими социальными историками. В частности за социальную историю снизу, предполагающую особую этическую максиму, состоящую в предоставлении маленькому, безмолвствующему субъекту возможности заговорить, выступает один из признанных классиков немецкой историографии А. Людтке.

экономического поведения крестьянства (угроза голода как фактор)¹⁴. В нашем случае необходимо указать также на разработанный Скоттом концепт «бегства от государства». Во-вторых, экономико-теоретический базис крестьяноведения составили труды представителей отечественной *организационно-производственной школы*¹⁵, прежде всего работы Н.П. Макарова, А.Н. Минина, А.А. Рыбникова, А.В. Чаянова и А.Н. Челинцева и др.¹⁶ Заслуга экономистов организационно-производственной школы состоит прежде всего в разработке семейно-трудовой теории, постулирующей действие в жизни крестьян особого рода экономического регулятора – баланса труда и потребления: трудовая семья стремится к максимизации так называемого трудового семейного дохода посредством оптимизации элементов хозяйства.

Источники, использованные в работе, следует, согласно видовой классификации, предложенной Л.Н. Пушкаревым, подразделить на несколько видов. Отметим, что в действительности источники невозможно ограничить лишь теми группами, которые представлены в классификации Пушкарева. Находя ее не исчерпывающей, мы обозначаем те группы источников, которые, на наш взгляд, не вписываются ни в один из предложенных Пушкаревым видов:

Законодательные акты. Данная группа включает в себя императорские указы, решения Государственного Совета и Комитета министров, санкционированные Императором и опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗРИ): «Нормальное положение о низших сельско-хозяйственных школах» (от 27 декабря 1883 г.)¹⁷, «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» (от 13 июля 1889 г.)¹⁸, «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-

¹⁴ Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 541–544; см. также тезисы доклада представителя отечественного крестьяноведения В.В. Бабашкина: Бабашкин В.В. Крестьяноведение как особое научно-дисциплинарное направление // Сибирская деревня: история современное состояние, перспективы развития: Материалы Второй всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1998. С. 4–5.

¹⁵ Также известна как «школа неонародников». Впервые этот термин встречается в брошюре экономиста Л.Н. Литошенко «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства», тем самым критиковавшего А.В. Чаянова и его сподвижников за преувеличение степени новизны теоретических разработок. Сами представители организационно-производственной школы так себя не именовали (Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М., 2014. С. 164–165).

¹⁶ Несколько подробнее об отдельных представителях организационно-производственной школы (Н.П. Макаров, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев) см.: Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 283–292.

¹⁷ Нормальное положение о низших сельско-хозяйственных школах, Высочайше утвержденное 27 декабря 1883 г. // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 3: 1883. СПб., 1886. С. 491–495.

¹⁸ О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. Высочайше утвержденное 13 июля 1889 г. мнение Государственного Совета // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 9: 1889. СПб., 1891. С. 535–538.

земледельцев» (от 6 июня 1904 г.)¹⁹, «Об укреплении начал веротерпимости» (от 17 апреля 1905 г.)²⁰. При изучении правовой стороны погрома в с. Наумовском мы опирались на «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции от 1885 г.²¹ Источники, причисленные нами к данной группе, позволяют определить правовое поле, в котором существовали наумовские крестьяне в рассматриваемый нами период, правовые основания, на которых выстраивались их взаимоотношения с властью.

Делопроизводственная документация. Среди неопубликованных документов следует указать на материалы, выявленные в фондах Государственного архива Томской области (Ф. 3 – Томское губернское управление; Ф. 144 – Чертежная Томского губернского управления; Ф. 200 – Податной инспектор 2 участка Томского уезда Томской губернской казенной палаты; Ф. 233 – Томская городская управа; Ф. 240 – Томское губернское управление земледелия и государственных имуществ; Ф. Р-1259 – Наумовский сельсовет и его исполком, с. Наумовское Туганского р-на Новосибирской области).

Особо выделим выявленную в фондах Государственного архива Российской Федерации (г. Москва) следственную документацию по погромам в с. Наумовском и г. Мариинске (Ф. 124 – Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции), включающую в себя материалы первичного прокурорского дознания и приговоры судебных инстанций различного уровня. Представляют, кроме того, интерес обнаруженные в Ф. 170 Государственного архива Томской области (Томская духовная консистория Святейшего Правительствующего Синода) материалы следствия по делу об оскорблении членов Союза русского народа священником Николаевской церкви с. Наумовского о. Григорием Безобразовым и Ф. Р-236 (Томский губернский революционный трибунал) протоколы заседаний губернского ревтрибунала, разбиравшего дело того же Безобразова по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Кроме того, автором привлекались опубликованные материалы Томского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в работе которого приняли как губернские чиновники, так и местная общественность. В ходе работы члены обсудили актуальное положение в сфере сельского хозяйства и аграрного производства в Томском уезде. Нас преимущественно интересовали те фрагменты заседаний, на которых поднимался вопрос об эффективности Томской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда, располагавшейся неподалеку от с. Наумовского и созданной для оказания технико-

¹⁹ Высочайше утвержденные временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев. Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 6 июня 1904 года // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 24: 1904: Отд-ние 1. СПб., 1907. С. 603–607

²⁰ Об укреплении начал веротерпимости. Именной Высочайший указ, данный Сенату 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 25: 1905: Отд-ние 1. СПб., 1908. С. 257–262.

²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886.

практической, теоретической поддержки и совершенствования аграрной культуры крестьян-переселенцев данного района.²² Состояние транспортно-логистической системы в регионе охарактеризовано в отчете правительственного чиновника Н.П. Рахманова, побывавшего в Томской губернии летом 1909 г.²³ Использовался ежегодный отчет правительственного агронома по Томской губернии И.К. Окулича Департаменту земледелия за 1898 г.²⁴ и управляющего низшей сельскохозяйственной школой Коротцева за 1901 г.²⁵

Статистические материалы и справочные издания, использованные в работе, представлены «Списком населенных мест Томской губернии за 1893 год» (численность населения пос. Наумовского и окрестных переселенческих поселений, элементы сельской инфраструктуры)²⁶, «Списком населенных мест Томской губернии на 1899 год»²⁷, «Справочной книгой по Томской епархии за 1898–99 год»²⁸ (общее количество прихожан и количество раскольников в приходе, источники финансирования, данные об обеспеченности приходов), «Справочной книгой по Томской епархии за 1902/3 год»²⁹, «Справочной книгой по Томской епархии за 1909/10 год»³⁰, «Справочной книгой Томской епархии»³¹ (видимо, отражающей ситуацию за 1913–1914 гг.); изданной Томским переселенческим управлением «Книгой образования переселенческих участков» за 1885–1912 гг. (даты образования переселенческих участков)³² и «Списком населенных мест Сибирского края» (Т. 2) за 1929 г. (даты возникновения населенных пунктов со слов крестьян-старожилов)³³. Следует также указать на справочное издание Н.С. Чиркова «Путеводитель по г. Томску и его окрестностям», также полезное для уточнения сельской инфраструктуры³⁴.

Отдельно выделим материалы аграрной государственной статистики по Томской губернии, которые, в свою очередь, подразделим на общегосударственные и ведомственные.

²² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 54: Томская губерния. СПб., 1904.

²³ Рахманов Н.П. Переселенческие дороги в Томской губернии: отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года. СПб., 1910.

²⁴ См., напр.: Отчет правительственного агронома по Томской губернии за 1898 год Департаменту земледелия: с приложением отчетов по Томской низшей сельскохозяйственной школе, Томской и Александринской сельскохозяйственных фермах и отчета Инструктора пчеловодства по Томской губернии. Томск, 1899.

²⁵ Приложение 3-е. Коротцев. Отчет по Томской низшей сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1901 год // Отчет правительственного агронома по Томской губернии Департаменту земледелия за 1901 год: с приложением отчетов по Томской и Александринской сельскохозяйственным фермам, Томской низшей сельскохозяйственной школе 1 разряда и отчетов Инструкторов пчеловодства, полеводства и молочного хозяйства. Томск, 1902.

²⁶ Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск, 1893.

²⁷ Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск, 1899.

²⁸ Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. Томск, 1900.

²⁹ Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год. Томск, 1903.

³⁰ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в составе священно-церковно-служителей: по 1 марта 1911 г. Томск, 1911.

³¹ Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914.

³² Книга образования переселенческих участков: 1885–1912. Томск, 1913.

³³ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929.

³⁴ Чирков Н.С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск, 1905.

В первую группу входят, во-первых, первичные подворные материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. по с. Наумовскому (выявлены в Ф. 3 Государственного архива Томской области), проведенной в связи с засухой 1900 г. и отражающие сведения о размере крестьянских семей и числе трудоспособных работников в семейном хозяйстве, обеспеченности скотом (коровы, лошади, мелкий скот), величине испрошенных у государства ссуд, площади посевов различных сельскохозяйственных культур, наличных фондах хлеба и кормового сена, степени ущерба, понесенного хозяйствами от засухи и неурожая.

Выявленные нами в Ф. 3 Государственного архива Томской области ведомственные статистические материалы связаны прежде всего с деятельностью Министерства государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ), а с 1896 г. – Томского переселенческого управления по регистрации и выяснению экономического положения крестьян-переселенцев. Ведомственные статистические материалы, кроме того, способствуют уточнению исходных точек миграций наумовских крестьян. Использовались также материалы Ф. 113 (Томское уездное полицейское управление), Ф. 196 (Томская казенная палата) и Р-528 (Волостные исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

Ввиду того, что материалы ведомственной статистики в равной степени могут быть отнесены как к статистической, так и к делопроизводственной документации, мы подчеркиваем крайнюю условность классификационных оснований.

Периодическая печать представлена материалами общегубернской газеты «Сибирская жизнь», являвшейся неофициальным органом Томского отделения Партии народной свободы (Конституционно-демократической партии), и сменившей ее на некоторое время газеты «Сибирская мысль». Эпизодически использовались материалы газетного органа Томского губкома РКП (б) и губисполкома «Томский крестьянин».

В официальном отделе «Томских епархиальных ведомостей» публиковались сообщения о смене и замещении церковнослужителей и причетников, открытии и закрытии приходов. Особенный интерес в рамках интерпретации наумовского погрома 23 октября 1905 г. представляет краткий отчет о посещении Архиепископом Томским и Барнаульским Макарием с. Наумовского и Томской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда летом 1907 г.³⁵, представляющий бесценные сведения о состоянии дорожно-транспортной сети, конфессиональной и политической ситуации в исследуемом районе.

³⁵ Смердынский А. Обзорение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 18. 15 сентября. Неофициальная часть. С. 12.

Художественные произведения. Блестящую характеристику конфессиональной ситуации, описание механизма взаимодействия жителей подтаежных населенных пунктов с представителями старообрядческих общин Томско-Чулымской тайги мы обнаружили в повести «Старый тракт» известного советского писателя Г.М. Маркова (к слову, уроженца с. Ново-Кусково Томского уезда)³⁶.

Автором активно использовались *неопубликованные полевые материалы*, прежде всего материалы этнографической экспедиции Музея города Северска (далее – МЭЭ МГС) 1996 и 2001 гг., хранящиеся в личном архиве северского этнографа П.Е. Бардиной и непосредственно относящиеся к с. Наумовскому и окрестным поселениям. В полевых дневниках экспедиции интерес для нас представляли сведения о религиозной жизни с. Наумовского, полученные этнографами от информантов, в разные годы проживавших в с. Наумовском.

Природно-географические описания и картографические материалы составляют отдельную источниковую группу. Среди опубликованных материалов, использованных в работе, следует назвать описания и природно-географические характеристики Казанской губернии, представленные в «Материалах для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба»³⁷ и т. 6 многотомного издания Императорского Русского географического общества «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей»³⁸. В качестве иллюстративного материала был использован фрагмент карты Мамадышского уезда (1895), составленной священником Покровской церкви в Казани Г.К. Богословским³⁹.

Что касается неопубликованных материалов, к данной группе было отнесено ценнейшее природно-географическое описание отдельного района Нижнего Притомья (населенные пункты Семиозерки, Самусь, Орловка, т.е. поселения, находящиеся на правом берегу Томи), непосредственно примыкающего к таежной зоне северо-западной части Семилуженской волости, составленное в целях определения пригодности этого района для водворения переселенцев группой чиновников Томского губернского управления в начале 1890-х гг.⁴⁰ К текстовым материалам прилагался схематический план местности с обозначением заимочных и пасечных хозяйств междуречья Камышки (Камышинки) и Самыски (Самуськи), вынесенный в приложение работы⁴¹. Отметим также выявленный в Ф.

³⁶ Марков Г.М. Старый тракт // *Его же*. Волчьи норы. Мемуары. Томск, 2017. С. 111–204.

³⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861.

³⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.

³⁹ Мамадышский уезд: карта. 1 : 420000. Казань, 1895.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 12–20 об.

⁴¹ Приложение Б. Рис. 1.

Р-937 Государственного архива Томской области (Плановая комиссия Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) обзор природно-географических условий Томского Северного района за 1923–1924 гг.⁴² Кроме того, в приложении представлены копии планов территории к северу от с. Наумовского, сделанные сотрудниками правоохранительных органов, командированных в 1980-х гг. для обнаружения старообрядческих скитов и находящихся на нелегальном положении скитников в таежной зоне на границе Кривошеинского и Томского районов (Ф. Р-1786 Государственного архива Томской области – Уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по Томской области)⁴³.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, в свою очередь подразделяющихся на два раздела, заключения и приложения.

Во введении обоснованы актуальность избранной темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки работы, установлена степень ее изученности, охарактеризованы источники, теоретико-методологические основания работы.

Первая глава представляет собой, в терминологии К. Гирца, стадию «тонкого описания», т.е. контекстуализацию инцидента. В первом разделе первой главы анализируется следственная документация по погрому в с. Наумовском, рассматриваются основные действующие лица, выявляются противоречия, имплицитно заложенные в показаниях участников событий, подробно освещаются преимущества и недостатки существующей историографии. Во втором разделе первой главы автор обращается к характеристике природно-географических условий Томь-Чулымского междуречья, на территории которого расположено с. Наумовское.

Вторая глава связана с «насыщенным описанием» Наумовского погрома. В ней предлагаются разнородные интерпретации событий, прежде всего потенциальных мотивов, двигавших непосредственными или косвенными участниками событий. В первом разделе рассматриваются особенности хозяйственно-бытового уклада и конфессиональных ориентаций крестьян населенных пунктов рассматриваемого района. Во втором разделе предлагается политико-идеологическая интерпретация погрома, в ходе которой предпринимается попытка фальсификации аналитической модели «традиционалистского ответа». Для этого выявляются те инфраструктурные объекты, отдельные лица, которые могли быть проводниками идей двух антагонистических политических движения – конституционных демократов и правых монархистов.

⁴² ГАТО. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 об.–166.

⁴³ Приложение Б. Рис. 3, 4.

В заключении подведены основные итоги и сформулированы выводы по работе.

Приложение подразделяется на два раздела (таблицы и рисунки), в которых представлены материалы, не вошедшие в основной текст ввиду своего объема, прежде всего составленные автором таблицы и картографические материалы.

ГЛАВА 1. «НАУМОВСКИЙ КАЗУС»: ПОГРОМНЫЕ СОБЫТИЯ В СИБИРСКОМ СЕЛЕ

1.1. События в с. Наумовском 23 октября 1905 г.: к постановке вопроса

«На днях в деревне Наумовке, верстах в 30 от Томска, толпой крестьян разбита и разграблена лавка местного торговца-еврея. Толпа растащила и разбила весь товар и имущество, оставив семью в белье. Многие из грабителей доставлены в город. Розыскана и часть имущества. Из Наумовки толпа направилась с целью разгрома на казенную сельскохозяйственную ферму, но там встретила отпор, и разгрома не было». Такая краткая, не изобилующая подробностями заметка появилась в разделе местных новостей газеты «Сибирская жизнь», являвшейся неофициальным органом томского отделения Партии народной свободы, 27 октября 1905 г.⁴⁴ Текст предварял заголовок, не вносивший пояснений в отношении причин, характера инцидента, участников, личности и рода торговой деятельности пострадавшего еврея.

Однако вскоре эпизод получил продолжение. В середине декабря все в той же «Сибирской жизни» было напечатано письмо торговца Бориса Бейлина, пострадавшего в Наумовке. В последующих разделах мы подробно остановимся на его личности. В письме Бейлин обращался к губернскому прокурору и уездному исправнику: «когда 23 октября в селе Наумовке была разграблена моя мануфактурная лавка, то главным подстрекателем был сотский Дмитрий Гогин; этот же Гогин участвовал в грабеже товара; этот же Гогин мешал тушить подожженный мой дом; у этого же Гогина в первый день грабежа во дворе было целое интендантство моего товара; и этот же Гогин первый бежал с плахой до грабежа ко мне, желая меня убить; и этот же Гогин не дал помощи делать обыски в других домах Наумовки, до тех пор, пока его коллеги по грабежу не попрятали весь товар. Теперь после всего вышеизложенного сотский Гогин не только не лишен свободы, но по-прежнему продолжает занимать должность сотского, при этом распространяет нелепый слух, что ему не только ничего не будет, но что будто бы высшая уездная администрация его поблагодарила за “расторопность”»⁴⁵.

В потоке негодования можно различить, по крайней мере, две важные посылки, посредством которых мы можем выйти на путь контекстуальной генерализации инцидента. Во-первых, событие датируется 23 октября, что невольно наводит на мысль о существовании связи между событиями в Наумовке и событиями 20–22 октября в Томске. Во-вторых, Бейлин указал на то, что главную роль в разгроме и разграблении принадлежавшего ему

⁴⁴ Разгром в деревне // Сибирская жизнь. 1905. № 215. 27 октября. С. 3.

⁴⁵ Бейлин Б. Письмо в редакцию // Там же. 1905. № 251. 13 декабря. С. 3.

имущества принял сотский Гогин, представлявший полицейскую администрацию на селе. Данное обстоятельство тесно увязывается с погромными нарративами оппозиционных режиму групп, в которых роль представителей правоохранительных органов связывалась не только с подстрекательством к погромам собственности и к нанесению физического ущерба лицам еврейской национальности, но и с непосредственным участием в погромных актах⁴⁶. Примечательно, что Бейлин не возлагал вину за случившееся на остальных участников погрома.

Можно лишь догадываться о том, что собственно произошло. Материалы следствия предоставляют возможность реконструировать разные версии наумовских событий, не выходя, однако, за рамки этического описания внешнего наблюдателя и не погружаясь на уровень интерпретации поступков акторов. Как бы то ни было, данная методологическая стадия представляется крайне важной, потому как именно на ней будут выявлены те противоречия, которые имплицитно содержат в себе источники.

Начнем, однако, с тех событий 23 октября 1905 г., которые непосредственно предшествовавших погрому. В этот день на утреннюю службу в молитвенный дом во имя Святителя и Чудотворца Николая в с. Наумовском съехались крестьяне из 8 деревень и переселенческих поселков, входящих в Наумовский церковный приход⁴⁷. После обедни возле дома Бейлина собралась толпа местных и приезжих из окрестных деревень и поселков крестьян, насчитывавшая около 100 человек⁴⁸. Судя по более поздним источникам, именно утреннее богослужение обеспечило необходимые условия для того, чтобы в Наумовском собралось максимальное число крестьян из окрестностей, потому как, во-первых, речь идет о воскресной службе, а во-вторых, в местной церкви вечерние службы не велись, «так как народ не приходит ко всеобщей вечером»⁴⁹.

Итак, доподлинно нам известно лишь то, что вслед за тем, как толпа крестьян собралась, нечто подвигло ее приступить к разгрому и разграблению лавки Бейлина, и в самый разгар погрома произошло возгорание. В материалах следственного дознания фигурируют показания, вступающие в разительные противоречия друг с другом. Одна группа свидетелей единодушно, за исключением отдельных деталей, свидетельствовала против Гогина, вторая же утверждала, что Гогин к нападению на собственность Бейлина не

⁴⁶ См., напр.: Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма в Средние века и в Новое время. М.; Л., 1929. С. 196–198; Маевский Евг. [Гутовский В.А.]. Массовое общественное движение в России с 1904 по 1907 гг.: Общая картина движения. М., 2017. С. 67–70; Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни: Революция в России и старый порядок. М., 2015. С. 59–60; Покровский М.Н. 1905 год: Наша первая революция. М., 2014. С. 96.

⁴⁷ В приход входили деревни Бобровка, Борисовка, Васильевка, Ржавка и Рогожина и поселки Бородихинский, Мыльниковский и Прытковский (Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год. Томск, 1903. С. 121–122).

⁴⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 4–5 об.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3399. Л. 5.

причастен. Сам сотский в качестве алиби указывал на то обстоятельство, что утром того же дня сельский староста Семен Шуляков поручил ему взять под стражу и доставить в Семилуженское волостное правление наумовского крестьянина Ефима Еремина, накануне означенных событий убившего своего отца. В ожидании подводы Гогин пробыл в доме задержанного до самого вечера, после чего отправился к дому Бейлина, перепоручив наблюдение за Ереминым десятскому Исаю Хлестову. Обнаружив дом и лавку торговца «уже разбитыми и пустыми», он как ни в чем не бывало вернулся к исполнению своих служебных обязанностей. Безусловно, Гогин тем самым отрицал как факт подстрекательства, так и прямое участие в погроме имущества еврея⁵⁰.

Вместе с тем полицейский десятский Хлестов эти показания опроверг. Дознанием было установлено, что еще утром 23 октября Еремин был освобожден из-под ареста, потому как был взят сотским на поруки. Кроме того, показания десятского подтвердил староста Семен Шуляков и отцеубийца Еремин. Следовательно, Гогин мог находиться на месте погрома и принимать в нем деятельное участие⁵¹. Имелись и другие свидетели обвинения. Так, сельский писарь Николай Сергеев указал на то, что в момент, когда возбужденная толпа уже собирались расходиться, возле лавки Бейлина появился Гогин, находившийся в состоянии алкогольного опьянения и призывавший к разгрому собственности еврея («идите, бейте»). Взбудораженная толпа начала громить лавку, выкидывая товар на улицу. Вскоре по неизвестным причинам в лавке произошло возгорание. Священник Безобразов с крестьянами Сергеевым и Пугасовым первым приступил к тушению и одновременно «начал просить народ затушить пожар, чтобы не произошло общего несчастья». В этот момент сотский вновь появился возле лавки и начал разгонять тушивших пожар, «ударив свидетеля Сергеева доской по спине». Крестьянин Василий Рахов показал, что Гогин в ходе разгрома лавки отобрал у приказчика Талапина около 4 пуд. мяса и 7,5 пуд. кож. Его показания получили подтверждение после проведенного в доме сотского обыска⁵².

На суде показания, подтверждавшие алиби обвиняемого, дала более многочисленная группа из 8 крестьян, в числе которых был его сын Иван. Их обвинения за отдельными разночтениями повторяли изложенное сотским. Например, свидетели Павел Бобров, Леонтий Носов и Тимофей Пугасов подтверждали факт отсутствия обвиняемого при разгроме лавки, но указали на то, что перед началом погрома (в момент формирования толпы) «сильно пьяный [Гогин] выскочил из своего дома с горбылем в руках и побежал к дому Бейлина, но

⁵⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 4 об.

⁵¹ Там же. Л. 6.

⁵² Там же. Л. 5 об.

не успел добежать до него как был задержан своим сыном и зятем и уведен ими обратно домой и после этого вновь не возвращался»⁵³.

Представляет интерес тот факт, что в качестве главных свидетелей, давших компрометирующие сотского показания, выступили носители наиболее авторитетных, подобно самому Гогину, статусов сельского общества – сельский староста, сельский писарь, полицейский десятский и священник местной церкви. В связи с этим отметим, что общее место отечественной историографии, восходящее к характерным для народников химерическим характеристикам общинного бытия как базирующегося «на вечном законе о братской любви»⁵⁴, достаточно убедительно данным примером опровергается. Возможно, объяснять это противоречие следует особенностями обычного крестьянского права, которое, как известно, квалифицировало поджог как одно из наиболее тяжких преступлений⁵⁵. Соглашаясь с американским русистом С. Фрэнком, мы признаем, что карательные практики в отношении членов крестьянского сообщества и чужаков существенно различались. Если общинный суд над «своими» предполагал ритуализированное покаяние и столь же ритуализированное прощение, то «чужие <...>, чьи преступления угрожали благополучию общины, подвергались наказанию с применением различных форм насилия»⁵⁶. Следовательно, свидетели обвинения в целом могли одобрять преступное деяние сотского и выступили против него лишь потому, что сложилась объективная угроза распространения пожара на соседние дома.

Прокурорский надзор пришел к выводу о доказанности вины Гогина в ходе проведенного следственного дознания и постановил предать сотского суду по ст. 339 и ч. 2 ст. 341 «Уложения о наказаниях», т.е. признать виновным в «неупотреблении <...> в надлежащее время всех указанных или дозволенных законами средств, коими он имел возможность предупредить или остановить какое-либо преступление или беспорядок, и чрез то предохранить государство, общество или вверенную ему часть от ущерба или вреда» и в «превышении или противозаконном бездействии власти»⁵⁷. С выводами окружного прокурора согласились и члены общего присутствия губернского управления, в ходе рассмотрения дела 22 августа 1908 г.⁵⁸ Дело Гогина было препровождено в Томский окружной суд, однако опасения Бейлина насчет того, что обвиняемый может избежать наказания, впоследствии действительно оправдались.

⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 17 об.

⁵⁴ Герцен А.И. Про сельскую общину // По своему обычаю. Формы жизни русского народа. М., 2015. С. 35.

⁵⁵ Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017. С. 259.

⁵⁶ Трошина Т.И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: Актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 200.

⁵⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. С. 230.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 15–15 об.

Во-первых, дело, вероятно, намеренно затягивалось. Известно, что результаты первичного дознания были переданы уездным исправником в Томское губернское управление уже 4 ноября 1905 г. Решение о передаче дела в окружной суд, однако, последовало почти спустя 3 года. Наконец, 10 февраля 1909 г. его члены по окончании судебного разбирательства, посчитав, что показания крестьян, свидетельствовавших в пользу невиновности бывшего сотского «заслуживают полного доверия», вынесли Гогину оправдательный приговор и постановили принять все судебные издержки на счет государственной казны⁵⁹. Не стоит, конечно, исключать и невиновности сотского. У торговца отсутствовали надежные основания для обвинения его в инспирировании погрома. Наумовское, судя по материалам дознания, он покинул тогда, когда толпа только начинала собираться возле его дома и лавки⁶⁰. Сведения такого рода он мог получить, например, от своего приказчика Талапина.

Параллельно велось следствие по делу о крестьянах-участниках погрома. Материалы прокурорского дознания в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Томской области нам обнаружить не удалось, что, вероятно, свидетельствует о том, что до наших дней они не сохранились. Стадия предварительного разбирательства в этом случае так же, по-видимому, затягивалась. Слушание по делу о разгроме лавки Бейлина открылось в Томском окружном суде лишь 12 ноября 1908 г. По сообщению газеты «Голос Томска», на скамье подсудимых оказались 23 крестьянина из с. Наумовского и пос. Михайловского. По приговору суда 6 из них были оправданы, двоих фигурантов суд приговорил к двухмесячному тюремному заключению, одного – к полутора годам арестантских рот, а остальные получили приговор в виде 8-месячного тюремного заключения⁶¹.

Однако периодическое издание существенно исказило реалии – в судебных приговорах фигурировала иная цифра. В действительности перед судом предстали 19 крестьян д. Борисовки (Козьма Цыбулин, Николай и Иван Березины, Николай Ведерников, Митрофан Кравченко, Иван Лянгузов), пос. Михайловского (Николай Миклошевич, Марцыл Ансбук, Франц Гильда), с. Наумовского (Филипп и Иван Клюквины, Петр Порубин, Михаил Мозголин, Парасковья и Иван Петуховы, Илларион Поваринцев, Василий Бакакин, Роман Рахов) и ишимский мещанин Аким Синельников, проживавший на заимке возле пос. Прытковского. Кроме того, наиболее суровый вердикт был вынесен наумовскому крестьянину Федору Рахову, признанному виновным в подстрекательстве к погрому и

⁵⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 17 об.–18.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 557. Д. 436. Л. 2.

⁶¹ Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафронов В.А. Еврейские общины Томской губернии (1885–1919 гг.). Хроника общественной и культурной жизни // Евреи в Сибири: Сб. статей. Томск, 2000. С. 69.

приговоренному «к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и <...> отдаче в исправительные арестантские отделения» сроком на 1 год и 6 месяцев⁶². Еще 16 фигурантов дела так же были лишены особенных прав и преимуществ и получили одинаковый срок тюремного заключения, равный 8 месяцам. Двое несовершеннолетних участников погрома (борисовские крестьяне Николай Березин и Иван Лянгузов) – по 2 месяца тюремного заключения. Особенно важно отметить, что суд признал в качестве важнейшей причины погрома «вражду русского населения к еврейскому»⁶³.

Приговор оставил неудовлетворенными всех обвиняемых. Следующей ступенью судебной системы, в которой они могли обжаловать приговор и получить оправдание, был Уголовный департамент Омской судебной палаты, являвшейся апелляционной инстанцией для Томского окружного суда и регулярно проводившей выездные заседания на подконтрольной ей территории. 23 ноября 1909 г. выездное заседание по делу о погроме в с. Наумовском состоялось в Томске. Риторика обвинения на этот раз изменилась. Члены Палаты приняли во внимание то, что по свидетельству о. Г. Безобразова и полицейского урядника Н. Доронина отношения крестьян с. Наумовского с Бейлиным до 23 октября 1905 г. были весьма дружелюбными, а «Бейлин не только не являлся эксплуататором крестьян, но нередко поддерживал их в нужде и помогал их школе [церковно-приходской – В.А.]». Исходя из этого, Омская судебная палата заключила, что причиной произошедшего была не «вражда, проистекающая из экономических отношений или религиозной, племенной или сословной резни, а появление слухов, взволновавших всех крестьян села Наумовского»⁶⁴. Приговоры, вынесенные Томским окружным судом, были существенно смягчены. Все подсудимые, за исключением Николая Березина и Ивана Лянгузова, на момент погрома не достигших возраста совершеннолетия и приговоренных к 1,5 месяцам и 3 неделям соответственно, получили по 2 месяца тюремного заключения⁶⁵. Вернемся к уже озвученному – к показаниям Безобразова и Доронина. Действительно ли в столь краткий временной промежуток могла разрушиться «патронная идиллия», складывавшаяся, очевидно, гораздо дольше срока, оказавшегося достаточным для ее разрушения? Вероятно, за погромом стоял какой-то неизвестный нам конфликт. Однако члены суда посчитали ссылку на взбудоражившие крестьян слухи достаточным основанием для того, чтобы оставить его без ответа. Отметим, что социальные психологи, занимающиеся изучением циркуляции слухов в обществе, подчеркивают, что в неопределенных ситуациях они выполняют функцию «конструирования смысла». Так называемые «слуховые гипотезы»

⁶² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 6 об.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. С. 183.

⁶³ Там же. Л. 6 об.

⁶⁴ Там же. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 8 об.

выдвигаются и оцениваются акторами в темпорально неустойчивых микрогруппах с точки зрения их правдоподобности, опираясь на весь личный жизненный опыт⁶⁶. Показания Безобразова и Доронина, следовательно, не вполне реалистичны.

Что касается решения суда, то имелись в виду те слухи, на которые крестьяне неоднократно ссылались в оправдание своих действий 23 октября 1905 г. На наш взгляд, следует полагать эти слухи единым образованием ввиду того, что они образовывали единую линию повествования, санкционировавшую агрессивные действия крестьян: 1. Предстоящая вскоре смена монарха; 2. Намерение томских евреев избрать царем купца 1-й гильдии И.Л. Фуксмана; 3. Указ самодержца о дозволении в течение пяти дней «громить за организованный будто бы ими заговор против Русского Царя»; 4. Подпись Бориса и Соломона Бейлиных под манифестом об избрании Фуксмана⁶⁷.

Конечно, можно принять это за чистую монету, следуя авторитету господствующей в историографии оценке слухов как специфически крестьянского канала коммуникации и, следовательно, рассматривая крестьян как простых реципиентов доходящей до них информации. С этих позиций выступает, например, крупнейшая исследовательница российского крестьянства М.М. Громыко, полагающая, что в крестьянской иерархии источников информации слухи занимали главенствующее положение, и характеризующая их следующим образом: «для большинства крестьян слухи служили существенным источником сведений о внешней и внутренней политике государства, смене монархов, заговорах, переворотах и т.д.»⁶⁸. К характеристике М.М. Громыко присовокупим характеристику, подчеркивающую аналогичную роль слухов в крестьянской среде и данную французским историком Ж. Лефевром: «В пустом безмолвии провинции каждое слово находило чрезвычайный отклик и становилось Евангелием»⁶⁹. Однако дело могло обстоять иным образом. Слухи нередко использовались участниками погромов для оправдания своих действий. Мы полагаем необходимым в данной связи учитывать предметно-содержательную сторону самих слухов. Те из них, которые были упомянуты в ходе двух судебных разбирательств по делу о погроме в с. Наумовском, встречались довольно часто не только в ходе второй (1903–1906 гг.), но и первой погромной волны (1881–1882 гг.)⁷⁰.

Представляется неслучайным и то, что вину за распространение ложной информации, взбудоражившей толпу, крестьяне, хотя и косвенно, возложили на поляков. Вот как эти обстоятельства изложены в следственной документации: «волнение начало было

⁶⁶ DiFonzo N., Bordia P. Rumor, Gossip and Urban Legends // Diogenes. 2007. Vol. 213. P. 21.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 7, 21–21 об.

⁶⁸ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 210–211.

⁶⁹ Lefebvre G. The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France. New York, 1973. P. 74.

⁷⁰ См., напр.: Ламброза Ш. Погромы 1903–1906 годов // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921). М., 2016. С. 216.

успокаиваться, но в это время подъехало несколько соседних крестьян-поляков. Двое из них присоединились к толпе и вслед за этим *кто-то* [курсив наш – В.А.] крикнул, что приехавший из г. Томска поляк лично видел подписи Бейлина и его брата на каком-то документе об избрании Царем местного еврея Фуксмана. Это заявление привело толпу в состояние крайнего возбуждения и один из осужденных, бывший в сильно нетрезвом виде, бросился к дому Бейлина и стал выбивать оконную раму. Его примеру тотчас же последовали другие <...>⁷¹. Налицо очередная стратегия самооправдания, связанная со сложившимся в широких кругах образом поляков как элемента совокупного внутреннего врага. Во-первых, солидаризируемся с позицией М.В. Шиловского, полагающего, что проявление погромного насилия в отношении поляков в ходе томского погрома (число пострадавших поляков превосходило число пострадавших евреев) и в целом погромной серии 1903–1906 гг. увязывалось в массовом сознании с тем, что «они выступали в качестве “фишки” инновационной активности», т.е. были задействованы в наиболее технологически развитых производственных и коммерческих областях: гостиничном бизнесе, изготовлении лекарственных средств, слесарно-механическом производстве, фотоделе и т.д.⁷² Кроме того, лица польской национальности практически повсеместно были представлены в рядах «интеллигентских» профессий и занятий (профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений и чиновничество различного уровня, студенчество, адвокатура и др.). Второе, но не менее важное обстоятельство: поляки составляли внушительную силу в «освободительном движении» в годы Первой русской революции, причем как в движениях с исключительно националистическими лозунгами, так и в общеимперских оппозиционных политических объединениях.

Гогин, как и подсудимые крестьяне, ссылаясь на то, что Бейлин неоднократно высказывался о необходимости изменения государственного строя и даже призывал к царубийству («царя нам не нужно, лучше было бы, если его убить»)⁷³. Прежде всего, конечно, не следует рассматривать встречное обвинение как простое воспроизведение действительного положения вещей. В противном случае возникает серьезная опасность разделения исторического контекста и помещенных в него крестьян. Б.И. Колоницкий на материалах дел по оскорблению членов императорской семьи в годы Первой Мировой войны показал, как представители крестьянского сословия использовали статью политического характера в собственных интересах при разрешении как горизонтальных, так и вертикальных конфликтов. Инциденты такого рода, очевидно, имели место и до 1914 г. В нашем случае

⁷¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 2–2 об.

⁷² Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 144; Его же. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 297.

⁷³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 21; ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 4 об.

обвиняемые могли надеяться на встречное обвинение для легитимации погромных действий, и, кроме того, «царь заочно привлекался как могущественный символический союзник одной из конфликтующих сторон» и гарантировал устранение противника⁷⁴. Мы, таким образом, сталкиваемся с еще одной стратегией самооправдания, посредством которой крестьянами демонстрировалась приверженность самодержцу и самодержавному порядку в целом. Следует также прокомментировать деталь, фигурирующую в рассматриваемых делах, точнее говоря, в показаниях Дмитрий Гогина и Романа Рахова. Напомним, что деяния и первого, и второго квалифицировались как достаточно тяжкие, и им грозили весьма суровые наказания. Объединяющая их особенность, представленная в материалах дознания, – это постоянное указание на состояние ненамеренного алкогольного опьянения в момент погрома⁷⁵ как на смягчающее обстоятельство, нивелировавшее возможность преступного умысла, но максимизировавшее аффективные свойства распространившихся слухов. По уголовному законодательству начала XX в. подсудимые, опьянение которых было подтверждено предварительным дознанием, нередко получали значительно более мягкие приговоры⁷⁶.

В данном контексте целесообразно вспомнить о классиках исторической антропологии. В работе Н.З. Дэвис «Беллетристика в архивах. Письма о помиловании и их рассказчики во Франции шестнадцатого века» («Fictions in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-century France»). Через эту работу рефреном проходит критика позитивистского историописания и обязательной для него веры в непогрешимость архивных источников. Анализируя прошения о помиловании, подававшиеся французскими убийцами XVI в. на имя короля, Н.З. Дэвис показывает, насколько часто в архивных первоисточниках сокрыт вымысел. Дэвис разбирает то, как необходимо было построить прошение, чтобы получить помилование. Над прошениями трудились целые группы людей, в которых ключевую роль играли адвокаты, помогавшие канонически верно составить просителям текст. Важно было составить его таким образом, чтобы судьи поверили в то, что прошение действительно дело рук обвиняемых, а не искусственных в юриспруденции и знакомых с тонкостями и уловками адвокатами. С этим составители прошений обращались прежде всего к разного рода господствующим стереотипам. Женщины, например, неизменно подчеркивали собственную слабость, обозначая главной причиной совершенного преступления угрозу личной безопасности, целомудрию и т.д. Убийцы-мужчины, напротив, акцентировали внимание на спонтанности, случайности и аффективности своего деяния. Вымысел воспроизводил устойчивые структуры и взаимные ожидания, существовавшие в

⁷⁴ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 51.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 8; ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2665. Л. 17 об.

⁷⁶ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 50.

обществе той эпохи. Не имея возможности отослать читателя к тексту оригинала, мы отсылаем к пособию М.М. Крома, тезисно представившего работу Н.З. Дэвис⁷⁷. Добавим, что, к примеру, прошение о помиловании на имя Императора, поданное наумовскими крестьянами в ноябре 1910 г., было выстроено по единому канону⁷⁸ и включало в себя самоуничижительные вставки («Мы сознаем Великий Царь Батюшка нашу невольную вину <...>, мы каемся <...>, но и дерзаем умолять <...>»)⁷⁹.

Подобно отмеченным выше сюжетам, такая манера поведения обвиняемых и все использованные уловки могли быть простроены и подсказаны присяжным поверенным Н.Н. Новиковым⁸⁰, защищавшим в окружном суде и судебной палате всех из них (за исключением Николая Березина, который, вероятно, отказался от его услуг, рассчитывая на снисхождение ввиду несовершеннолетнего возраста). Со своей стороны представитель защиты систематически обращал внимание членов суда на необходимость максимального смягчения меры наказания для его подзащитных в силу «их крайней неразвитости и невежества»⁸¹.

Однако, на наш взгляд, значительную роль в постепенном смягчении меры наказания сыграли и сами крестьяне, вернее особенности их правосознания. Американская исследовательница Дж. Бербанк посвятила правовой культуре российского крестьянства исследование (на материалах волостных судов центральных губерний), написанное в русле историко-антропологического подхода. Так называемое «общество» в большинстве своем полагало крестьян чересчур невежественными и примитивными для понимания закона и, тем более, отстаивания собственных личных имущественных и неимущественных интересов в органах юстиции. Напротив, Бербанк, на наш взгляд, удалось убедительно доказать, что «сельские жители знали, что закон можно использовать, <...> имели представление о его многочисленных защитных уловках и правилах»⁸². Полагаем, что теми же качествами обладали и подсудимые крестьяне, намеренно акцентировавшие внимание судебных коллегий на собственном невежестве, доверчивости и слепой преданности «Царю-Батюшке». Таким образом крестьяне успешно использовали ограниченную множеством сословных запретов роль и в полной мере просчитывали то, как именно в ходе судебного разбирательства должен сработать принцип взаимных ролевых ожиданий.

⁷⁷ Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.; М., 2010. С. 62.

⁷⁸ На существование такого шаблона указывает в частности С.А. Степанов. См.: Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992. С. 81.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 5 об.

⁸⁰ Следует отметить, что в августе 1909 г. присяжный поверенный Н.Н. Новиков в составе группы юристов представлял интересы обвиняемых на судебном процессе по делу о томском погроме 20–22 октября 1905 г. (Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 107).

⁸¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 7.

⁸² Burbank J. Russian Peasants Go to Court. Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington; Indianapolis, 2004. P. 5, 7.

Антисемитские взгляды Николая II обстоятельно изучены в исследовательской литературе. В этой связи достаточно указать на статью отечественного исследователя С.П. Подболотова, на материалах переписки Николая с Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной осветившего эту, несомненно дискуссионную, сторону личности последнего правившего представителя Дома Романовых. Среди сюжетов, рассмотренных Подболотовым, представляют особенный интерес прошения о помиловании, подававшиеся участниками погромов в конце 1900-х – начале 1910-х гг., к тому моменту уже прошедшими через все ступени судебной системы (окружные суды – уголовные департаменты судебных палат – Кассационный департамент по уголовным делам Правительствующего Сената) и вина которых была признана вполне доказанной, а кассационные жалобы отклонены. Последней инстанцией, способной даровать погромщикам прощение, согласно судебной системе того периода, являлся Император. Подавляющее большинство прошений о «даровании Всемилостивейшего прощения» (1713/1938), поданных погромщиками на имя Николая, было удовлетворено⁸³. В немалой степени этому поспособствовало содействие министра юстиции И.Г. Щегловитова (кстати, активного деятеля правомонархического движения), взявшего прошения о помиловании под личный контроль и возложившего на себя обязанность ежемесячно лично докладывать о каждом из них монарху⁸⁴. 27 января 1911 г., заслушав доклад министра юстиции, Император даровал Высочайшее помилование всем крестьянам-фигурантам наумовского погрома 23 октября 1905 г.⁸⁵

Однако самого Бейлина, спустя пять с небольшим лет, это вряд ли интересовало. Сразу после погрома он вместе с семьей переселился в с. Ново-Кусково. Отношения с местными жителями на новом месте сложились куда успешнее. В 1912 г. пристав 3-го стана, как и новокусовцы, отзывался о нем в наиболее положительных формулировках⁸⁶. На это могло повлиять то, что в с. Ново-Кусково и Новокусовской волости в целом сложилась крупная еврейская община⁸⁷. Не следует, однако, исключать и иных причин. В с. Наумовское он, по всей видимости, более не возвращался. В 1906 г. «Сибирская жизнь» разместила его объявление Бейлина о продаже дома и лавки в Наумовском. Примечательно, что, объясняя причины прекращения торговли в данном населенном пункте, он указал на случайность («Торговля прекращена случайно...»), а ответственность за проведение переговоров с покупателями возложил на своего брата, присяжного поверенного М.Р. Бейлина⁸⁸.

⁸³ Podbolotov S. "... And the Entire Mass of Loyal People Leapt Up". The Attitude of Nicholas II Towards the Pogroms // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. № 1–2. P. 205.

⁸⁴ Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. М., 1992. С. 81.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 436. Л. 31.

⁸⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 412. Л. 1.

⁸⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1145. Л. 35 об.–37.

⁸⁸ Сибирская жизнь. 1906. № 139. 2 июля. С. 5.

Перейдем теперь к историографии. В научно-исследовательской литературе практически не встречаются отсылки к событиям 23 октября 1905 г. Фактически можно указать лишь на два исследования, в которых так или иначе события в Наумовском представлены. Первое из них – монография М.В. Шиловского «Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация», в которой наумовский инцидент рассматривается как логичное продолжение томских событий 20–22 октября, дестабилизировавших ситуацию в губернии в целом. Автор, однако, не ставил перед собой цели проанализировать его причины и предпосылки, детально реконструировать событийно-фактическую сторону, ввиду чего ограничился весьма лаконичным абзацем. Однако обращает на себя внимание другое: погром в с. Наумовском, согласно утверждению М.В. Шиловского, представлял собой «единственный случай еврейского погрома в сибирской деревне»⁸⁹.

Еще одно лаконичное описание интересующих нас событий содержится в диссертационном исследовании Е.Л. Бузмакова. Оно не привносит новизны и воспроизводит немногочисленные сведения, просочившиеся в 1905 г. в периодическую печать. Комментарии Е.Л. Бузмакова, однако, представляют интерес в связи с процитированной выше номинацией М.В. Шиловского. Автор указал на случай еще одного еврейского погрома в сельской местности, произошедшего в с. Ижморском Мариинского уезда Томской губернии 29 ноября, когда была разгромлена и разграблена лавка еврейского торговца Л.Я. Ганцелевича. Вместе с тем данный погром инспирировали в сущности не крестьяне, но пребывавшие некоторое время в селе дружины народного ополчения (с. Ижморское представляло собой пристанционный поселок)⁹⁰.

Итак, осуществленное «тонкое описание»⁹¹ убеждает нас в том, что крестьянам, вовлеченным в события 23 октября и последовавшее за ним следственное и судебное разбирательства, было что скрывать. Принимая позицию американского историка Р. Вейнберга (Суортмор-колледж, Пенсильвания), утверждающего, что «если историки хотят осуществить всеобъемлющий анализ антисемитизма и погромов в Российской империи и предложить более определенную оценку этих явлений, необходимы детальные исследования

⁸⁹ Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 90.

⁹⁰ Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 42–43.

⁹¹ К. Гирц отмечал, что даже самое простое «тонкое описание» в сущности есть избыточное интерпретациями «насыщенное описание» (Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культур // *Его же*. Интерпретация культур. М., 2004. С. 15–16).

конкретных происшествий такого рода»⁹², мы, таким образом, предлагаем заново поставить вопрос об интерпретативных рамках наумовского погрома.

Во-первых, мы намерены дополнить проведенное контекстуальное описание еще одним важнейшим элементом – описанием природных условий района, к которому относилось с. Наумовское. Во-вторых, как говорил один из классиков исторической антропологии, французский историк Э. Ле Руа Ладюри, предваряя свое исследование д. Монтайю в Окситании, «точка зрения, приземленная до уровня почвы, крестьянского общества, чудесно сочетается с монографией по аграрной истории»⁹³. Солидаризируясь с позицией классика, мы предполагаем осуществить описание хозяйственного уклада наумовских крестьян, которое, как представляется, поспособствует прояснению мотивов, стоявших за действиями погромщиков в конце октября 1905 г. Раздел, посвященный природным условиям, в таком случае сыграет, как мы покажем, роль своеобразного каркаса, на котором будут надстраиваться хозяйственно-бытовые и конфессиональные практики крестьян из населенных пунктов, окружавших с. Наумовское.

Затем, на наш взгляд, необходимо будет предложить политико-идеологическую интерпретацию событий в с. Наумовском. Предваряя освещение крестьянского движения в 1905–1907 гг., Т. Шанин следующим образом формулирует вопрос, на который мы постараемся ответить: «Кто кого вел?»⁹⁴. Без него любое исследование, посвященное периоду Первой русской революции, не может считаться вполне законченным. Наконец, мы не исключаем и того, что в ходе «насыщенного описания» станет ясным, что ни одна из причин не являлась вполне достаточной, и, следовательно, погром явился следствием синкретичной констелляции факторов.

1.2. Природно-географические условия Томь-Чулымского междуречья

Мы исходим из взгляда на природное пространство, не удовлетворяющегося отведением ему вторичной роли локуса-эпифеномена. Собственно говоря, избранный подход подразумевает способность пространства «ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать и гасить» исторические события, т.е. выступать полноценным и деятельным субъектом⁹⁵. Таким образом, наш подход к природно-географическим условиям

⁹² Вейнберг Р. Погром 1905 года в Одессе: исследование отдельного случая // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921). М., 2016. С. 255.

⁹³ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 13.

⁹⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997. С. 229.

⁹⁵ Цит. по: Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания //

интересующего нас региона определяется через рассмотрение их в качестве *эвентуальных* условий. Перейдем, однако, к изложению конкретного материала.

Итак, с. Наумовское и его окрестности расположены в междуречье рек Томи и Чулыма, в верхнем течении р. Малая Самуська, на ее правом и левом берегах. С геоморфологической точки зрения этот участок представляет собой водораздельную равнину и характеризуется максимальными для Томской области гипсометрическими отметками, достигающими показателей 200–220 м над уровнем моря. Данный фрагмент водораздела имеет естественные границы, представленные верхними течениями притоков Томи и Чулыма: на севере это исток р. Малая Юкса, на востоке – р. Омутная (приток р. Большой Киргизки), к югу и юго-западу – бассейн р. Самуськи. Благодаря развитой гидрографической сети материк на этом участке в значительной степени расчленен долинами мелких ручьев, речушек и сезонных водостоков. В наибольшей степени это характерно для южной части фрагмента, служащего водосбором р. Самуськи. По этой причине для участка свойственно огромное количество глубоких и длинных оврагов, многие из которых превратились в балки, имеющие пологие скаты⁹⁶.

Р. Самуська, на берегах которой возник пос. Наумовский, в среднем и нижнем течении протекает в пределах долины Томи, в границах орографической депрессии, во многом обусловившей специфику всего правобережья. Депрессия, для которой характерна высокая степень обводненности и заболоченности, делит правобережье на две схожие части. Их основные геоморфологические элементы представлены образованиями второй надпойменной террасы (боровой) рек Томи, Самуськи, Камышки, дополненными хорошо развитыми поймами. Низкие поймы покрыты зарослями тальника, черемухи, смородины, малины. Высокие поймовые участки покрыты темно-хвойными породами леса⁹⁷.

На этом отрезке правобережная долина Томи существенно отличается от остального томского бассейна в пределах области. Характерно это прежде всего для гипсометрических отметок надпойменных террас. В приустьевой части долины р. Томь зафиксированы минимальные гипсометрические значения, колеблющиеся в пределах от 90 до 100 м над уровнем моря. Отмеченная особенность естественным образом повлияла на природно-географические характеристики, обеспечив пестроту и разнообразие почвенного покрова и растительности на приустьевом правобережье.

Историческая география: Пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции (Москва, 27–29 января 2011 г.). М., 2011. С. 33.

⁹⁶ Славнин Д.П. Геолого-географические условия Самусьского археологического района // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 5. См. также: Лыготин В.А. Склоновые процессы в Томском Приобье // Вопросы географии Сибири. Томск, 1989. Вып. 15. С. 46.

⁹⁷ Там же. С. 5, 8.

Таким образом, с. Наумовское, расположенное на верхнем течении р. Самуськи, возникло на границе двух природных областей: к северу, северо-востоку от населенного пункта располагается возвышенная водораздельная равнина Томи и Чулыма, а по направлению к югу и юго-западу, локализована пониженная правобережная долина Томи, прорезаемая Самусьской депрессией. В результате активной деятельности рек, рельеф водораздела приобрел чрезвычайно расчлененный характер, контрастирующий со стабильно ровными ландшафтами Самусьской депрессии и правобережного долинного комплекса.

Геоморфологической особенностью правобережной долины является гипсометрическая неравномерность. Надпойменная терраса по продольному профилю с 20 м высоты, на правом берегу Самуськи, снижается до 8–10 м у левого берега р. Камышки. На ее поверхности располагаются цепочки озер, связанных короткими протоками. Некоторые из них прошли стадию одряхления и превратились в сфагновые болота. Водоупорным слоем для них, вероятно, является горизонт ортзанда. В пределах террасы наблюдаются суффозионные небольшие и неглубокие блюдца и воронки, частью заболоченные. Вся поверхность террасы носит следы ветровой деятельности, выраженной в дюнообразных возвышенностях и чашеобразных впадинах, часто заполненных озерами разной степени зрелости, береговые валы которых указывают на понижение их уровней в недавнем геологическом прошлом.

Наличие грив и заболоченных межгривенных впадин, способствовало и способствует тому, что в этом районе транспортная инфраструктура слабо развита даже в настоящее время. Особую актуальность и злободневность эта особенность приобрела в конце XIX в., в период активного переселенческого движения. Чиновник Управления государственными имуществами в Западной Сибири в 1893 г. оставил следующую характеристику: «Так как гривы, извилисто раскинувшиеся между болотами, во многих местах пересекаются и поперечными впадинами, наполняющимися водой не только весной, но даже и в сырое лето, то сообщение между отдельными частями урочища, кроме зимнего времени крайне затруднительно»⁹⁸.

С точки зрения природно-хозяйственного районирования правобережье нижнего течения р. Томи, входит в южную группу районов, включающую практически всю южную часть Томской области. В пределах этой территории отмечен наиболее возвышенный рельеф, с выходом на поверхность древнейших в области геологических отложений. Наконец, для этого природного комплекса свойственно наибольшее разнообразие климатических и почвенных условий⁹⁹.

⁹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 13 об–14.

⁹⁹ Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Новосибирск, 1971. С. 149.

Южная группа районов имеет огромный сельскохозяйственный потенциал, так как благоприятные климатические условия обеспечивают вызревание всех основных полевых культур. Продолжительность безморозного периода 110–115 дней. Период с температурой воздуха свыше 10 градусов продолжается 110–115 дней, за это время сумма температур составляет 1750 градусов, осадков выпадает 200–250 мм. Годовая норма осадков этого района 400–550 мм, при средней температуре воздуха в июле 22 градуса, максимум 30–36 градусов. Абсолютный минимум температуры воздуха – 55 градусов, продолжительность устойчивого снежного покрова 180 дней¹⁰⁰.

Вполне естественно, что в зависимости от локальных условий в разных частях этого огромного района выделяются участки достаточно специфичные в природном отношении. Одним из них является интересующее нас правобережье нижнего течения реки Томи, с прилегающими фрагментами водораздельной равнины Томи и Чулыма.

В самых общих чертах южную группу районов в почвенном районировании относят к подзоне серых лесных почв¹⁰¹. Однако для интересующего нас района основными почвами являются дерново-подзолистые и дерново-сильноподзолистые; от 15–25% занято сопутствующими, дерново-слабоподзолистыми, комковато-дернистыми разностями почв. Кроме того, встречается до 5–10% торфяно-болотных почв и торфяников, преимущественно моховых (сфагновых)¹⁰².

Можно констатировать, что основными почвами района исследований являются два типа: дерново-подзолистые и болотные. Основной массив болотных почв приурочен к долине р. Самуськи, протекающей по геоморфологической депрессии, вытянутой с северо-востока на юго-запад, а также к межгривенным понижениям и деградировавшим озерам. В Томь-Чулымском междуречье дерново-подзолистые почвы являются преобладающими и имеют наиболее широкое распространение¹⁰³. Еще в середине XX в. К.А. Кузнецов, обстоятельно изучивший почвы водораздела, заключил, что для наиболее возвышенных участков водораздельной равнины, к южной кромке которой приурочено местоположение с. Наумовского, характерны светлосерые сильнооподзоленные суглинистые почвы¹⁰⁴. Такие почвы развиваются преимущественно на покровных лессовидных суглинках, иногда карбонатных. Среди них часто встречаются вторично-подзолистые почвы, со вторым гумусовым горизонтом, свидетельствующем о сложностях его генезиса. Дерново-

¹⁰⁰ Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Новосибирск, 1971. С. 168.

¹⁰¹ Там же. С. 149.

¹⁰² Славнин Д.П. Геолого-географические условия Самусьского археологического района // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966. С. 8.

¹⁰³ Евсеева Н.С. География Томской области. (Природные условия и ресурсы). Томск, 2001. Ил. 1.

¹⁰⁴ Кузнецов К.А. Почвы правобережья Оби // Вопросы географии Сибири: сборник статей. Томск, 1949. Вып. 1. С. 40–41.

подзолистые почвы формируются под покровом смешанных хвойно-лиственных и сосновых лесов с хорошо развитым мохово-травянистым покровом, а также под вторичными березово-осиновыми лесами. Принято считать, что подобные почвы характеризуются высокой степенью плодородности, а содержание гумуса может достигать 6–7%¹⁰⁵. Вместе с тем для района исследований характерна локальная специфика. С точки зрения структуры и качества (бонитета) почвы Томь-Чулымского междуречья относятся к 1 группе как пригодные для всех видов угодий с незначительным процентом участков пригодных только для сенокосов и пастбищ, а также земли торфяников и болот. Однако по степени плодородия, коррелирующего со средним относительным содержанием перегноя и питательных веществ, почвы междуречья относятся к 6 категории, значительно уступая по этому показателю даже более северным районам Томской области, таким как Первомайский, Асиновский и даже Бакчарский. По-видимому, причиной низкой плодородности является широкое распространение сильнооподзоленных почв. В качестве примера отметим, что при бонитировке почв Томской области черноземы имеют максимальный балл равный 100, серые лесные – 78, тогда как подзолистые всего 38¹⁰⁶. Естественно, что данный показатель качества и плодородия почв фиксирует усредненные данные обширного района, включающего все междуречье. Это не исключает наличия отдельных фрагментов водоразделов и долин рек с участками, характеризующимися высокой степенью плодородности почв, однако подобные фрагменты не имеют здесь широкого распространения.

Это подтверждается сведениями источников конца XIX в., характеризующими междуречья рек Самуськи и Камышки с точки зрения развития в местных условиях земледелия. «Почва на гривах, в общем, мало пригодна для сельского хозяйства, на более высоких местах она слишком песчаная, на более низких – слишком сырая. При усиленном даже старании будущие крестьяне предполагаемой деревни не в состоянии будут сколько-нибудь значительно расширить ныне существующую в урочищах площадь сельскохозяйственных угодий»¹⁰⁷. Даже в середине 1920–х гг. отмечалось, что сельское хозяйство развито в этом районе слабо, причина этого виделась не только в близости города, способствующего перспективам промыслового заработка, но и в бедности и слабом плодородии почв. В полевом посеве преобладали неприхотливые рожь и овес, но подавляющим удельным весом обладало возделывание «огородных» культур на приусадебных участках¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Евсеева Н.С. География Томской области. (Природные условия и ресурсы). Томск, 2001. С. 150.

¹⁰⁶ Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Новосибирск, 1971. С. 54; Родной край: Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974. С. 59–60.

¹⁰⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 13–13 об.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 165–166.

С особенностями почвенного покрова непосредственно коррелирует характер растительности интересующего нас района. В самых общих чертах южную часть области по растительному покрову относят к зоне березовых лесов, которые занимают своеобразное пограничное положение между тайгой и лесостепью¹⁰⁹. Однако, по мнению некоторых исследователей, исторические данные и научные исследования свидетельствуют, что еще примерно 200 лет назад южная полоса области была сплошь покрыта лесом, причем этот лес был таежным¹¹⁰. С.Е. Рожанец-Кучеровская, изучая растительность окрестностей г. Томска, пришла к выводу, что прежде здесь была развита сплошная темнохвойная тайга. Благодаря человеку, от темнохвойной тайги остались ничтожные островки, «сильно видоизмененные в своем составе, в целях приспособления к наибольшему извлечению выгод»¹¹¹.

Неоднократно высказывалось мнение о том, что березняки в интересующем нас районе являются вторичными, поскольку хорошо известна роль березы как промежуточной породы при восстановлении тайги по гарям и вырубкам. Если антропогенные воздействия, приведшие к разрушению полога тайги, повторяются, восстановление задерживается, и существование березового леса может растянуться на неопределенный срок.

В южной части Томской области именно растительность в наибольшей степени подверглась влиянию антропогенного фактора. В результате хозяйственного освоения, приобретшего особенную интенсивность в последние 100–200 лет, естественная растительность юга претерпела существенные изменения¹¹². Отметим, что это стало следствием не только лишь хозяйственного влияния человека, негативно отразившегося на состоянии угодий, но и крупных лесных пожаров. Первые серьезные пожары в границах современной Томской области зафиксированы в письменных источниках еще в 1625 г. Известно, что леса в этот год «сильно выгорали и запустели»¹¹³. Уже в 1920-х гг. в архивных документах отмечалось, что преобладающим является березовый лес, и только на 30% территории сохранилась «первичная» тайга¹¹⁴. Вероятнее всего, наибольшую антропогенную нагрузку растительность междуречья испытала во второй половине XIX в., когда на трансформации в растительном покрове существенно повлияла близость города. Наиболее распространенным промыслом даже в начале XX в. являлся лесной, то есть разработка и

¹⁰⁹ Иоганзен Б.Г. Природа Томской области. Новосибирск, 1971. С. 149.

¹¹⁰ Евсева Н.С. Изменение ландшафтов юга Томской области в процессе заселения и хозяйственного освоения // Вопросы географии Сибири. Томск, 1993. Вып. 19. С. 50.

¹¹¹ Рожанец-Кучеровская С.Е. Очерк растительности окр. г. Томска в связи с физико-географическими условиями // Известия Томского отделения Русского ботанического общества. Томск, 1921. Т. 1. № 1–2. С. 38.

¹¹² Евсева Н.С. Изменение ландшафтов юга Томской области в процессе заселения и хозяйственного освоения // Вопросы географии Сибири. Томск, 1993. Вып. 19. С. 63.

¹¹³ *Ее же*. Влияние хозяйственной деятельности человека на рельефообразование // Вопросы географии Сибири. Томск, 1989. Вып. 18. С. 34.

¹¹⁴ ГАТО. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 165.

заготовка леса, а также изготовление различных изделий из дерева для сбыта в Томске¹¹⁵.

Итак, подведем некоторые итоги. Проведенная оценка качества почв, лесных угодий и водных ресурсов района в конечном счете не убеждает нас в релевантности категоричных суждений о их слабой пригодности (непригодности) для колонизации и хозяйственного освоения. В следующей главе мы обозначим те особенности хозяйственно-бытового уклад крестьян рассматриваемого района, которые, наоборот, давали крестьянам, в том числе и наумовским, возможность с наибольшей эффективностью использовать сложные природные условия в собственных интересах.

¹¹⁵ Там же. Л. 166.

ГЛАВА 2. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРОМА 23 ОКТЯБРЯ 1905 Г.: СТАДИЯ «НАСЫЩЕННОГО ОПИСАНИЯ»

2.1. Конфессионально-экономическая интерпретация: особенности хозяйственного уклада и религиозных практик крестьян с. Наумовского

В 1896 г. Наумовское попало в поле зрения В.Т. Волкова, проводившего обследование хозяйств Томской-Чулымской и Мариинской тайги. В отчетном докладе он констатировал преобладание добывающих промыслов в хозяйственной жизни пригородных поселений, в числе которых были названы переселенческие поселки, возникшие на рубеже 1880–90-х гг. в западной части Семилуженской волости. Волков указал на три поселка (Наумовский, Борисовский и Рогожинский), в которых главным источником достатка являлась дровяная торговля и поставка ивовой коры на кожевенные предприятия¹¹⁶.

Следует отметить, что такое положение дел регистрировалось практически с самого момента образования Войцеховского переселенческого участка в 1891 г.¹¹⁷ Так, в апреле 1891 г. чиновник Богородского участка ходатайствовал перед томским губернатором об удовлетворении прошения группы наумовских переселенцев о выделении дополнительной продовольственной ссуды. В качестве аргумента он указывал на отсутствие в самом поселке и в его окрестностях спроса на наемный труд. Лишенные возможности обзавестись хозяйством, обеспечивающим достаточное внутрисемейное потребление, крестьяне в малых масштабах добывали и сбывали древесные продукты на городских базарах¹¹⁸, либо поставляли на завод И.И. Колосова, находящийся в двух верстах от поселка. С официальной точки зрения, средства, выручаемые таким путем, нельзя было признать достаточными¹¹⁹.

В биографическом словаре томского купечества содержатся указания на то, что Колосов владел 3 заводами в Томске, суконным производством в д. Аникиной и двумя предприятиями (овчинный и шубный заводы), месторасположение которых не уточняется¹²⁰. По меньшей мере одно из производств располагалось в непосредственной близости от Наумовского. Несомненно, однако, и то, что в целях сокращения явных издержек шубные заводы нередко размещались по соседству с производствами по выделке овчины¹²¹. Кроме

¹¹⁶ Волков В.Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии: доклад Томскому отделу Московского общества сельского хозяйства. Томск, 1896. С. 2.

¹¹⁷ ГАТО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–14 об. Впрочем, по сведениям иных источников, образование переселенческого участка относится к октябрю 1890 г. (Книга образования переселенческих участков: 1885–1912. Томск, 1913. С. 28).

¹¹⁸ Согласно постановлению Томской городской думы от 6 ноября 1885 г. для сеной и дровяной торговли было отведено место под Больничным взвозом (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 472. Л. 14–14 об.).

¹¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 269. Л. 3.

¹²⁰ Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII–начало XX вв.). Томск, 2014. С. 134.

¹²¹ Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 139.

того, учитывая, что специфика производственной технологии подразумевала использование веществ, обладающих дубильными свойствами, вполне вероятно, что на завод сбывались не только дрова, но и корье.

Вне всяких сомнений, несмотря на кажущуюся абсурдность, отмеченные случаи упоминания Наумовского вписываются в широчайший контекст аграрно-крестьянских дискуссий пореформенного периода, в частности дискуссий о государственной политике переселения и аграрной колонизации Сибири и Дальнего Востока. Хотя безвредность переселений для экономики центра и была официально признана лишь в 1889 г.¹²², а массовые переселения за Урал начали рассматриваться как необходимые только в начале XX в.¹²³, в более ранний период чиновничество и просвещенная общественность проявляли к этому вопросу повышенный интерес, открыто выражая обеспокоенность сложившимся положением дел, при котором весьма значительная прослойка переселенцев оказывалась неспособной к ведению земледелия в новых агроклиматических условиях, утрачивала связь с землей, выпадала из существующей социальной структуры и пополняя ряды статусных маргиналов. На наш взгляд, не что иное как крестьянская община этот интерес к положению переселенцев на местах определяла. В пореформенный период отчетливо прослеживаются три позиции, обуславливавших интерес «общества» к крестьянской земельной общине: государственные финансово-фискальные интересы, идеологема «сословно-иерархической стабильности» и проект «внутренней колонизации». Вне всякого сомнения, не следует механически вычленять их из исторического контекста, они являются синхронными структурными элементами органической целостности – имперского сознания пореформенной эпохи. В конспективной форме охарактеризуем каждую из них.

Финансовые интересы государства являются, пожалуй, наиболее эксплицированным в правительственном дискурсе интересом к общине. Она отличалась очевидным преимуществом перед другими сословными институтами – принципом коллективной ответственности, воплощенном в круговой поруке. Не будем подробно останавливаться на данном аспекте и охарактеризуем его тезисно. Общероссийской тенденцией периода, последовавшего за отменой крепостного права, являлся распад многопоколенной патриархальной семьи и постепенное вытеснение ее семьей нуклеарной. Специалисты по пореформенному крестьянству отмечают, что процесс «измельчания» крестьянских семей стал остро ощущаться по крайней мере с начала 1880-х гг. С одной стороны, уменьшение количества трудоспособных членов семьи неизбежно должно было привести к снижению

¹²² Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 53.

¹²³ Прежде всего, мы подразумеваем в качестве такой условной точки бифуркации переселенческий закон от 6 июня 1904 г. (см.: Высочайше утвержденные временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев. Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 6 июня 1904 года // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 24: 1904: Отд-ние 1. СПб., 1907. С. 603–607).

хозяйственной эффективности, с другой же, достаточно очевидна корреляция между увеличением числа крестьянских семей и сокращением размеров земельных наделов¹²⁴. Величина недоимок стремительно увеличивалась даже несмотря на то, что правительством был проведен ряд мер, облегчающих экономическое положение крестьян, перешедших на выкупную операцию: в 1880 г. был отменен соляной акциз, в 1881 г. снижены размеры выкупного платежа, а в 1886 г. отменена подушная подать. Означенные социально-экономические процессы накладывались на мощнейший демографический рост. По подсчетам А.Г. Рашина, ежегодный прирост численности населения в 1866–1870 гг. составлял 796,3 тыс. чел., в 1876–1880 гг. и 1886–1890 гг. – 995,5 и 1292,3 тыс. чел. соответственно¹²⁵. В этой логике расширение экологической ниши, достигаемое получением достаточных земельных наделов в Сибири, как представлялось, гарантировало обзаведение крепким и, что представляется наиболее важным, платежеспособным хозяйством, что призвано было в перспективе ликвидировать нарастающие кризисные тенденции в аграрной сфере экономики. Закономерно и то, что по закону 13 июля 1889 г. с переселенцев освобождались от уплаты недоимок на местах прежней приписки, в течение трех лет от казенных сборов и арендных платежей на месте водворения. В последующие три года переселенцы облагались податями в половинном размере. Переселенцы, достигавшие к моменту переселения призывного возраста, получали трехгодичную отсрочку¹²⁶. Вполне очевидно, что эти меры преследовали целью создание максимально комфортных условий для становления крепких хозяйств.

Конечно, признавая реальность существования проблемы аграрного перенаселения в Черноземном районе, мы должны солидаризироваться и четко встать на сторону С.А. Нефедова в его споре с Б.Н. Мироновым о причинах Октябрьской революции. Однако в данном контексте представляется правомерным и достаточным рассмотрение аграрного перенаселения и, шире, аграрного кризиса в Российской империи конца XIX–начала XX не в качестве некоторой объективной экономической конъюнктуры, но как господствовавшее, по крайней мере с начала 1890-х гг., в среде правительственных чиновников и интеллигенции представление о положении в аграрной сфере.

Во-вторых, в период, последовавший за кончиной Александра II и вошедший в историю как «эпоха контрреформ» («народного самодержавия»), в правительственных

¹²⁴ Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. С. 37–42; Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 414.

¹²⁵ Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. С. 124.

¹²⁶ О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. Высочайше утвержденное 13 июля 1889 г. мнение Государственного Совета // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 9: 1889. СПб., 1891. С. 536–537.

кругах господствовала антикапиталистическая идеологема, согласно которой стабильность национального развития состояла в прямой зависимости от сохранения и упрочения сословной дифференциации¹²⁷. В основе ее лежал традиционалистский политический миф, берущий истоки в историософии славянофилов, акцентировавших своеобразие исторического пути России. Советские историки подчеркивали преимущественно дворянский характер контрреформ, т.е. стремление государства предотвратить глубокий кризис крупных помещичьих хозяйств за счет менее привилегированных сословий¹²⁸. Современные исследователи, наоборот, убедительно показывают, что ключевым пунктом правительственной программы являлось недопущение проникновения буржуазных отношений в деревню и минимизация губительного воздействия капитализма на крестьянскую земельную общину¹²⁹. Исключительно община, по мнению идеологов контрреформ, гарантировала крестьянству оптимальный уровень социально-экономической защиты от эксплуатации со стороны представителей других социальных групп¹³⁰.

В-третьих, в начале 1880-х гг. управление колонизационными потоками начинает восприниматься не только как эффективное средство для разрешения проблем малоземелья в центральных губерниях, но, на более глубинном уровне, как важнейшее условие конструирования и конституирования монолитного пространства Российской империи.

Административный аспект. А.Е. Эткинд дает классическую для фукольдианской философии дефиницию колонизации как «осуществления власти, структурированного различиями – географическими, лингвистическими, культурными»¹³¹. Переселенческая политика, воплощающая в себе политику колонизации внутри имперского пространства, была направлена на унификацию уже присоединенных, но не освоенных территорий через распространение на них отработанных в имперском ядре методов управления, окончательного поглощения их имперским ядром¹³². Неслучайно один из крупнейших представителей отечественной «новой имперской истории» А.В. Ремнев, афористично

¹²⁷ Н.Н. Родигина высказала точку зрения, согласно которой вслед за крестьянской реформой 1861 г. реформаторы стояли на позиции желательности сохранения крестьянской общины и развития в России особого аграрного порядка (Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. С. 106).

¹²⁸ См., напр., доклад Ю.Б. Соловьева на международном коллоквиуме в Ленинграде в 1990 г.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с крестьянством в конце XIX–начале XX в. // Реформы или революция? Россия в 1861–1917 гг.: Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 100.

¹²⁹ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 386.

¹³⁰ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 57, 63; Лёве Х.-Д. От «исправления» к дискриминации: Новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881–1914) // История еврейского народа в России. Т. 2. М., 2012. С. 38–39.

¹³¹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. С. 18.

¹³² Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск, 2013. С. 298–299.

сформулировав узловым принцип этого проекта, особо выделил стратегическое значение земледелия: «Только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря»¹³³. Именно крестьянская *земледельческая* община выступала ключевым способом решения проблем – хорошо знакомой и отработанной в имперском ядре потестарной административной и хозяйственной структурой, которую переселенцы из губерний Западного, Средне-Волжского, Центрально-Черноземного и др. районов должны были привнести в сибирские губернии вкупе с сообразными коллективными формами землепользования. Укажем в связи с этим на то, что долгое время считалось, что русское старожильческое население Сибири практически или совсем не было знакомо с общинными порядками¹³⁴.

Мы полагаем важным выделить в проекте «внутренней колонизации» также *геополитическую компоненту*. Политики и идеологи, прежде всего близкие к военной науке, рассматривали переселенческий элемент как важнейшее средство противодействия нарождающемуся национальному движению инородческого населения Сибири и Дальнего Востока¹³⁵. В историографии за такого рода концепцией закрепилось наименование «политики населения», подразумевавшей «активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач». Русские переселенцы в рамках этой политики призваны были минимизировать «инонациональную угрозу как внутри, так и вне империи», рассеяв и впоследствии полностью абсорбировав автохтонов. Как никогда прежде, геополитическая актуальность колонизации обозначилась после поражения России в войне с Японией¹³⁶.

Вернемся, однако, к проблеме аккомодации переселенцев к новым условиям. Для успешной адаптации, как писал экономист С.Я. Капустин, «прибывший сюда переселенец должен, во-первых, отказаться от привычного образа действия, от тех систем и способов хозяйства, с которыми он сроднился с детства»¹³⁷. Сталкиваясь на практике с непригодностью прошлого опыта хозяйствования в новых условиях, переселенцы редко отказывались от хорошо известных им приемов обработки земли, изменяли набор

¹³³ Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX вв. // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. М., 2013. С. 48.

¹³⁴ На это, в частности, указывает А.А. Кауфман, выступавший с позиции критики тезиса о прогрессивном влиянии переселенческого элемента на старожилов (Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897. С. 265).

¹³⁵ О страхе перед «желтой угрозой» в правительственных кругах в начале 1900-х гг. см., напр.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 144.

¹³⁶ Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX вв. // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. М., 2013. С. 53, 58; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 63–64.

¹³⁷ Капустин С. Взгляд на экономическое и сельскохозяйственное положение Сибири. [Б.м., б.г.]. С. 197.

сельскохозяйственных культур и вооружались местными хозяйственными приемами¹³⁸. Правительственный агроном по Томской губернии И.К. Окулич, наоборот, полагал корнем проблем, возникающих в процессе адаптации, бездумное копирование переселенцем приемов и техник местного жителя, «часто тех, – которые уже потеряли свой смысл»¹³⁹. Даже классическая для советской историографии оценка роли переселений в процессе пауперизации и классового разложения крестьянства, представленная в работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» общим направлением (но не частными деталями и следствиями) артикулирует тождественную, строго инвариативную логику, отрицающую возможность успешной адаптации для переселенца: «Переселения усиливают разложение крестьян на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)»¹⁴⁰. Проблемы адаптации не только полностью нивелировали первоочередную задачу крестьянских переселений – решение проблемы крестьянского малоземелья (абсолютного), но и трансформировали ее в Сибири в виде относительного малоземелья (характерного, впрочем, и для центральных губерний), проистекающего из низкой эффективности методов ведения хозяйства и обработки земли, т.е. в конечном счете – из кризиса крестьянской агрикультуры.

Принимая во внимание тяжелое положение переселенцев на местах, Министерство земледелия и государственных имуществ инспирировало разработку проектов низших сельскохозяйственных школ. В качестве основной цели своей деятельности сельскохозяйственные школы преследовали «распространение в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремеслам, преимущественно путем практических занятий»¹⁴¹, и составляли ключевой пункт в процесс реализации проекта «общественной агрономии»¹⁴².

Учитывая все вышеозначенное, мы полагаем необходимым остановиться на практически неизученном сюжете реагирования губернских властей, заключающегося в тенденциозной попытке использования образовательного учреждения данного типа для наставления наумовских крестьян (и в целом крестьян-переселенцев Томского пригородного

¹³⁸ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 54–55.

¹³⁹ Отчет правительственного агронома по Томской губернии за 1898 год Департаменту земледелия: с приложением отчетов по Томской низшей сельскохозяйственной школе, Томской и Александринской сельскохозяйственных фермах и отчета Инструктора пчеловодства по Томской губернии. Томск, 1899. С. 2.

¹⁴⁰ См., напр.: Тужиков В.И. О формировании пролетариата в Сибири во второй половине XIX в. (1861–1891 гг.) // Вопросы истории Сибири: сб. ст. Томск, 1964. Вып. 1. С. 57.

¹⁴¹ Нормальное положение о низших сельско-хозяйственных школах, Высочайше утвержденное 27 декабря 1883 г. // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 3: 1883. СПб., 1886. С. 492.

¹⁴² Мы полагаем оперирование данным термином справедливым несмотря на то, что впервые понятие «общественная агрономия» В.Г. Бажаев употребил только в 1899 г. (Овчинцева Л.А. Общественная агрономия в России: теория и практика (конец XIX–начало XX века): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1995. С. 10).

района) на сообразный господствовавшим идеям путь развития и приобщения к прогрессивной агрономической культуре, в некотором роде «перевоспитании» их в хлебопашцев. В 1895 г. губернатор Г.А. фон Тобизен в 1895 г. предложил учредить в Томской губернии низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда с опытной фермой на заимке Барсукова, расположенной в 30 верстах к северу от Томска¹⁴³. О несостоявшемся разгроме именно этой фермы упоминалось в газетной заметке, процитированной нами в начале главы. Трудно обнаружить иные обстоятельства, позволяющие интерпретировать логику властей, выбравших для размещения учебного заведения зону сосредоточения недавно возникших переселенческих участков, кроме как осознание реальности угрозы относительного малоземелья. Итак, 1 октября 1898 г. школа начала свою работу¹⁴⁴. Для ее финансирования местные власти привлекали средства из губернского земского сбора, взимаемого с 1888 г. с десятины надельной земли, подразделявшейся на три разряда в зависимости от ее качества¹⁴⁵. Кроме того, значительный вклад в финансирование вносила сама школа, функционировавшая по принципу частичного самообеспечения через реализацию произведенной сельскохозяйственной продукции.

В начале XX в. представитель венской экономической школы Б.Д. Бруцкус констатировал: низшие сельскохозяйственные школы оказывают положительное воздействие преимущественно на крупные частновладельческие хозяйства. Тесный контакт и регулярный обмен опытом и знаниями между крестьянскими хозяйствами и образовательными учреждениями в подавляющем большинстве случаев так и не был установлен. Бруцкус выделил несколько причин: 1. Социальное и имущественное положение слушателей школ (малоземельные крестьяне или выходцы из городских слоев) мешало их возвращению в деревню в качестве «прогрессивных» хозяйственников; 2. Разрыв с деревней в среде самих слушателей, за период обучения привыкавших к благоприятным условиям и не желавшим возвращаться к прежней жизни; 3. Агротехнические знания, получаемые слушателями в школах, во-первых, выходили за рамки необходимого и, во-вторых, требовали масштабной технологической модернизации крестьянских хозяйств; 4. Опытные поля и хозяйства,

¹⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 425. Л. 1.

¹⁴⁴ Приложение 3-е. Коротцев. Отчет по Томской низшей сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1901 год // Отчет правительственного агронома по Томской губернии Департаменту земледелия за 1901 год: с приложением отчетов по Томской и Александринской сельскохозяйственным фермам, Томской низшей сельскохозяйственной школе 1 разряда и отчетов Инструкторов пчеловодства, полеводства и молочного хозяйства. Томск, 1902. С. 1; Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 160.

¹⁴⁵ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 122. Л. 4; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 203.

существовавшие при школах, по своему типу более соответствовали частновладельческим хозяйствам¹⁴⁶.

На местах критика также нарастала и усиливалась. Некритическая экстраполяция выделенных Бруцкусом причин на Томскую низшую сельскохозяйственную школу представляется затруднительной и даже ошибочной вследствие специфичности сибирских частновладельческих хозяйств. Во-первых, следует внести некоторые поправки, указав на то, что доля частных хозяйств в аграрном секторе региона была крайне незначительной. Во-вторых, с точки зрения агротехнической модернизированности они зачастую мало чем отличались от переселенческих хозяйств. Наконец, эти хозяйства преимущественно ориентировались на разного рода промыслы. Говоря о Томском пригородном районе, таежных и притаежных местностей Томского уезда в целом, мы подразумеваем прежде всего пасечный промысел, издавна существовавший на территории казенных лесных дач на заимочных хозяйствах¹⁴⁷. Конечно, свою лепту могло внести и то, что слушатели из Томского уезда составляли в количественном отношении меньшинство¹⁴⁸.

Одними из первых вопрос о неэффективности школы подняли члены уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в декабре 1902 г. Выводы участников обсуждения сводились к тому, что Томская низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда не способствовала повышению хозяйственной грамотности уезда ввиду того, что была «мало известна не только в уезде, раскинутом на сотни верст во все четыре стороны, но и в самой Семилуженской волости»¹⁴⁹. Почти спустя 5 лет, летом 1907 г., обзревая Томскую епархию, учреждение посетил архиепископ Томский и Барнаульский Макарий, подвергнув его критике за неисполнение первоочередных задач, поставленных властями перед школой: «<...> если пчеловодные курсы ведутся успешно, то собственно образцового хлебопашества, что крайне необходимо здесь, на ней нет и она бесполезна для местного сельского хозяйства»¹⁵⁰. Оценка иерарха вскрывает основные приоритеты учебного

¹⁴⁶ Бруцкус Б. Школы сельскохозяйственные // Энциклопедический словарь. Т. XXXIXA. Шенье–Шуйский монастырь. СПб., 1903. С. 633.

¹⁴⁷ См., напр.: ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1162. Л. 3–4. В массовой распространенности заимочных хозяйств на территории данного района можно убедиться, обратившись к схематическому плану местности по рекам Камышке и Самыске, составленном сотрудниками Управления государственными имуществами в 1893 г. (см. Приложение Б. Рис. 1).

¹⁴⁸ См., напр.: Приложение 3-е. Коротцев. Отчет по Томской низшей сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1901 год // Отчет правительственного агронома по Томской губернии Департаменту земледелия за 1901 год: с приложением отчетов по Томской и Александринской сельскохозяйственным фермам, Томской низшей сельскохозяйственной школе 1 разряда и отчетов Инструкторов пчеловодства, полеводства и молочного хозяйства. Томск, 1902. С. 4–5.

¹⁴⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 56: Томская губерния. СПб., 1904. С. 280–281.

¹⁵⁰ Смердынский А. Обозрение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // ТЕВ. 1907. № 18. 15 сентября. Неофициальная часть. С. 12.

учреждения. Вероятно, ориентируясь на многочисленные пасечные хозяйства, в том числе и на крестьян, вовлеченных в занятие данным промыслом, школа сделала упор на развитие знаний в области пчеловодства. Совершенно неслучайно еще в 1899 г. по инициативе управляющего В. Воробьева при школе был учрежден именно музей пчеловодства¹⁵¹.

Негативная оценка промысловой ориентации наумовских крестьян, вероятно, была обусловлена невозможностью понять истинные мотивы, лежавшие в основе их поведения как хозяйствующих субъектов. Собственно, в крестьянах сторонние наблюдатели и не могли различить полноценных, деятельных субъектов. Однако «крестьяне и иные зависимые группы, – как пишет американский исследователь Я. Коцонис, – не являлись лишь пассивными созерцателями деятельности других <...>, даже если эти другие думали иначе»¹⁵². Это положение следует экстраполировать на типы и формы хозяйствования наумовских крестьян. Следовательно, существовала высокая вероятность того, что земледельческая и иные типы хозяйственных культур, носителями которых являлись переселенцы, могли успешно накладываться на сибирские агроклиматические реалии. Позицию правительственных чиновников, общественных деятелей и интеллектуалов мы склонны объяснять через базовый для микроистории принцип «нормального исключения».

Сущность его заключается в том, что индивид (группа индивидов) своим образом мысли/действия, выходящим за грань господствующей традиции, оценивается ее проводниками как носитель девиантного, отклоняющегося поведения. Тем не менее такие оценки могут существенно противоречить реальному статусу. Исландский микроисторик С.Г. Магнуссон справедливо замечает: «человек может быть осужден в определенном круге, но за то же самое действие восхвален в другой ситуации, в своей собственной среде». Таким образом, для адекватного описания поведения субъектов следует сузить контекст до «управляемых размеров» (manageable size)¹⁵³, отталкиваясь от знания которого непосредственно интерпретировать мотивы и действия людей прошлого, отображенных в источнике.

Итак, с тем, чтобы подтвердить или опровергнуть высказанное суждение, мы должны первоначально уточнить исходные пункты миграции наумовских крестьян. Обратимся к таблице крестьянских хозяйств на 1900 г., представляющей собой конвергенцию первичных материалов общегубернской переписи 1901 г. и материалов ведомственного делопроизводства по переселениям, водворениям и ссудированию наумовских крестьян¹⁵⁴. Для уточнения сведений о местах выхода крестьянских семей, составивших первоначальный

¹⁵¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 656. Л. 1–2 об.

¹⁵² Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 22.

¹⁵³ Magnússon S.G., Szijártó I.M. What is Microhistory? Theory and Practice. London; New York, 2013. P. 149.

¹⁵⁴ См. Приложение А. Табл. 1.

костяк сельского общества и, следовательно, предопределивших хозяйственную специализацию поселения, следовало бы ограничиться 1890–1891 гг. Именно в этот период чиновник по крестьянским делам Богородского участка впервые отметил промысловую специализацию местных крестьян.

К сожалению, информационный потенциал ведомственного делопроизводства крайне ограничен, в первую очередь ввиду того, что документы далеко не всегда фиксировали сведения о местах выхода переселенцев, либо фиксировали недостаточно полно (с указанием населенного пункта, волости, уезда и губернии). Из общего числа семей (26), водворившихся в пос. Наумовском в эти годы, 13 переселились из различных населенных пунктов Красногорской волости Мамадышского уезда Казанской губернии и г. Мамадыш. При этом сведений о местах выхода второй половины переселенцев нам обнаружить не удалось. С высокой долей вероятности и они происходили из Казанской губернии, что объясняется тем, что переселенцы «нередко составляли компактные группы выходцев из одних мест, селившиеся или отдельными поселками, или концами в селениях старожилов»¹⁵⁵. Ведомости о получении наумовскими переселенцами ссуд, датированные 1892–1893 гг.¹⁵⁶, позволяют расширить наши представления о первоначальном населении поселка и ставят под сомнение возможность адекватного применения строго позитивистского подхода к официальной делопроизводственной документации. В списке значатся три большака, официально водворенных в поселке в более поздний период. Например, в качестве года водворения крестьян Якова Березина и Павла Голикова подворный список за 1901 г. обозначает 1895 г., а крестьянина Павла Еремина (к слову, выходца из с. Красная Горка Красногорской волости Мамадышского уезда Казанской губернии) – 1900 г.¹⁵⁷ Положение дел, при котором переселенец в течение продолжительного периода мог проживать в поселке будучи не причисленным, но рассчитывая при этом на получение денежной помощи от государства (в виде денежных ссуд на продовольствие, домообзаводство и посев из общественных хлебозапасных магазинов), вовсе не является парадоксальным. Такой порядок был легализован п. 12 ч. I переселенческого закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» от 13 июля 1889 г.¹⁵⁸

Обратимся теперь к количественным показателям эффективности крестьянских хозяйств. Наибольшим авторитетом в исследовательской литературе пользуются

¹⁵⁵ Бардина П.Е. Быт и хозяйство сибиряков Томского края. Северск, 2009. С. 20.

¹⁵⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 235. Л. 5 об.

¹⁵⁷ См.: Приложение А. Табл. 1.

¹⁵⁸ О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. Высочайше утвержденное 13 июля 1889 г. мнение Государственного Совета // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 9: 1889. СПб., 1891. С. 537.

классификационные интервалы крестьянских хозяйств Сибири, предложенные Л.М. Горюшкиным¹⁵⁹. В качестве классификационных критериев им были выдвинуты такие существенные показатели как величина засеваемых площадей и размер фонда рабочего и продуктивного скота (прежде всего, количество лошадей и коров). Соответственно, к группе беднейших были отнесены крестьянские хозяйства с площадью посевов до 4 дес., 1–2 единицами лошадей и коров (для семьи из 5 чел.); к середняцкой группе – хозяйства, засевающие от 5,5 дес., имеющие от 4 голов рабочего скота и 2 и более коровы (для семьи из 6 чел.); к обеспеченной (кулацкой) группе – хозяйства, засевающие более 9–10 дес., располагающие 5–6 лошадьми и более, 4 и более коровами (для семьи из 6 чел.)¹⁶⁰. Безусловно, следует заметить, что на ошибочность использования посевной группировки для изучения социально-экономического строя деревни и процессов проникновения капиталистического уклада указывал еще А.В. Чаянов в связи с критикой методов современной ему земской статистики¹⁶¹. В 1980-е гг. недостаточность группировки по скоту и посевам подчеркнул крупный советский исследователь пореформенного крестьянства А.М. Анфимов¹⁶². Вместе с тем эта классификация функционально эффективна в том случае, если существует потребность в уточнении специализации крестьянских хозяйств. В нашем случае она лишь подтверждает правомерность сделанных крестьянским чиновником и Волковым выводов.

Допустимо и не производить сопоставления показателей засеваемых площадей, количества коров, лошадей и мелкого скота с означенными групповыми интервалами. Достаточно поверхностного взгляда на данные, зафиксированные подворным обследованием 1901 г., чтобы удостовериться в том, что все семейные хозяйства с. Наумовского (90 хозяйств), исходя из позиции Л.М. Горюшкина, должны быть отнесены к наименее обеспеченной части беднейшей группы. Вместе с тем проведенные расчеты дают средний показатель обеспеченности посевами равный 1,19 дес. на единицу крестьянского двора. Средние показатели обеспеченности лошадьми и коровами соответственно равны 1,5 и 1,2 (при средней численности семьи в 5 чел.). 5,6% (5/89) хозяйств составляли группу абсолютно необеспеченных посевами и скотом. Даже те хозяйства, показатели которых выделяются на фоне остальных своей успешностью, после соотнесения с размерами семьи (числом едоков в целом и числом трудоспособных работников в частности) с трудом можно признать

¹⁵⁹ Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 133.

¹⁶⁰ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX–начало XX). Новосибирск, 1967. С. 102–104.

¹⁶¹ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельско-хозяйственной кооперации. М., 1927. С. 27–28.

¹⁶² Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984. С. 44.

самообеспечивающими, т.е. гарантирующими обеспечение минимального уровня внутрисемейного потребления.

К крайне небезынтересным выводам позволяет прийти сопоставление базовых показателей, зафиксированных в первые годы существования переселенческого участка, с аналогичными показателями, зафиксированными общегубернской переписью 1901 г. (см. Табл. 1). В течение продолжительного периода, вполне достаточного для адаптации, наумовские переселенцы не только не расширили площади посевов сообразно нуждам растущей семьи (колебания не превосходили 1,5 дес.), но нередко их сокращали. С незначительными оговорками следует признать существование тождественных тенденций и в отношении скотоводства.

Табл. 1 – Экономическое положение переселенцев пос. Наумовского в 1892–1893 гг. и 1901 г.¹⁶³

Домохозяин	Число душ/работников		Лошадей/коров/мелкого скота		Площадь посевов (дес.)	
	1892–1893 гг.	1901 г.	1892–1893 гг.	1901 г.	1892–1893 гг.	1901 г.
Белоусов Г.Е.	4/1	5/2	0/0/0	1/0/0	0	0,25
Березин Я.Е.	2/1	2/0	0/0/0	0/0/0	0	0
Ведерников И.Д.	10/3	5/2	2/1/5	2/3/1	2	1,5
Голиков П.Ф.	7/1	7/2	0/1/0	2/2/1	1	2
Дуболазов С.М.	5/1	5/2	0/0/0	1/1/0	0	0,25
Еремин П.М.	4/1	4/3	0/0/0	3/2/1	0	1
Киселев П.А.	2/1	2/0	1/1/0	1/1/0	1	0,5
Кудовников И.Ф.	4/1	4/2	0/0/0	1/1/0	1	0,75
Мозголин Е.Г.	7/2	11/4	2/4/7	4/3/2	2	3
Носов В.Н.	3/1	6/2	0/0/1	3/2/2	1	1,5
Пинегин В.Б.	3/1	4/2	1/0/0	1/0/0	0,5	0,25
Рахов Р.Ф.	5/1	7/2	1/1/0	2/1/2	0	0,75
Рахов С.Г.	3/1	6/2	0/0/0	1/1/0	1	0,25
Рахов Ф.И.	5/2	3/1	2/2/0	2/1/3	2	1,75
Сидоренков И.Ф.	4/1	3/2	1/0/0	2/2/1	1	2,5
Талапин Г.А.	7/2	9/3	2/2/6	2/2/1	1,5	2,5
Талапин С.А.	6/3	10/2	1/1/0	2/1/1	1,5	1,5
Чуприков А.К.	4/1	7/2	2/1/0	1/1/2	1	0,75
Шалыгин К.Г.	7/2	8/2	2/2/6	2/2/3	0	1,5
Щербаков В.Н.	4/2	3/2	0/1/0	1/1/0	0	0,75

Выше мы уже отмечали, что переселенцы из Красногорской волости Мамадышского уезда Казанской губернии представляли в поселенческом составе если не большинство, то по крайней мере группу весьма многочисленную. Возвращаясь к поставленному нами вопросу о

¹⁶³ Сост. по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4027. Л. 1 об.–4; ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 235. Л. 5–5 об.

возможности успешного перенесения переселенцами культуры хозяйствования на места переселений, кратко охарактеризуем природные условия Мамадышского уезда. В северных уездах Казанской губернии, таких как Казанский, Мамадышский, Царевококшайский, отчасти Лаишевский, Космодемьянский и Чебоксарский, преобладали хвойные породы леса¹⁶⁴. Для территории уезда были характерны суглинистые и супесчаные почвы (высокогумусированные почвы достаточно редки). В этой связи среди населения уезда достаточно широкое распространение получили занятия лесными добывающими промыслами (рубка леса, подвоз и продажа дров, пилка дров и т.д.)¹⁶⁵. Вероятно, особенное распространение лесные промыслы приобрели в населенных пунктах прибрежной зоны р. Вятки, течение которой могло использоваться для транспортировки леса. К таковым относились и исходные точки миграции наумовских крестьян – уездный центр г. Мамадыш, с. Красная Горка, с. Отарки, д. Гремячка¹⁶⁶.

Конечно, не следует преувеличивать уникальность избранного наумовскими крестьянами способа заработка. Сезонный лесной дровяной промысел (как и другие добывающие лесные) являлся облигатным для мужского населения всего Томского уезда. Не располагая данными, отражающими ситуацию за предшествующие годы, мы полагаем правомерным опереться на данные о доходности занятий населения Томского уезда, содержащиеся в рапорте уездного исправника за 1906 г. Согласно этим данным чистый годовой доход от занятий лесным промыслом составлял 100 тыс. руб., уступая таким образом лишь доходу за аналогичный временной период от хлебопашества и скотоводства, мелкой торговли и рыболовства¹⁶⁷. Идентичная картина хозяйственно-территориальной специализации Томского пригородного района представлена в исследовательской литературе и публицистике начала XX в.¹⁶⁸ На приоритетность занятий лесными промыслами для большинства сельских обществ Семилуженской и Спасской волостей вплоть до начала 1920-х гг., опираясь на выводы А.А. Кауфмана, в частности указывает Н.А. Томилов. Близость к городу и возможность сравнительно легкого заработка исключала необходимость в больших посевных площадях: «Оно бы и можно пахать, да не для чего – нас город кормит»¹⁶⁹. Кроме того, значительную роль в этом районе играло приусадебное овощеводство. В кратком обзоре природных условий и хозяйственной ситуации на территории так называемого

¹⁶⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 50–51.

¹⁶⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 231.

¹⁶⁶ См. Приложение Б. Рис. 2.

¹⁶⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 963. Л. 5.

¹⁶⁸ См., напр.: Фрейдин И. Дровяной кризис в Томске // Сибирская жизнь. 1906. № 25. 1 февраля. С. 3.

¹⁶⁹ Цит. по: Томилов Н.А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX–первая четверть XX вв.). Омск, 2001. С.58–59.

Томского Северного района, вошедшего в себя в первой половине 1920-х гг. территории бывших Александровской, Петропавловской и Семилуженской волостей, отмечалась широкая распространенность приусадебных огородных участков в хозяйстве местного крестьянства¹⁷⁰.

Куда важнее отметить тот факт, что, прибыв в Томскую губернию вслед за обнародованием закона от 13 июля 1889 г. без необходимых разрешений на переселение со стороны губернских властей, группа крестьян из Красногорской волости Мамадышского уезда Казанской губернии обосновалась в Томске, нанимаясь на работы у разных лиц, в том числе и в качестве подёнщиков¹⁷¹. Трудно сказать, насколько продолжительным был этот жизненный период, но вполне вероятно, что отхожие промыслы, наряду с заготовкой дров и другими добывающими промыслами, занимали ключевое место в хозяйственном укладе наумовских крестьян в течение первых лет их пребывания на месте водворения. Не следует трактовать эту практику только как вынужденную необходимость. Именно отход, на наш взгляд, способствовал расширению социальных связей и, следовательно, рынков сбыта, чему, несомненно, могла способствовать тактика ценового демпинга, вполне характерная для ситуаций, связанных с высоким уровнем конкуренции.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что на полную государственную поддержку могли рассчитывать только переселенцы, прибывшие в Сибирь с предварительного разрешения губернских властей на переселение. Для «легальных» переселенцев заранее готовились земельные участки. В обратном случае, т.е. в случае самовольного переселения, губернские власти нередко отказывали в отведении участков для водворения, а переселенцы принуждены были либо приписываться по соответствующим приемным договорам к старожильческим обществам, либо самостоятельно «отыскивать подходящую землю»¹⁷². Вместе с тем и такое развитие событий накладывало некоторые ограничения, препятствовавшие свободному крестьянскому выбору. В соответствии с действующим законодательством переселенец имел право указать в прошении на предпочтительную для проживания местность, однако Управление государственными имуществами в Западной Сибири в праве было отказать и рекомендовать просителям ту местность, «где, по состоянию этих земель и местным сельскохозяйственным условиям, нарезка <...> участков будет признана возможною без ущерба для выгод казны»¹⁷³.

Так, например, в 1893 г. в водворении в урочище «Семь озер» было отказано группе крестьян Вятской губернии в числе 66 душ, самовольно поселившихся на его территории в

¹⁷⁰ ГАТО. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 165 об.

¹⁷¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 221. Л. 5; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 269. Л. 6.

¹⁷² Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 210.

¹⁷³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 16 об.

1890 г. Аргументируя свое решение, чиновники сослались на то, что лесные угодья урочища представляли собой «лучшие насаждения в южной, ближайшей к городу части Чулымской [казенной лесной] дачи». Чиновники, принимая во внимание природно-ландшафтные особенности, затруднявшие земледелие на территории данного участка (и, как уже отмечалось в предшествующем параграфе, значительной части Томь-Чулымского междуречья в целом), исходили из того, что «водворение <...> в этой части дачи просителей <...> поведет к неминуемому ее истреблению»¹⁷⁴. Впоследствии, однако, разрешение на водворение все же было получено. Вдобавок к этому в 1906 г. сельскому обществу д. Семиозерки была передана 351 дес. леса из состава Томско-Обской лесной дачи, а в 1912 г. она была ликвидирована окончательно¹⁷⁵.

Документы свидетельствуют о том, что первые наумовские насельники свой выбор сделали самостоятельно. Стояло ли за этим волеизъявлением нечто кроме привычной хозяйственной специализации? Следует учитывать, например, позицию одного из классиков западного крестьяноведения, американского антрополога Дж. Скотта, писавшего: «В любой длительной исторической перспективе размещение на периферии государства следует рассматривать как осознанный социальный выбор, а не культурно или экологически детерминированную данность»¹⁷⁶. Исходя из этого, мы выдвигаем тезис о существовании причин более глубинного объективного свойства, который попытаемся аргументировать ниже – тезис, распадающийся сразу на две оптики интерпретации. Его раскрытие, на наш взгляд, привнесет некоторую ясность в события, имевшие место 23 октября 1905 г., по крайней мере в их экономическую подоплеку.

Итак, актуализируя вышесказанное, подчеркнем, что второй по многочисленности группой, принявшей участие в погроме, была группа крестьян из д. Борисовка (Николай и Иван Березины, Николай Ведерников, Митрофан Кравченко, Иван Лянгузов, Козьма Цыбулин). На данном этапе реконструкции этот населенный пункт представляется важным звеном по крайней мере в двух отношениях. В первую очередь необходимо отметить то, что на длительном временном отрезке пос. Наумовский и Борисовский¹⁷⁷ входили в единое сельское общество. Факт существования единого крестьянского самоуправления фигурирует в документах о выдаче правительственных ссуд на посев и домообзаводство, датированных

¹⁷⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 12.

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 570. Л. 12 об.–13.

¹⁷⁶ Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017. С. 269.

¹⁷⁷ Годом формального возникновения пос. Борисовского следует считать 1888 г., когда в местности при слиянии рек Бобровки и Борисовки водворилась группа переселенцев из Курской губернии в числе 63 душ обеих полов (ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 146. Л. 1). Пастуховский переселенческий участок был образован годом позже (ГАТО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об.).

1892 г.¹⁷⁸, в приговоре о строительстве общественной водяной мукомольной мельницы за 1895 г.¹⁷⁹ и, наконец, в ходатайстве о сохранении за о. Григорием Безобразовым места священника Николаевской церкви с. Наумовского за 1909 г.¹⁸⁰ Отметим, что образование сельских обществ из нескольких деревень было достаточно распространенной в сибирских условиях практикой. Вероятно, в качестве главного аргумента в пользу такой меры выступало прежде всего тяжелое материальное положение переселенцев, обращавшее на себя внимание губернской власти в связи с фискальными интересами. В этом случае упрочивались гарантии своевременной выплаты долгов по полученным ссудам (при функционировании механизма коллективной ответственности). Наконец, здесь нужно добавить еще одну важную деталь: замещение ряда административных должностей (прежде всего, сельского старосты) в крестьянском самоуправлении было возможно только при наличии минимально достаточного числа дворов¹⁸¹. Семен Шуляков, на момент погрома являвшийся сельским старостой, например, на момент погрома крестьянином с. Наумовского не являлся и поэтому в списках домохозяев не фигурировал. Однако несколько хозяйств Шуляковых фигурируют в списке домовладельцев соседней Борисовки, составленном позднее, в 1923 г.¹⁸² Созданию укрупненного сельского общества также способствовала пространственная близость поселений (около 1 версты).

Информанты северского этнографа П.Е. Бардиной в конце 1990-х–начале 2000-х гг. вспоминали о том, что Наумовское фактически подразделялось на три населенных пункта: «там было как три деревни вместе: Наумовка, Раковка¹⁸³ [вероятно, Раховка – В.А.] и Селиканка»¹⁸⁴. По подворным спискам мы могли убедиться в том, что Раховы составляли наиболее многочисленную семейную группу в наумовском поселенческом пространстве. Однако действительно ли части села, упоминавшиеся информантами, были структурными элементами с. Наумовского с официальной точки зрения? Ответ на этот вопрос содержат в себе опубликованные материалы первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., в которых Раховкой обозначается д. Борисовка¹⁸⁵. Необходимо, однако, разобраться в том, почему

¹⁷⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 269. Л. 5.

¹⁷⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2539. Л. 1–2 об.

¹⁸⁰ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3468. Л. 13–14.

¹⁸¹ Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3. С. 18. Представляется крайне любопытным и то, что крестьяне д. Борисовки и с. Наумовского регулярно избирали полицейского сотского (от каждых 100 дворов) вопреки тому, что сибирское законодательство конца XIX–начала XX вв. выборную должность сотского не предполагало (*Там же*).

¹⁸² ГАТО. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 82. Л. 36 об.

¹⁸³ Эта часть поселения могла быть связана с семьей переселенцев Раковых, проживавших в д. Ольго-Сапезенка (к северу от с. Наумовского) даже несмотря на то, что респонденты Н.А. Томилова определяли время поселения первого Ракова 1898 г. См.: Томилов Н.А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX–первая четверть XX вв.). Омск, 2001. С. 21.

¹⁸⁴ МЭЭ МГС. 1996. Тетр. 1. Л. 17 // Личный архив П.Е. Бардиной; МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 9 // *Там же*.

¹⁸⁵ Книга памяти исчезнувшим деревням. Томск, 2015. С. 69.

формально отдельный населенный пункт получил название, образованное от фамилии жителей поселения соседнего. Судя по всему, объяснить такой парадокс можно тем, что Раховы поселились в этой местности до 1888 г. (появление пос. Борисовского) и 1890 г. (дата водворения в пос. Наумовском двух большаков – Семена Григорьевич и Федора Ивановича Раховых). Сыновья Ф.И. Рахова, Павел и Роман, водворившиеся в 1898 и 1892 гг. соответственно, таким образом, просто выделились в отдельные дворы (видимо, по мере взросления или вступления в брак). Респонденты П.Е. Бардиной указывали еще на несколько наумовских старожильческих семей – Колпаковых и Чуприковых¹⁸⁶.

В поисках аргументации к данному тезису вновь обратимся к переселенческому закону от 13 июля 1889 г. В соответствии с пунктом 1–5 ч. III право на перечисление по месту нового проживания получали так называемые «самовольные» переселенцы¹⁸⁷. До момента издания закона статус их пребывания на территории Томской губернии в сущности оставался нелегальным. Те крестьяне, которые впоследствии были поименованы как старожилы, вполне могли относиться к группе более ранних, в том числе и значительно более ранних, переселенцев. Следовательно, пос. Наумовский в самом начале могли быть не только не исключительно переселенческим, но и не переселенческим вовсе, а образование переселенческих поселков и регистрация переселенческих участков в таком случае лишь формально подтверждали статус-кво. В этой связи указанный в «Списке населенных мест Сибирского края», изданном в конце 1920-х гг. и регулярно подвергающемся критике со стороны профессиональных историков и краеведов-любителей за сомнительность представленных сведений, 1845 г. представляется вполне правдоподобным и вероятным как время возникновения Борисовки¹⁸⁸.

Наконец, показательно и то, что составители справочных изданий нередко путали и подменяли расположенные в них объекты инфраструктуры. Так, в справочном издании «Путеводитель по г. Томску и его окрестностям», изданном в 1905 г., указывалось на то, что в с. Наумовском имелась казенная винная лавка¹⁸⁹. При этом в «Списке населенных мест Томской губернии на 1899 год» общественное питейное заведение фигурирует в пос. Борисовском, как отнесена к нему и функционировавшая в пос. Наумовском почти с самого момента возникновения мелочная лавка (указания на это содержатся в аналогичном издании за 1893 г.). Аналогичную подмену мы можем наблюдать и в случае с водяной мукомольной

¹⁸⁶ Приложение А. Табл. 1; МЭЭ МГС. 1996. Тетр. 1. Л. 17 // Личный архив П.Е. Бардиной; МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 9 // *Там же*.

¹⁸⁷ О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. Высочайше утвержденное 13 июля 1889 г. мнение Государственного Совета // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 9: 1889. СПб., 1891. С. 537–538.

¹⁸⁸ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 176.

¹⁸⁹ Чирков Н.С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск, 1905. С. 154.

мельницей, о которой мы уже говорили выше, находившейся в совместном владении крестьян единого сельского общества: в списке за 1893 г. она числится за пос. Борисовским¹⁹⁰, а в списке за 1899 г. – за с. Наумовским¹⁹¹.

Помимо вероятных преимуществ, связанных с ориентацией первых насельников на лесной промысел, выбор притаежной зоны для поселения мог быть обусловлен факторами совершенно иного рода. Таежные массивы Томского уезда издавна привлекал староверов как место «побега». Цитируя Щербакова, протоиерей Д.Н. Беликов в 1901 г. указывал, что «Томско-Чулымская тайга давно известна своим гостеприимством не только раскольникам Сибири, но и их собратьям по вере в Европейской России». Почти каждый из последователей какого-нибудь раскольнического толка с наслаждением слушает рассказы об удобствах спасения души, представляемых тишиной этой обширной и глухой тайги»¹⁹².

Судя по списку 1924 г., в старообрядческой общине д. Борисовки состояло 24 человека. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ее составе значился уже упоминавшийся нами в разделе 1.1 десятский Исая Хлестов¹⁹³. Однако мы полагаем, что староверов здесь было значительно больше. Повсеместное использование властями различного уровня конфессиональной статистики, по справедливому замечанию эстонской исследовательницы И. Пярт, позволяло вообразить и очертить границы религиозного инакомыслия и порождало иллюзию контроля над угрозой, тем самым формируя чувство защищенности и безопасности¹⁹⁴. Вместе с тем в разные годы исследователи старообрядчества, включая и И. Пярт, отмечали, что государственной статистике едва ли удавалось приблизиться к получению данных, отражающих объективную конфессиональную ситуацию в приходах¹⁹⁵. Тем более это относится к «Справочным книгам по епархиям», данные в которых полностью предоставлялись священниками или благочинными, нередко искажавшим данные в собственных интересах.

Табл. 2 – Численность раскольников в Наумовском приходе¹⁹⁶

Годы	Численность прихожан (чел.)	Раскольников (чел.)	В процентном отношении
1898–1899	Нет данных	Нет данных	Нет данных

¹⁹⁰ Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск, 1899. С. 73.

¹⁹¹ Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск, 1893. С. 25.

¹⁹² Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. С. 79.

¹⁹³ ГАТО. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 об.

¹⁹⁴ Paert I. “Two or Twenty Million?”. *The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia // Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 96.

¹⁹⁵ Применительно к староверам Томской губернии это сделал, например, протоиерей Д.Н. Беликов. См.: Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. С. 7–9.

¹⁹⁶ Сост. по: Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. Томск, 1900. С. 128; Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год. Томск, 1903. С. 122; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. Томск, 1911. С. 174; Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. С. 133.

Продолжение табл. 2			
1902–1903	1824	57	3,07%
1909–1910	2164	24	1,1%
1913–1914	2521	37	1,47%

Вопреки тому, что в апреле 1905 г. правительство, пойдя на беспрецедентный шаг, издало указ «Об укреплении начал веротерпимости», юридически закреплявший право на вероисповедные переходы и предоставлявший последователям неортодоксальных христианских вероучений право регистрировать религиозные общины, численность староверов в Наумовском приходе не только не остается неизменной, но даже сокращается. К 1913–1914 гг. показатели вновь незначительно возрастают. Мы полагаем, что колебания численности раскольников в приходе (как уменьшение, так и увеличение), отмеченные официальной статистикой (Табл. 2), не коррелировали с действительной их численностью¹⁹⁷, но с сущностными чертами религиозных общин, к которым примыкали «записные» староверы.

Итак, известно, что в 1848 г. в Томско-Чулымской тайге впервые было обнаружено поселение староверов, при идентификации вероучения которых у властей возникли серьезные затруднения. Впоследствии они были опознаны как представители страннического (бегунского) согласия¹⁹⁸. Во второй половине XIX в. присутствие странников в Томско-Чулымской тайге и подтаежной зоне только усиливается. В связи с этим отметим, что староверы-странники демонстрируют жесткую групповую иерархию – «крещенные христиане»-скитники, готовящиеся к переходу в скит «оглашенные» и миряне-«благодетели» (миряне-«христороубцы») –, в которой распределение функций и полномочий строго регламентировано. Сущность и характер функций, очевидно, изменяются по мере удаления от вершины иерархии от сакральных (вернее, сакрально-хозяйственных) к хозяйственным. Странническая доктрина не требовала от крестьянина-мирянина, «чьим религиозным долгом являлась забота о безопасности и благополучии скита», предания огласке конфессиональной принадлежности и предписывала следование той модели поведения, которая давала возможность осуществлять обеспечение скита максимально эффективно¹⁹⁹.

Следовательно, обращаясь к статистическим данным по численности староверов в Наумовском приходе, мы должны учитывать, что в официальные сводки, вероятно, попадали

¹⁹⁷ Впрочем, мы не исключаем и того, что уменьшение числа раскольников в Наумовском приходе между 1902–1903 гг. и 1909–1910 гг. связано с проведенным п. 5 указа «Об укреплении начал веротерпимости» различием между последователями старообрядческих, сектантских учений и так называемых «изуверских» сект (например, скопцов). См.: Об укреплении начал веротерпимости. Именной Высочайший указ, данный Сенату 17 апреля 1905 г. // ПСЗРИ: Собрание третье. Т. 25: 1905: Отд.-ние 1. СПб., 1908. С. 257.

¹⁹⁸ Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX–начало XXI в.). Томск, 2007. С. 175–176.

¹⁹⁹ Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун А.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn, 2015. С. 237.

только «оглашенные», прошедшие обряд крещения, готовящиеся к переходу в скит и порывающие с миром падшим. Этим и объясняются статистические колебания в Наумовском приходе. Сравнительно более высокие показатели в ближайшем Некрасовском приходе, по-видимому, целесообразно проинтерпретировать посредством того, что в населенных пунктах, принадлежавших к данному приходу, значительная часть староверов принадлежала к часовенному согласию.

Николаевская церковь в с. Наумовском была построена в 1895 г. В конце 1900 г. Николаевская церковь была уничтожена пожаром²⁰⁰. 14 декабря Наумовский церковный приход был закрыт, и все населенные пункты, ранее входившие в него, были причислены к Кониинскому приходу²⁰¹. Именно в это время вакуум внешней церковной власти могли заполнить страннические наставники. Стоит, кроме того, принимать в расчет, что значительную часть календарного года населенные пункты этого района находились в изоляции от внешнего мира²⁰². Работа Наумовского прихода была возобновлена уже в ближайшее время. Однако даже в июне 1907 г. церковь так и не была восстановлена. Из обзора поездки Макария по епархии нам становится известным, что молитвенный дом был устроен в помещении церковно-приходской школы с прибавлением алтаря²⁰³. Реконструкция Николаевской церкви, просуществовавшей, по сведениям местных старожилов, вплоть до Великой Отечественной войны²⁰⁴, произошла в период между 1907 и 1911 гг. Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что в «Списке населенных мест Томской губернии за 1911 год» уже значилась деревянная Николаевская церковь, а не молитвенный дом²⁰⁵. Судя по позднейшим данным, дело, однако, заключалось в том, что здание церковно-приходской школы окончательно было передано церкви и перестроено²⁰⁶. Свою роль в увеличении популярности неортодоксальных христианских учений среди прихожан могло сыграть и то, что состав причта в Наумовском приходе не был постоянным и регулярно обновлялся²⁰⁷.

Е.Е. Дутчак, Е.А. Ким и А.О. Буркун, проанализировав «Справочные книги по Томской епархии» за разные годы, пришли к выводу о том, что за нестабильностью

²⁰⁰ Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. Томск, 1900. С. 128.

²⁰¹ ТЕВ. 1901. № 1. 1 января. Отдел официальный. С. 2.

²⁰² Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун А.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn, 2015. С. 243.

²⁰³ Смердынский А. Обзорение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // ТЕВ. 1907. № 18. 15 сентября. Неофициальная часть. С. 12.

²⁰⁴ МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 27 // Личный архив П.Е. Бардиной.

²⁰⁵ Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 89.

²⁰⁶ ГАТО. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

²⁰⁷ См.: ТЕВ. 1896. № 21. 1 ноября. Отдельный официальный. С. 3; ТЕВ. 1898. № 2. 15 января. Отдел официальный. С. 3; ТЕВ. 1901. № 4. 15 февраля. Отдел официальный. С. 2; ТЕВ. 1903. № 5. 1 марта. Отдел официальный. С. 2.

священнослужительского состава в приходах, объединявших населенные пункты притаежной зоны, не стояли экономические факторы. По размерам казенных дотаций и площадям наличных земельных наделов они существенно превосходили другие приходы, входившие в состав 2-го благочиния²⁰⁸. Позволим себе не согласиться с выводами авторов. Из проведенного нами сопоставления данных об источниках средств обеспечения причта приходов 2-го благочиния явствует, что суммы, выделяемые на содержание причта Наумовского прихода, в сущности не превосходили дотаций на содержание причта других приходов 2-го благочиния. Основным параметром, отличавшим систему обеспечения этого прихода от большинства других, являлось наличие обширных церковных, пахотных и сенокосных угодий. В необеспеченных или же малообеспеченных землей приходах прихожане выплачивали в пользу причта дополнительные суммы или крупную натуральную подать в зерновой форме – ругу (от 475 до 675 пуд.)²⁰⁹. Трудоемкость занятий земледельческим трудом в интересующем нас районе практически нивелировала столь крупный земельный фонд, которым располагал причт.

Наконец, мы вправе задаться вопросом о том, было ли связано переселение наумовских крестьян с конфессиональным фактором. Выше уже оговаривалось, что существенную долю в поселенческом пространстве могли занимать и занимали, во-первых, выходцы из Мамадышского уезда Казанской губернии а во-вторых, крестьяне, поселившиеся в этом районе задолго до издания переселенческого закона от 13 июля 1889 г. М.В. Семенов, уроженец с. Наумовского, в 2001 г. вспоминал: «Начинали казанские староверы эту тайгу»²¹⁰. Хотя исследователи и констатируют, что соответствующие показатели по Мамадышскому уезду были одними из самых низких по губернии²¹¹, однако не выходят за рамки суммирования данных, представленных в официальных изданиях, что дает нам основания предполагать среди наумовских и борисовских крестьян конфессиональных мигрантов. Механизм привлечения неопитов в Сибирь был в особенности налажен у представителей страннического согласия²¹².

Перейдем к наиболее гипотетичной части интерпретации, тесно связанной с формами землепользования, практиковавшихся жителями интересующих нас поселений. Важно

²⁰⁸ Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун А.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn, 2015. С. 238.

²⁰⁹ Приложение А. Табл. 2.

²¹⁰ МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 12 // Личный архив П.Е. Бардиной.

²¹¹ Латыпов И.Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX–начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. С. 50. Категоричные утверждения И.Р. Латыпова тем более примечательны, если принимать во внимание то, что в группу уездов с наименьшим числом старообрядцев он включил Царевококшайский уезд, находившийся как раз-таки под влиянием староверов-странников (Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX–начало XXI в.). Томск, 2007. С. 112).

²¹² См., напр.: Дутчак Е.Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX–начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 31. С. 40–41.

понять, почему в последующие годы с. Наумовское, крестьяне которого, по мнению властей, находились на грани выживания, выходят на лидирующие позиции на фоне остальных населенных пунктов данного района в тех сферах, которые, очевидно, требовали присутствия значительного первоначального капитала. В 1920-х гг. здесь активная развивается кредитная кооперация²¹³, а в 1930-х гг. наумовский колхоз стал первым в округе колхозом-миллионером²¹⁴. Представляется, что причины кроются в следующем.

В исследовательской литературе заимочно-захватная форма землепользования²¹⁵ традиционно рассматривается как «нестерпимый пережиток старины», тормозивший развитие производительных сил в сибирской деревне²¹⁶ и повсеместно отмирающий к 1880–1890 гг. практически во всех районах Западной Сибири (за исключением северной части Барабинской степи) в связи с ростом переселенческого движения²¹⁷. Однако заимочные хозяйства, расположенные к северу от с. Наумовского, на территории Томско-Обского и Красноярского²¹⁸ лесничеств, так называемой «Белотаежной пустыни», оставались неприкосновенными даже в середине 1980-х гг. (заимки Глыбина, Гужихина, Лесникова, Рогова, Шувалова, Шумилова, Щеглова)²¹⁹. В свете отмеченной выше важности конфессиональной ориентации в жизни наумовских крестьян и распространенности заимочных хозяйств в конце XIX в., вновь обратимся к исследованию Д.Н. Беликова: «Заимщики, арендовавшие и арендующие в Томско-Чулымской тайге места для действительного заведения пасек или только под предлогом такого заведения, все должны быть отнесены к разряду раскольников-пустынников, хотя бы и жили на своих заимках семейно»²²⁰. На связь отдельных из перечисленных нами заимок со староверческим населением тайги указывали и информанты П.Е. Бардиной: «Щегловская заимка – это мимо проезжали, по дороге в Красный Яр. Там живут тоже безденежные кержаки. <...> Есть мужской скит и женский); «В тайге были заимки Щегловых, Мясниковых. <...> Мать жены

²¹³ См., напр.: Кооператор. Везде бы так делали // Томский крестьянин. 1925. № 23. 4 июня. С. 3.

²¹⁴ МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 11 // Личный архив П.Е. Бардиной.

²¹⁵ Необходимо сделать оговорку терминологического характера. Во избежание возможных критических замечаний в отношении избранной формулировки отсылаем к статье Ф.Г. Сафронова, рассмотревшего всю совокупность фигурировавших в научной литературе формулировок для обозначения данной формы землепользования и поставившего вопрос о несовершенстве каждой из них: Сафронов Ф.Г. О землепользовании крестьян дореволюционной Сибири (вопросы терминологии) // Крестьянство Сибири XVIII–начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск, 1975. С. 147–153.

²¹⁶ Скляров Л.Ф. Землеустройство русского старожилого крестьянства Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 309.

²¹⁷ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1993. С. 33.

²¹⁸ Имеется в виду с. Красный Яр Кривошеинского района Томской области.

²¹⁹ Достаточно обратиться к плану местности, содержащемуся в отчете Управления внутренних дел по Томской области по изучению местонахождения и обследованию старообрядческих скитов в северной части Наумовского сельсовета, проводившегося в 1984–1986 гг. (См. Приложение Б. Рис. 3, 4).

²²⁰ Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. С. 80.

М.В. [Семенова] жила на Гужихинской заимке. Были у них там в гостях, там понравилось – чистота, тишина, покой. Мать при рождении была Ольга, а там крестили, стала Ирина»²²¹.

Отойдем на некоторое время от конфессионального аспекта и осветим иную важную характеристику заимочных хозяйств Томского пригородного района. Зададимся вопросом: каким образом в непосредственной близости (напомним, что с. Наумовское находилось в 40 верстах от Томск) от губернского и волостного центров и, следовательно, от контролеров различного уровня могла существовать такая устойчивая форма теневой крестьянской экономики (в терминологии Т. Шанина – эксполярной экономики²²²). Таким образом, нам необходимо привести аргументы в пользу нашей гипотезы о том, что территория Томско-Чулымской тайги могла использоваться крестьянами подтаежных поселений в собственных интересах и была в сущности неподконтрольна административно-фискальному аппарату. В терминологии американского антрополога Дж. Скотта такая стратегия обыденного крестьянского сопротивления государству получила наименование «сопротивления ландшафта» (вкуче с низкой плотностью населений и высокой мобильностью)²²³.

Итак, во-первых, перенесение хозяйства на заимки, расположенные в глубине урманной зоны (вероятно, все же на елянях) вовсе не требовало от крестьянина постоянного на них пребывания. В исследовательской литературе выделяется два вида заимочных хозяйств: 1) «когда крестьянин строил на захваченном участке дом, в котором жил вместе с семьей, возводил постройки, распахивал землю, засеивал ее и т.д.»; 2) когда крестьянин «имел дом и усадьбу в деревне, а на заимку наезжал периодически, жил и работал на ней, особенно в периоды страды, работники же и отдельные члены семьи нередко проживали там постоянно»²²⁴. Вторая разновидность заимочного хозяйства, очевидно, позволяла крестьянину пребывать в месте официальной приписки значительную часть календарного года.

Во-вторых, имеется необходимость указать на крайне плачевное состояние дорожно-транспортной сети, которое вкуче с природно-ландшафтными условиями (прежде всего широкое распространение сфагновых верховых болот и водонасыщенность грунта в принципе) являлось главным препятствием для установления полноценного контроля над населением притаежной зоны западной части Семилуженской волости со стороны как светских, так и церковных властей. Чиновник Главного управления землеустройства и

²²¹ МЭЭ МГС. 1996. Тетр. 1. Л. 24 // Личный архив П.Е. Бардиной; МЭЭ МГС. 2001. Тетр. 1. Л. 12 // *Там же*.

²²² О теневой экономике как экономике эксполярной см., напр.: Шанин Т. Эксполярные экономики: политэкономия общественных обочин // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 552.

²²³ Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017. С. 409.

²²⁴ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1993. С. 33.

земледелия (ГУЗиЗ) Н.П. Рахманов, побывавший в Томской губернии летом 1909 г., в служебном отчете отмечал, что «дороги, построенные до 1906 года, не отличались хорошим качеством, благодаря недостаточным ассигнованиям на версту», вскоре «заболотились, завалились деревьями и лишь некоторые из них были впоследствии возобновлены»²²⁵. Деятельность Переселенческого управления на этом направлении даже в последующие годы не привела к существенным изменениям ситуации. Применительно к с. Наумовскому эту проблему обозначил А. Смердынский, автор уже упоминавшегося нами отчета о поездке архиепископа Макария по епархии: «дорога до Наумовского была очень плоха и продолжительна, шла по грязям и косогорам»²²⁶.

Кроме того, в-третьих, следует учитывать специфику сбора материалов в рамках наиболее масштабного экономико-статистического обследования, затронутого хронологическими рамками нашей работы, – первой томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. Специалисты губернского статистического комитета опирались на сведения, полученные от волостных старшин, в свою очередь, работавших с материалами, предоставленными сельскими старостами или содержащимися в волостных книгах. Опора специалистов на сведения, полученные из вторых рук, конечно, могла оказать искажающее воздействие на достоверность данных, однако эти искажения, по авторитетному мнению П.Ф. Никулина, впервые введшего перепись в научный оборот, были несущественными²²⁷. Куда важнее то обстоятельство, что такой метод сбора данных предоставлял крестьянам возможность, во-первых, скрыть от властей ту часть хозяйства, которая располагалась вне места приписки, а во-вторых, получать дополнительное основание на получение правительственной поддержки, которую крестьяне пос. Борисовского, Наумовского и др. окрестных переселенческих поселков активно использовали. Не следует исключать и высокий уровень коррумпированности чиновников нижнего и среднего ранга.

Оговоримся, что гипотеза о преобладании в данном районе практик теневого хозяйствования не вступает в противоречия с выработанными в крестьяноведении подходами к крестьянскому менталитету и вычлененными паттернами крестьянского поведения. Здесь мы подразумеваем прежде всего концепцию «моральной экономики крестьянства» Дж. Скотта. «Крестьянская логика, – пишет В.Б. Безгин, – в данном случае

²²⁵ Рахманов Н.П. Переселенческие дороги в Томской губернии: Отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года. СПб., 1910. С. 1, 4.

²²⁶ Смердынский А. Обзорение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // ТЕВ. 1907. № 18. 15 сентября. Неофициальная часть. С. 12.

²²⁷ Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 110–111, 113.

проста и понятна – не может быть собственностью то, к чему не приложен труд»²²⁸. В качестве первооснования и первопричины для имущественных притязаний на землю крестьяне повсеместно рассматривали приложенный к ней труд.

Наконец, займки могли выступать стационарным пунктом для осуществления эквивалентного обмена с руководителями староверческих общин. Е.Е. Дутчак оценивает его как «естественный для таежной зоны тип социально-экономических отношений»²²⁹. Говоря о степени влияния конфессионального фактора на хозяйственную специализацию крестьян с. Наумовского и окрестных поселений, следует быть осторожным в выводах ввиду того, что свидетельств, синхронных интересующим нас хронологическим рамкам, не сохранилось. Доподлинно утверждать, что в этот период между старообрядческими общинами и с. Наумовским был налажен эквивалентный обмен, предполагающий сбыт скитской продукции, либо наумовские крестьяне напрямую обеспечивали таежные обитатели, было бы ошибочным. Вместе с тем, невозможно ввиду многочисленности свидетельств, и оспорить налаженность подобных взаимодействий со староверами, населявшими Томско-Чулымскую тайги.

М.М. Майкова, одна из респондентов П.Е. Бардиной, в 1996 г. вспоминала: «Еще был дядя Федор, отец ездил к нему, забирал шкурки (отец был заготовителем [в конце 1920–начале 1930-х гг.]). Они и ягоды сдавали, но деньги не брали, только на соль, сахар обменивали. Это было на Юксе, это далеко отсюда»²³⁰; «Они (старообрядцы) были “безденежные”, деньги не брали, только обменивали на сахар, соль. Или показывали сзади карман – сунь туда»²³¹. Еще одну блестящую иллюстрацию того, как происходил этот обмен, представил в своей повести «Старый тракт» Г.М. Марков. Заимочник Ефрем Белокопытов, исполняя последнюю волю отца, поставлял настоятельнице женского староверческого монастыря Манефе порох, дробь и другие предметы, необходимые для промысловой охоты, необходимые богослужебные книги и предметы культа в обмен на щедрое денежное вознаграждение, в свою очередь «Манефа снабжала остяков, тунгусов, чулымских татар <...> ружейными запасами в обмен на пушнину. Настоятельница брала соболей, выдру, колонков, горностаев, лисиц только отменного качества. Через томского купца-старовера пушнина отправлялась московскому купцу-единоверцу, а тот выставлял ее на пушных аукционах Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и других европейских столиц»²³².

²²⁸ Цит. по: Бабашкин В.В. Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011. С. 145.

²²⁹ Дутчак Е.Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX–начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 31. С. 41.

²³⁰ МЭЭ МГС. 1996. Тетр. 1. Л. 24 // Личный архив П.Е. Бардиной.

²³¹ Там же. Л. 68.

²³² Марков Г.М. Старый тракт // *Его же*. Волчьи норы. Мемуары. Томск, 2017. С. 152–153.

Разногласия с Бейлиным, не эксплицированные в следственной документации, таким образом, могли пролегать именно в сфере конфессионально-хозяйственных ориентаций крестьян-участников погрома. По крайней мере удивительным выглядит факт того, что в пос. Наумовском, население которого, с официальной точки зрения, пребывали в крайне бедственном положении, уже в 1893 г. функционировала мелочная лавка²³³, которая потенциально могла принадлежать отцу Бейлина. В объявлении о продаже дома и лавки, напечатанном в соответствующем отделе «Сибирской жизни», Бейлин указывал на поразительно крупный годовой торговый оборот – 18 тыс. руб.²³⁴

Как дореволюционные, так и современные исследователи неоднократно подчеркивали, что сибирский антисемитизм имел под собой строго рациональные основания. Например, в качестве практического инструмента для продвижения по карьерной лестнице его использовали сибирские чиновники, а представители торгового капитала в периоды социальной дестабилизации употребляли его для устранения конкурентов²³⁵. Относительно томского погрома известно достаточно случаев, когда основу мотивации участников (или подстрекателей) составляло желание устранить конкурентов. В интересующем нас случае конфликт мог стать следствием пересечения интересов Бейлина и отдельных участников, лиц, не принявших непосредственное в нем участие, по вопросу об обмене с таежными общинами.

Таким образом, мы постарались продемонстрировать, что крестьянам данного района было что скрывать и, следовательно, было чего опасаться – например, опасаться раскрытия практик теневого хозяйствования, оглашения конфессиональной принадлежности или потери канала эквивалентного взаимовыгодного обмена со староверческими монастырями.

Мы оставляем вне рассмотрения еще один сюжет, входящий в блок социально-экономических интерпретаций, – сюжет, связанный с мобилизацией борисовских, васильевских, михайловских, наумовских, прытковских и рогожинских крестьян на становившуюся все более непопулярной в массах Русско-японскую войну. Напомним, что практически повсеместно ответственность за поражения русской армии в Маньчжурии возлагалась на евреев, воплощавших в себе образ внутреннего врага в целом. Им вменялось в вину проведение подрывной деятельности, выразившейся в своевременном снабжении японского командования секретной информацией, финансирование японской армии в целях свержения или во всяком случае коренного переустройства самодержавного правления,

²³³ Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск, 1893. С. 25.

²³⁴ Сибирская жизнь. 1906. № 139. 2 июля. С. 5.

²³⁵ Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 458.

массовое дезертирство и предательство находящихся на фронте евреев²³⁶. Например, Р. Вейнберг убедительно показал, что в первой половине 1905 г. непростую ситуацию в Одессе подогревали именно слухи о еврейском предательстве²³⁷. Аналогичные слухи циркулировали среди нижних чинов дружин Государственного ополчения, переброшенных в конце ноября 1905 г. в г. Мариинск с Дальнего Востока для демобилизации, что впоследствии спровоцировало еврейский погром²³⁸.

Такая интерпретация представляется вполне вероятной, однако внешнеполитический фактор, на наш взгляд, не сыграл решающей роли в наумовских событиях 23 октября 1905 г. В списках получивших пособия жен мобилизованных запасных нижних чинов за апрель 1904 г. фигурирует фамилия лишь одного из участников погрома – Ведерникова²³⁹. Родственные связи М.Ф. Ведерниковой с Н.Ф. Ведерниковым, однако, только предстоит установить по метрическим книгам Николаевской церкви с. Наумовского.

Подводя итог, стоит заметить, что в том случае, если большинство крестьян населенных пунктов Томского пригородного района сохранили специализацию на дровяном промысле, то от экономической конъюнктуры начала зимы 1905 г. они могли только выиграть. В этот период Томск охватил дровяной кризис. По мнению упоминавшегося И.Г. Фрейдина, в эти дни губернский город фактически полностью был лишен топливных запасов²⁴⁰. Уже в первой половине декабря 1905 г. цена за кубическую сажень дров возросла с 4 руб. 60 коп. до 5 руб.²⁴¹. Впоследствии цена, вероятно, только росла в связи с истощением доступных запасов леса, пригодного для рубки.

2.2. Расстановка политических сил в Наумовском: Партия народной свободы vs Союз русского народа.

В современной историографии революция 1905–1907 гг. характеризуется как «революция вестернизации» (термин введен британским историком марксистской ориентации Э. Хобсбаумом), основным фактором которой явилась рецепция частью элиты западных ценностей и создание на их основе общественно-политической программы с целью противостояния традиционалистскому порядку²⁴². Добиваясь ее реализации, либерально-

²³⁶ Ламброза Ш. Погромы 1903–1906 годов // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1922). М., 2016. С. 226–227.

²³⁷ Вейнберг Р. Погром 1905 года в Одессе: исследование отдельного случая // Там же. С. 263.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 28. Д. 42. Л. 9 об.

²³⁹ ГАТО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 120. Л. 19 об.

²⁴⁰ Фрейдин И. Дровяной кризис в Томске // Сибирская жизнь. 1906. № 25. 1 февраля. С. 3.

²⁴¹ Дрова // Сибирская жизнь. 1905. № 250. 11 декабря. С. 3.

²⁴² Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 451–452.

демократические и радикальные силы взяли курс на системную дестабилизацию, в том числе и посредством политических провокаций, преднамеренно сталкивавших население и власть.

В октябре 1905 г. эта тактика натолкнулась на всплеск традиционалистского сопротивления, выразившегося в волне погромных акций, направленных против интеллигенции, учащихся и т.д.²⁴³. Из этого вытекает, что еврейские погромы, прокатившиеся по Российской империи в 1903–1906 гг., согласно формулировке немецкого социолога В. Бергманна, необходимо рассматривать как «следствие политизации этнических антагонизмов по отношению к евреям», в значительной мере составивших основу «освободительного» движения²⁴⁴.

Действуя в логике современной историографии, в данном разделе мы должны рассмотреть Наумовский погром в оптике традиционалистского ответа на многочисленные провокации, предпринимавшиеся сторонниками различных политико-философских систем, стоявшими в оппозиции к господствующему политическому режиму и находящемуся у власти правительству, тем самым подтвердив или опровергнув универсальность этой объяснительной модели. Выявленные закономерности в таком случае будут представлять собой только вариацию общей картины. Ниже мы обозначим возможные средства, организации и фигуры, через которые томские либералы могли распространять свои идеи среди крестьян интересующего нас района.

Поставленная цель побуждает, во-первых, обратиться к некоторым подробностям биографии Бейлина. Борис (Бер) Рафаилович Бейлин происходил из известной в Томске еврейской семьи купца второй гильдии Рафаила Хацкелевича Бейлина, занимавшегося базарной торговлей²⁴⁵. В данном контексте интерес представляет, однако, другая подробность. Его брат Михаил Рафаилович Бейлин (тот самый, которому торговец поручил проведение сделки о продаже дома и лавки в с. Наумовском), известный в городе присяжный поверенный, в 1905 г. выступил в качестве одного из учредителей Томского отделения Партии народной свободы²⁴⁶. Уже с № 1 Бейлин начал редактировать неформальный кадетский печатный орган «Сибирская мысль»²⁴⁷, сменивший газету «Сибирская жизнь», выпуск которой был приостановлен по решению губернских властей. Используя своего брата и его недвижимость как стационарный опорный пункт, М.Р. Бейлин мог вести среди

²⁴³ Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 458–468; Кузнецов Г.Р. Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 18.

²⁴⁴ Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth and Twentieth-Century Europe // *Control of Violence: Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies*. New York, 2011. P. 502–503.

²⁴⁵ Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 292.

²⁴⁶ Юшковский В.Д. Соломон и другие: томские евреи: лица на полотне. Красноярск, 2005. С. 46.

²⁴⁷ Приостановка издания газеты «Сибирская жизнь» // *Сибирская мысль*. 1906. № 1. 11 октября. С. 6.

крестьян как устную агитацию, так и распространять агитационные материалы (в том числе и газетную периодику) даже несмотря на то, что партийный отдел Конституционно-демократической партии был официально учрежден уже после погрома.

Перейдем ко второй зацепке, дающему нам основания предполагать, что сторонники либеральных идей вели политическую пропаганду в с. Наумовском и окрестных деревнях до октября 1905 г. Это объяснение тесно связано с фигурой о. Григория Безобразова. Для этого мы обратимся к более позднему периоду его жизни. Наиболее интересные нюансы встречаются в материалах дела, заведенного против него в 1920 г. по обвинению в агитации против советской власти. На допросах губернского революционного трибунала Безобразов указывал на то, что по своим политическим убеждениям был близок к Партии народной свободы²⁴⁸, но вместе с тем до революции, в 1908–1909 гг., состоял в рядах Союза русского народа. Далее бывший священник сообщил, что подвергался преследованиям со стороны судебных органов при старой власти и, ввиду политической неблагонадежности, находился под надзором полиции²⁴⁹.

Резонно интерпретировать последнюю часть показаний в качестве своего рода оправдательной уловки обвиняемого. Таким образом он мог демонстрировать радикальный разрыв с монархической (но не с колчаковской) властью через идентификацию себя с группой претерпевших от «старого режима». Однако в этом случае остается совершенно неясным, какие мотивы двигали им, когда он открыто признавался в принадлежности к Союзу русского народа, в советском дискурсе выполнявшего роль универсальной идентичности, объединявшей все черносотенное движение Российской империи в целом. Следует к тому же учитывать, что дополнительным отягчающим обстоятельством было текущее духовное звание Безобразова. Для иллюстрации приведем хрестоматийное описание роли священнослужителей в разгроме революционного движения в 1905 г., принадлежащее советской эпохе, из агитационного издания Г.Д. Костомарова: «Попы в разгар погромов объявили себя мобилизованными и предоставили себя в распоряжение полиции для нужд политического сыска и для открытой борьбы с революционным движением»²⁵⁰.

Третьим опорным пунктом, на наш взгляд, было образовательное учреждение. Выше уже упоминалась поездка архиепископа Макария в с. Наумовское, во время которой он нанес визит на находящуюся неподалеку Томскую низшую сельскохозяйственную школу. Иерарха не удовлетворила не только неэффективность школы в деле разрешения задач, возложенных

²⁴⁸ На рубеже XIX–XX вв. симпатии либеральным и даже радикальным левым идеям в среде приходского духовенства были вполне обыкновенным явлением. Об этом см., напр.: Ворошилова А.С. «Неканоническое поведение» священников переселенческих приходов: причины и специфика // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 29.

²⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 2. Д. 79. Л. 9 об., 11.

²⁵⁰ Костомаров Г.Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 году. М., 1930. С. 6.

на нее как на образовательное учреждение, призванное способствовать совершенствованию крестьянской земледельческой, животноводческой и других культур. Особенное внимание церковного сановника привлекли политические убеждения ее персонала и слушателей: «на ней установилось направление, кажется, уже в слишком модном духе, если только здесь не гнездо «освободительного» движения». На устраиваемые на ферме курсы съезжаются учителя с крайне либеральным настроением. На беседу Высокопреосвященного Владыки о том, что полного равенства нигде не существует – ни в царстве растительном, ни в царстве животном, тем более нет и не может быть – среди людей, один, кажется, курсист выступил с утверждением, что все люди равны, – и никто его не удержал.²⁵¹ Принимая эти свидетельства к рассмотрению в данном интерпретативном контексте, мы в полной мере можем вообразить себе логику участников погрома 23 октября, вслед за разгромом дома и лавки Бейлина поспешивших на образцовое опытное хозяйство, располагавшееся при школе²⁵².

Т. Шанин, пользуясь формулировкой П.А. Столыпина, назвал представителей интеллигенции, живших и работавших в сельской местности в качестве агрономов, статистиков, учителей и т.д., «третьей силой». По мнению ряда крупных государственных деятелей того периода, всерьез этой «силы» опасавшихся, в губерниях Центральной России ее ряды составляли элементы с радикальными взглядами, в первую очередь эсеры, которые, используя обстановку политической дестабилизации и нарастающего аграрного кризиса, сумели встать во главе крестьянских масс, организовывавших аграрные беспорядки²⁵³. У «третьей силы» (куда менее радикальной), сконцентрированной в Томской низшей сельскохозяйственной школы, как мы могли убедиться, сформировать доверие и политические симпатии крестьян окрестных населенных пунктов не вышло.

Краткое сообщение, упомянутое нами в начале главы, было первым и последним упоминанием о событиях в с. Наумовском, представленным в городских средствах массовой информации того периода (не считая письма Бейлина в редакцию). Учитывая то, насколько энергично и подробно «Сибирская жизнь» освещала погромные события в Сибири, такая невнимательность к погромному насилию в непосредственной близости от города представляется по крайней мере парадоксальной. Во всяком случае, отчасти этот парадокс можно проинтерпретировать, приведя отрывок из работы И.А. Малиновского «Кровавая месть и смертные казни: Революция в России и старый порядок»: «При господстве самодержавно-бюрократического и крепостнического порядка крестьянин терпит обиды, как

²⁵¹ Смердынский А. Обозрение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 18. 15 сентября. Неофициальная часть. С. 12–13.

²⁵² Разгром в деревне // Сибирская жизнь. 1905. № 215. 27 октября. С. 3.

²⁵³ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997. С. 230–232.

человек и гражданин. Не видя иного выхода из своего тяжелого положения, он прибегает к самоуправству и мести. На месть отвечают возмездием те, которые пострадали от нее. Волнения умирлялись при помощи стражников, казаков, военных команд; при умирениях пускались в ход – розги, ружья, пушки, пулеметы; умирение сопровождалось жестокими экзекуциями, поранениями, изувечениями и убийствами крестьян, изнасилованием крестьянских женщин, грабежом крестьянского имущества, сожжением деревень... То были акты возмездия крестьянам. Они вызвали новые акты мести их, мести их совершителям»²⁵⁴. Из процитированного вычлняются как минимум два смысловых подтекста: во-первых, эксплицированная симпатия к угнетаемому царским режимом сословию, а во-вторых, скрытая цель расширения электоральной базы сторонников в крестьянской среде, преследуемая выражением этой симпатии.

Перейдем теперь ко второй политической силе, которая могла прямо или косвенно оказать влияние на события 23 октября 1905 г. – консервативным правомонархическим организациям. Сегодня как в отечественной, так и в западной историографии отмечается, что на момент октябрьских погромов не существовало и не могло существовать единой всероссийской черносотенной организации, способной принять на себя роль координационного центра²⁵⁵. Факт наличия такой организации, направляющей деятельность погромщиков в Томской губернии²⁵⁶, опровергается в частности М.В. Шиловским. Такую роль мог принять на себя лишь так называемый «Кружок русских людей», некоторое время существовавший во второй половине октября 1905 г.²⁵⁷ Занимая в целом сходную позицию, мы полагаем, что данный тезис тем не менее необходимо подвергнуть эмпирической проверке более поздними материалами с. Наумовского.

Итак, согласно хронике общественно-политической жизни Томской губернии, опубликованной В.П. Зиновьевым и О.А. Харусь, 28 сентября 1908 г. подотдел Союза русского народа были открыты в с. Наумовском. Авторы указывали на то, что председателем подотдела в с. Наумовском стал протоиерей В. Березин²⁵⁸. Внесем некоторые поправки,

²⁵⁴ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни: Революция в России и старый порядок. М., 2015. С. 17.

²⁵⁵ См., напр.: Лёве Х.-Д. От «исправления» к дискриминации: Новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881–1914) // История еврейского народа в России. Т. 2. М., 2012. С. 55; Podbolotov S. “... And the Entire Mass of Loyal People Leapt Up”. The Attitude of Nicholas II Towards the Pogroms // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. № 1–2. P. 201–202. Ее существование ставил под сомнение даже меньшевик В.А. Гутовский, предвосхитивший многие выводы современных исследователей. См.: Маевский Евг. [Гутовский В.А.]. Массовое общественное движение в России с 1904 по 1907 гг.: Общая картина движения. М., 2017. С. 67.

²⁵⁶ Что касается Томского отдела Союза русского народа, то торжественное освящение хоругви произошло только 30 августа 1908 г., хотя отдел начал функционировать ранее (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3823. Л. 24).

²⁵⁷ Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 15.

²⁵⁸ Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880–феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. С. 262.

отметив, что В. Березин никоим образом не относился к духовному званию и являлся простым борисовским крестьянином.

Чем, однако, можно объяснить появление подотдела крупнейшей российской черносотенной организации в сельской местности, к тому же в не самом крупных населенных пунктах Семилуженской волости? Полагаем, что наиболее релевантным следует считать комплексное объяснение, сочетающее в себе одновременно конъюнктурный и субъективный факторы. Е.Л. Бузмаков в диссертационном исследовании писал об изменении структуры Союза русского народа после Всероссийского съезда русских людей (26 апреля–1 мая 1907 г.). Главный совет союза в 1907 г. разослал по всем региональным отделам циркулярные письма, в которых излагалась суть новой структурной концепции, предполагавшей открытие низовых подотдел на селе²⁵⁹. Второе объяснение, допустимое, если не соглашаться с версией о том, что за погромом стояли политические структуры, состоит в том, что относительно недавно институционально оформившийся томский отдел Союза русского народа Наумовское привлекало ввиду своего «героического» погромного прошлого.

Судя по всему, после погрома, когда обвиняемым крестьянам понадобился защитник, к ним обратились представители консервативных организаций Томска, предложив им услуги присяжного поверенного Н.Н. Новикова. Крестьянин Василий Березин, состоявший в близкородственных связях с подсудимыми Николаем и Иваном Березиным (отчество обоих – Васильевич), таким образом мог расплачиваться с томскими консерваторами за дорогостоящие адвокатские услуги. Напомним, что для руководства защитой участников погрома 20–22 октября 1905 г. в Томск специально прибыл один из создателей Союза русского народа П.Ф. Булацель²⁶⁰. Этот шаг был продиктован насущной необходимостью расширения базы сторонников (значительная доля погромщиков не имела оторефлексируемых политико-идеологических симпатий и ориентаций). Справедливость нашей гипотезы подтверждается сведениями, приведенными о Г. Безобразовым в объяснительной записке, поданной в Томскую духовную консисторию в августе 1909 г.: «Открывая подотдел союза, он руководствовался, как мне хорошо известно, не патриотическим чувством, а своекорыстными и не совсем честными желаниями, а именно: получить побольше от Союза безвозвратно денежной ссуды и оправдать через Союз своих сыновей <...>»²⁶¹. Очевидно, между священником и Березиным возник серьезный конфликт, обстоятельство которого предстоит осветить. Это в том числе даст нам ответ о причинах

²⁵⁹ Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 78.

²⁶⁰ Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 106–107.

²⁶¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3468. Л. 6.

преследования Безобразова (или опровергнет его показания) со стороны правоохранительных органов.

Конфликт был тесно связан с открытием в с. Наумовском подотдела Союза русского народа в сентябре 1908 г. Мы не будем останавливаться на нем столь же подробно, как и на обстоятельствах следствия по погрому 23 октября 1905 г., наметив основные его стадии, вовлеченных участников и те свидетельства, которые дадут основания подтвердить или опровергнуть факт присутствия радикальных правомонархических сил в данном районе до октября 1905 г. Собственно говоря, в имеющихся архивных материалах и на этот раз явно выражаются по крайней мере две версии событий.

Судя по доносу, поданному на имя архиепископа Макария, 13 сентября 1908 г. в с. Наумовское прибыла группа полномочных представителей Союза русского народа (8 человек) для открытия в нем низового подотдела. После утренней литургии они обратились к священнику Безобразову, указав ему на необходимость совершения всенощного бдения и получив резкий отказ. В служении испрошенной затем так называемой «Царской литургии» так же им отказал. По показаниям Ивана Трусова²⁶², дальнейшие действия священника носили характер открытой агитации прихожан против делегатов («вот приехали мошейники и обманщики не слушайте их они политическая партия не верьте им»). Вскоре проследовавшие в штаб-квартиру (вероятно, дом Березина) для обсуждения организационных вопросов делегаты были арестованы урядником по подозрению в подделке документов. Свой донос Трусов, опираясь на свидетельства Березина и отдельных крестьян пос. Ново-Георгиевского и Бобровского, завершал указанием на то, что «отец Григорий давно уже проповедует социализм даже с Церковной кафедры»²⁶³.

По решению архиепископа было назначено следствие, руководство которым было поручено благочинному (благочиние № 5) о. Василию Жигачеву, в ходе которого была реконструирована иная картина событий.

Крестьяне окрестных деревень крайне настороженно восприняли прибытие делегации. Так, населенная преимущественно поляками д. Михайловка первой отозвалась на их появление. По поселению разнесся слух о том, что этот визит связан с намечающимся польским погромом («будут разбивать поляков, так же как в 1905 году разбили Бейлина»), вследствие чего местный староста поспешил составить рапорт уездному исправнику²⁶⁴.

²⁶² Примечательно, что Трусов был мещанином г. Балашова Саратовской губернии (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3399. Л. 4). Агрессивное выступление черносотенных сил именно в этом городе 21 июля 1905 г. положило начало волне черносотенных кампаний в Саратовской губернии. О черносотенном движении в сельской местности Саратовской губернии и подробнее см.: Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905–1916 годах // Отечественная история. 2007. № 1. С. 134–142.

²⁶³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3399. Л. 1–2 об, Л. 15–15 об.

²⁶⁴ Там же. Л. 5.

Такая реакция имела под собой веские основания, не сводившиеся исключительно к политическим лозунгам правомонархических объединений и образу поляка как структурного элемента «внутреннего врага», возникшего в массовом консервативном сознании в 1905 г. Дознание, проведенное благочинным Жигачевым, показало, что после утренней службы Трусов и другие «союзники» вели политическое напутствие съехавшихся к обедне крестьян: «нужно соединиться против поляков, жидов и татар»²⁶⁵.

Березин был охарактеризован большинством крестьян как замешанный в убийстве некоего скопца Адама²⁶⁶ и «потерявший уважение и доверие к себе за свои неоднократные мошеннические проделки в обществе». Крестьянин д. Борисовки Дмитрий Канавин отмечал, что хорошо знает одного как прасола, занимающегося оптовой скупкой и перепродажей по завышенным ценам. В еще одном делегате Союза крестьянка Анна Елесина опознала человека, ограбившего ее некоторое время назад на дороге возле д. Кузовлево. Наконец, сразу несколько свидетелей показали, что Иван Трусов известен как торговец краденными вещами. Кроме того, свидетели показывали, что одной из причин отрицательного отношения означенных членов Союза русского народа явилось неоднократное запрещение Безобразовым чтения распространяемого ими журнала «Кронштадтский маяк» и иоаннитских брошюр. Оговоримся, что членство представителей иоаннитов в рядах Союза русского народа, несмотря на официальное признание Православной церковью сектантского характера их организации. В работе Н. Киценко отмечается, что главная черносотенная организация дореволюционной России зачастую приветствовала и одобряла их взгляды и начинания²⁶⁷.

Кроме того, важно отметить, что представители Союза русского народа использовали описанный Б.И. Колоницким механизм преднамеренного провоцирования оппонента на оскорбление императорской фамилии имперскими символами²⁶⁸. Крестьянин д. Борисовки Лаврентий Зайцев на следствии показал: «“посмотри, что написано на этом знаке (наградной знак Союза русского народа с изображением императорской короны с крестом в изголовье – В.А.), мы этот знак от Государя получили, иначе вам петелька будет”»²⁶⁹.

Выводы по проведенному благочинным Жигачевым следственному дознанию сводились к невинности Безобразова и очевидных подстрекательских действиях делегации Союза русского народа во главе с Трусовым. Показания крестьян пос. Ново-Георгиевского и

²⁶⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3399. Л. 19 об.

²⁶⁶ Представленность скопцов еще раз убеждает нас в том, что конфессиональная ситуация в данном районе была крайне сложной.

²⁶⁷ Киценко Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 277–278.

²⁶⁸ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 51–57.

²⁶⁹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3399. Л. 21.

д. Бобровки, «едва ли что знавших о произошедшем», были таким образом признаны недостаточными²⁷⁰.

Однако в начале января 1910 г. губернские духовные власти полностью изменили состав причта Наумовского прихода, назначив нового псаломщика и священника²⁷¹. После рассмотрения поданного Безобразовым прошения о пересмотре решения, в котором он отмечал, что считает примененную к себе меру «наказанием для себя незаслуженным», 10 февраля духовная консистория вынесла окончательное решение о его переводе на место священника в с. Шиловское Шадринской волости Барнаульского уезда²⁷². Сделано это было даже несмотря на то, что приговоры сельских сходов Бобровского (49 человек), Борисовского (106 человек) и Прытковского (42 человека) обществ могли свидетельствовать не только о единодушной поддержке прихожанами Безобразова но и, вероятно, о его невинности²⁷³.

Рассмотренный сюжет позволяет с уверенностью утверждать, что Союз русского народа и его политическая программа не имели широкой поддержки среди крестьян, входивших в Наумовский приход. Это еще раз подтверждает, во-первых, выводы современных исследователей об отсутствии единого координационного центра погромов в октябре 1905 г., а во-вторых, – в некоторой степени убеждает в справедливости экстраполяции на наумовский погром модели «традиционалистского ответа».

Наконец, необходимо учитывать выводы о потенциально массовой принадлежности жителей д. Борисовки, с. Наумовского и др. окрестных населенных пунктов к базировавшимся в Томско-Чулымской тайге старообрядческим общинам, к которым нам удалось прийти в предшествующем разделе. Тема политических позиций, занимаемых старообрядцами разных толков, как в годы Первой русской революции, так на закате Российской империи в целом, достаточно подробно представлена в исследовательской литературе²⁷⁴. Обращает на себя внимание другое – реконструкции поддаются взгляды не всех старообрядческих согласий и толков, в частности в поле зрения исследователей не попадают староверы-странники. Например, в статье уральской исследовательницы Ю.В. Клюкиной «Старообрядцы и политические партии (1905–1917)» изучена политическая активность сторонников австрийского (белокриницкого) согласия (иерархии), некоторых направлений беспоповства (поморцы, спасовцы, федосеевцы, часовенные) и

²⁷⁰ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3468. Л. 12 об.

²⁷¹ ТЕВ. 1910. № 3. 1 февраля. Официальная часть. С. 66–67.

²⁷² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3468. Л. 24–25 об.

²⁷³ Там же. Л. 15–19.

²⁷⁴ Историография этого вопроса в целом представлена в статье В.В. Керова, см.: Керов В. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.

беглопоповства²⁷⁵. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в работе В.В. Керова²⁷⁶. В предшествующем разделе мы уже обозначали причины, которые могли бы объяснить отсутствие представителей странников на арене открытой политической борьбы. Присовокупим, кроме того, что неприятие и эскапизм странников от борьбы за политические права и свободы после 1905 г. логически проистекает из базовых пунктов вероучения инока Евфимия, обуславливающих эсхатологическое бегство от мира, в котором воцарился антихрист. Абсурдно, однако, утверждать, что их представители совершенно не были представлены в политической сфере.

Гипотеза о конфессиональных ориентациях требует того, чтобы мы остановились на еще одной политической силе – сибирских социал-демократах. Представляется общеизвестным факт того, что большевики стремились использовать неортодоксальные религиозные учения в собственных политических интересах. Ключевую роль в этом направлении играл один из ближайших соратников В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевич, публиковавший «Материалы к истории и изучению сектантства и русского раскола». Американская исследовательница Л. Энгельштейн отмечала, что, войдя в ряды социал-демократического движения (1890 г.), «он сразу сосредоточился на изучении сектантства, пытаясь отыскать в <...> духовных инакомыслящих зерно неповиновения, которое могло бы подвинуть их на активные политические действия»²⁷⁷. В 1903 г. на II съезде РСДРП была принята соответствующая резолюция²⁷⁸. Рассмотрение представителей «маргинальных» религиозных общин как важнейшего звена объединенного альянса угнетенных самодержавным порядком групп, способного направить Россию на путь революционных трансформаций, однако, было присуще и не столько большевикам и В.Д. Бонч-Бруевичу в частности. Собственно, такого рода идеи зародились в среде интеллектуалов еще в начале 1860-х гг. А.Е. Эткинд, к примеру, возводит их истоки непосредственно к речи А.П. Шапова в Казани 16 апреля 1861 г. на панихиде по крестьянам, расстрелянным в с. Бездна. Воспринятые затем В.И. Кельсиевым, М.А. Бакуниным и др. деятелями революционного движения они стали узловыми для народнического движения в целом. Знаменитое «хождение в народ» не было простой попыткой народников в непосредственной близости узнать и понять российское крестьянство, но направлено было преимущественно на сектантские группы. Неслучайно С.М. Степняк-Кравчинский говорил о том, что «хождение в

²⁷⁵ Клюкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии (1905–1917) // Проблемы истории России: сб. науч. тр. Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 327–349.

²⁷⁶ Керов В. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143–160.

²⁷⁷ Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002. С. 15. Несколько подробнее о проекте В.Д. Бонч-Бруевича см.: Там же. С. 192–194;

²⁷⁸ Бонч-Бруевич считал, что «путь социал-демократов в деревню лежит через давно существующие там “прекрасные сектантские организации”» (Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 2013. С. 587).

народ было скорее религиозным, чем политическим движением». Отказ народников от идеи альянса с сектантами и переход к тактике индивидуального террора вовсе не свидетельствовал о ее угасании и отмирании. Такой же путь проделали, например, Л.Д. Броштейн (Троцкий), на заре своей революционной деятельности ведущий пропаганду среди штундистов, и В.М. Чернов, в свою очередь работавший в среде молокан. В общинах сектантов их привлекала присущая русскому крестьянству общинность, помноженная на религиозный коммунитаризм²⁷⁹.

Несмотря на многочисленность работ, публиковавшихся в советский период по проблеме революционной пропаганды сибирских ячеек РСДРП среди крестьянства в преддверии и в годы Первой русской революции, нам неизвестны примеры исследований, в которых применена такая оптика наблюдения. Мы, в свою очередь, полагаем маловероятным, что сибирские социал-демократы вступали даже в самые кратковременные контакты с представителями страннических общин, проживавших в интересующих нас населенных пунктах, даже несмотря на то, что странники (бегуны) были, в представлении большинства, «символами революции»²⁸⁰.

Выше мы признали, что модель «традиционалистского ответа», выработанная в макроориентированной историографии, в целом применима к наумовским событиям. Эта версия-интерпретация в значительной степени менее гипотетична, нежели предложенная в предшествующем разделе хозяйственно-конфессиональная интерпретация. Однако общая оценка событий в с. Наумовском 23 октября 1905 г. не может укладываться в рамки какой-либо самодовлеющей причины. В этой связи напомним, что западное историческое сообщество открыло третье тысячелетие избранием нового объекта критики – объекта, в ходе дискуссий об устранении которого из аппарата историописания вновь были поставлены фундаментальные вопросы о статусе истории в системе научного знания. Однако на этот раз под сомнение был поставлен ключевой элемент исторического мышления – причинно-следственный анализ (каузализм), полагающийся анахроническим пережитком дюркгеймовской социологии²⁸¹.

Критика свелась к признанию вполне очевидной невозможности исследователя выйти за рамки наложенных на него дискурсивных ограничений, т.е. к признанию сконструированности нарративов о прошлом в зависимости от личных воззрений. Безусловно соглашаясь с этими выводами, мы заключаем, что к сложноорганизованным

²⁷⁹ *Его же*. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. С. 303–319.

²⁸⁰ *Там же*. С. 313.

²⁸¹ Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идей междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 апреля 2014 г. М., 2015. С. 42–43.

социальным системам (каковой, безусловно, является и крестьянское общество рассмотренного нами района) применим лишь подход, предполагающий действие широкой констелляции факторов и причин. Более того, нам удалось показать, что каждая версия-интерпретация распадается на ряд самодостаточных гипотез.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вслед за опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г. по Российской империи прокатилась волна кровавых погромов. Одним из них стал погром в с. Наумовском Семилуженской волости Томского уезда. 23 октября 1905 г. крестьян разгромила и разграбила дома и лавку еврейского торговца Бориса Бейлина. Пройдя через три ступени судебной системы (Томский окружной суд – Уголовный департамент Омской судебной палаты – Кассационный департамент по уголовным делам Правительствующего Сената), погромщики получили помилование императора Николая II. В ходе следственного и судебного разбирательств крестьяне-участники использовали целый ряд оправдательных методов: встречные обвинения в оскорблении фигуры Самодержца, формально легитимирующие их преступное деяние слухи, возложение вины за распространение ложной информации на поляков, в массовом сознании полагавшихся составной частью коллективного «внутреннего врага», невежество, неразвитость и доверчивость. Акцентируя перед правоохранителями и членами судебных инстанций спонтанность собственных действий, обвиняемые крестьяне тем не менее давали основания для различения за погромом если не глубинного конфликта Бейлина с сельскими обывателями, то во всяком случае существенной недосказанности.

Крестьянские хозяйства переселенческого пос. Наумовский и других населенных пунктов отличались слабой обеспеченностью посевами и скотом и были вовлечены в лесные добывающие промыслы, что позволяло губернским властям квалифицировать положение хозяйств в данном районе как крайне бедственное. Анализ законодательных актов, справочных изданий, этнографических материалов и топонимов данного района позволил поставить вопрос о «старожильческом» характере значительного числа поселков, возникших на рубеже 1880–1890-х гг. Нахождение их в пограничной с Томско-Чулымской тайгой зоне, отличавшейся, кроме того, крайне сложными почвенными (высокая заболоченность и др.) условиями мешало установлению полноценного контроля со стороны государства, в том числе и над формами крестьянского землепользования. Бурное развитие с. Наумовского в 1920–30-е гг. может объясняться массовым использованием местными крестьянами эксплоативных практик хозяйствования в таежной зоне.

Хозяйственная ориентация и практики теневого хозяйствования в рамках заимочно-захватного землепользования крестьян населенных пунктов пригородного района находилась в тесной связи с конфессиональной принадлежностью к староверческим общинам, населяющим территорию Томско-Чулымской тайги, прежде всего староверов-

странников. Таким образом, погром, имевший место 23 октября 1905 г., пролегал в сфере хозяйственно-конфессиональных ориентаций крестьян интересующего нас района.

До октября 1905 г. в с. Наумовском могли существовать несколько опорных точек, посредством которых сторонники Конституционно-демократической партии распространяли свои идеи среди крестьян – торговец Бейлин, являвшийся братом одного из учредителей томского отделения Партии народной свободы М.Р. Бейлина; священник Безобразов и педагогический и агрономический персонал Томской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда. Представители консервативных сил появились в с. Наумовском значительно позднее. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что события 23 октября 1905 г. укладываются в рамки объяснительной модели «традиционалистского ответа», выработанной в современной макроориентированной историографии. Основные положения данной аналитической модели сводятся к тому, что преднамеренные провокации оппозиционных сил, направленные на столкновение народа с властью, во второй половине 1905 г. (преимущественно после объявления Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка») привели к всплеску консервативных настроений среди широких слоев населения, вылившихся в погромы, направленные против интеллигенции. Тот факт, что от погромов в 1905 г. пострадали преимущественно представители инородческих и иноконфессиональных групп (поляки и евреи), не противоречит данному положению. Эти группы стали жертвами погромов ввиду того, что в значительной мере составили ряды революционных партий и объединений. Присутствие иных политических объединений в интересующем нас районе в преддверие 1905 г. представляется сомнительным даже в том случае, если принимать во внимание общеизвестный интерес российских социал-демократов к представителям маргинальных религиозных учений, в особенности к староверам-странникам.

Выводы по главам дают нам основания, во-первых, утверждать, что Наумовский погром – это событие уникальное, «казусное», лишь отчасти вписывающееся в крупные объяснительные модели, но не являющееся логичным следствием более известного томского погрома, и, во-вторых, что обозначенная совокупность интерпретаций в реальности была возможна лишь как констелляция, т.е. синкретичная совокупность факторов и причин.

Вернемся, однако, к изначально поставленной цели. Рассмотренный конкретно-исторический сюжет убеждает нас в существовании в рамках сибирского крестьянского антисемитизма и антиеврейского насилия особого рода специфики. В ходе реконструкций нами не были выявлены явные свидетельства того, что он проистекал из этнической неприязни. Наоборот, они в полной мере соотносятся с многочисленными утверждениями о прагматическом характере сибирского антисемитизма. Сложная конфессиональная

ситуация в сибирском регионе и достаточно нестабильное положение маргинальных религиозных групп в 1905 г., конечно, могли провоцировать столкновения, оформленные в виде погромов. Вместе с тем мы признаем, что широкие обобщения, исходя из положений индивидуализирующей микроистории, не могут быть экстраполированы на столь обширную территорию.

Особенности локальной источниковой базы не предоставляют возможности реализовать проект, соответствующий по своему масштабу и всеохватности работам классиков исторической антропологии (к примеру, Н. Земон Дэвис или Э. Ле Руа Ладюри). Их информационный потенциал, безусловно, не может ни в коей мере быть сопоставлен. В этом отношении следственное и инквизиционное делопроизводство западноевропейских стран есть идеальная платформа для реализации самых разнообразных исследовательских стратегий и проведения уникальных реконструкций, в частности воссоздания *ouillage mental* (умственного, ментального инструментария)²⁸² героев.

Вместе с тем дальнейшие перспективы разработки проблемы связаны именно с расширением источниковой базы исследования. Во-первых, обращение к метрическим книгам Николаевской церкви с. Наумовского способно расширить наши представления о связях между участниками событий 23 октября 1905 г. и в некоторой степени о принципах распределения власти/авторитета и структурах социальности сельского поселенческого пространства. Во-вторых, в работе оказались слабо представленными делопроизводственные материалы различного рода инстанций власти. Видоизменить выводы о конфессиональной ситуации в районе могут, к примеру, обстоятельная разработка фонда Томской духовной консистории Государственного архива Томской области, в котором содержатся донесения священников, рапорты и отчеты благочинных и т.д. Наконец, необходимо наращивание материалов хозяйственно-учетного характера при параллельном активном использовании математико-статистических методов, способных повысить качество выводов в хозяйственно-экономической части работы.

²⁸² Авторство приписывается Л. Февру. См.: Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.; М., 2010. С. 35.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 124. Уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции. – Оп. 28. – Д. 42; Оп. 57. – Д. 436.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. Томский губернский совет. – Оп. 4. – Д. 2539; Оп. 12. – Д. 963, 1145, 3823; Оп. 36. – Д. 2553, 3533; Оп. 41. – Д. 656; Оп. 44. – Д. 221, 269, 395, 4027; Оп. 46. – Д. 393, 554, 555; Оп. 48. – Д. 146, 211; Оп. 70. – Д. 2665; Оп. 77. – Д. 412.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 113. Томское уездное полицейское управление. – Оп. 1. – Д. 120.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 144. Чертежная Томского губернского управления. – Оп. 1. – Д. 1162.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 170. Томская духовная консистория Святейшего Правительствующего Синода. – Оп. 2. – Д. 3399, 3468.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 196. Томская казенная палата. – Оп. 4. – Д. 122; Оп. 15. – Д. 2606.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 200. Податной инспектор 2 участка Томского уезда Томской губернской казенной палаты. – Оп. 1. – Д. 1.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 233. Томская городская управа. – Оп. 2. – Д. 472.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 240. Томское губернское управление земледелия и государственных имуществ. – Оп. 1. – Д. 570.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-528. Волостные исполнительные комитеты советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томской губернии. – Оп. 1. – Д. 82.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-800. Туганский районный совет депутатов трудящихся и его исполком, с. Александровское. – Оп. 2. – Д. 410.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-937. Плановая комиссия Томского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губплан). – Оп. 1. – Д. 5.
13. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-1259. Наумовский сельсовет и его исполком, с. Наумовка Туганского района. – Оп. 1. – Д. 1.

14. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. Р-1786. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по Томской области. – Оп. 1. – Д. 356.

Законодательные акты

15. Высочайше утвержденные временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: [С 1 марта 1881 года по 1913 год]: в 33 т. – СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916. – Т. 24: 1904: [В 2 отд-ниях]: Отд-ние 1: От № 23839–25604 и дополнения. 1907. – С. 603–607.
16. Нормальное положение о низших сельско-хозяйственных школах, Высочайше утвержденное 27 декабря 1883 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье: [с 1 марта 1881 года по 1913 год]: в 33 т. – СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916. – Т. 3: 1883. – С. 491–495.
17. О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время. Высочайше утвержденное 13 июля 1889 г. мнение Государственного Совета // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: [с 1 марта 1881 года по 1913 год]: в 33 т. – СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916. – Т. 9: 1889: От № 5686–6504 и дополнения. 1891. – С. 535–538.
18. Об укреплении начал веротерпимости. Именной Высочайший указ, данный Сенату 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание третье: [с 1 марта 1881 года по 1913 год]: в 33 т. – СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916. – Т. 25: 1905: [В 2 отд-ниях]: Отд-ние 1: От № 25605–27172 и дополнения. 1908. – С. 257–262.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. проф. Императорского Училища правоведения Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

Делопроизводственные материалы

20. Отчет правительственного агронома по Томской губернии за 1898 год Департаменту земледелия: с приложением отчетов по Томской низшей сельскохозяйственной школе, Томской и Александринской сельскохозяйственных фермах и отчета Инструктора пчеловодства по Томской губернии. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1899. – 112 с.
21. Приложение 3-е. Коротцев. Отчет по Томской низшей сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1901 год // Отчет правительственного агронома по Томской губернии

Департаменту земледелия за 1901 год: с приложением отчетов по Томской и Александринской сельскохозяйственным фермам, Томской низшей сельскохозяйственной школе 1 разряда и отчетов Инструкторов пчеловодства, полеводства и молочного хозяйства. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1902. – С. 1–32.

22. Рахманов Н.П. Переселенческие дороги в Томской губернии: отчет по служебной поездке в Томскую губернию летом 1909 года / Н.П. Рахманов. – СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих (влад. А. Э. Коллинс), 1910. – 23, 5 с.
23. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: в 58 т. – СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1903–1904. – Т. 56: Томская губерния. 1904. – 296 с.

Статистические материалы и справочные издания

24. Книга образования переселенческих участков: 1885–1912 / сост. и изд. под рук. и ред. начальника съемочного отделения Каинской поземельно-устроительной партии В.Н. Соболева. – Томск: Типография Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. – XVI, 955, 120 с.
25. Список населенных мест Сибирского края: в 2 т. – Новосибирск: Сибполиграфтрест, 1928–1929. – Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. – 1929. – 952 с.
26. Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. – Томск: Типография губернского правления, 1893. – 381 с.
27. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. – Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева» (Губернская типография), 1899. – VI, 781 с.
28. Справочная книга по Томской епархии / сост. служащими консистории под рук. В.А. Карташева в янв.–марте мес. 1914 г. – Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1914. – VIII, 594, 25, XXI с.
29. Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 год. – Томск: Типография Епархиального братства, 1900. – 458, LIII с.
30. Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год / сост. под ред. секретаря Томской духовной консистории Д.Е. Березова. – Томск: Типография Епархиального братства, 1903. – 531, LVI с.
31. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год: с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей: по 1-е марта 1911 г. – Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1911. – XVIII, 810 с.
32. Чирков Н.С. Путеводитель по г. Томску и его окрестностям / Н.С. Чирков. – Томск: Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. – 156 с.

Периодическая печать

33. Бейлин Б. Письмо в редакцию // Сибирская жизнь. – 1905. – № 251. – 13 декабря. – С. 3.
34. Дрова // Сибирская жизнь. – 1905. – № 250. – 11 декабря. – С. 3.
35. Кооператор. Везде бы так делали // Томский крестьянин. – 1925. – № 23. – 4 июня. – С. 3.
36. Приостановка издания газеты «Сибирская жизнь» // Сибирская мысль. – 1906. – № 1. – 11 октября. – С. 6.
37. Разгром в деревне // Сибирская жизнь. – 1905. – № 215. – 27 октября. – С. 3.
38. Смердынский А. Обозрение Высокопреосвященным Макарием, Архиепископом Томским своей епархии в 1907 г. Первая летняя поездка – со 2-го по 9-е июля // Томские епархиальные ведомости. – 1907. – № 18. – 15 сентября. Неофициальная часть. – С. 7–18.
39. Томские епархиальные ведомости. – 1896. – № 21. – 1 ноября. Отдельный официальный. – С. 3.
40. Томские епархиальные ведомости. – 1898. – № 2. – 15 января. Отдел официальный. – С. 3.
41. Томские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1. – 1 января. Отдел официальный. – С. 2.
42. Томские епархиальные ведомости. – 1903. – № 5. – 1 марта. Отдел официальный. – С. 2.
43. Томские епархиальные ведомости. – 1910. – № 3. – 1 февраля. Официальная часть. – С. 66–67.
44. Фрейдин И. Дровяной кризис в Томске // Сибирская жизнь. – 1906. – № 25. – 1 февраля. С. 3.

Литературные источники

45. Марков Г.М. Старый тракт // Его же. Волчьи норы. Мемуары. – Томск: ООО «Издательство «ДЕМОС», 2017. – С. 111–204.

Неопубликованные полевые материалы

46. Материалы этнографической экспедиции Музея г. Северска. 1996. Тетр. 1 // Личный архив П.Е. Бардиной.
47. Материалы этнографической экспедиции Музея г. Северска. 2001. Тетр. 1 // Личный архив П.Е. Бардиной.

Природные описания и картографические материалы

48. Мамадышский уезд: карта. 1 : 420000 / сост. Г.К. Богословским. – Казань: Типо-литография университета, 1895. – 1 л.
49. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / сост. М. Лаптев. – СПб.: Военная типография, 1861. – IV, IV, 613 с.
50. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: в 19 т. / под ред. В.П. Семенова под общ. руководством П.П. Семенова, В.И. Ламанского. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1899–1914. – Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье: [Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губ.] / сост. П.А. Ососков [и др.]. 1901. – VIII, 599 с.

Литература

51. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. / А.М. Анфимов; отв. ред. К.И. Шабуня. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
52. Бабашкин В.В. Крестьяноведение как особое научно-дисциплинарное направление // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы Второй всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГАУ, 1998. – С. 3–5.
53. Баранов Д.С. О событиях октября 1905 г. в Томске // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина, 6–7 октября 2005 г. / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Азбука, 2005. – С. 62–63.
54. Баранов Д.С. О томских событиях октября 1905 года // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 10–11.
55. Баранов Д.С. Томский погром по материалам архива ТОКМ // Актуальные вопросы истории Сибири: Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина, 5–6 октября 2007 г. / под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. – Ч. 1. – С. 269–273.
56. Баранов Д.С. Томский погром 1905 г. в интерпретации правых // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.) / под ред. д-ра ист. наук В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 118–125.

57. Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края / П.Е. Бардина. – Северск: Изд-во «Контекст», 2009. – 432 с.
58. Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Безгин. – М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
59. Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В.Б. Безгин. – М.: Common place, 2017. – 334 с.
60. Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк с 1834 по 1880-е годы) / Д.Н. Беликов. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1901. – III, 246 с.
61. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / Д.Н. Белянин. – Томск, 2016. – 696 с.
62. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии / В.П. Бойко. – Томск: Издательство «Водолей», 1996. – 320 с.
63. Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. – М.: Наука, 2006. – С. 15–41.
64. Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Е.Л. Бузмаков. – Томск, 2000. – 242 с.
65. Вейнберг Р. Погром 1905 года в Одессе: исследование отдельного случая // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921) / пер. с англ. В. Ванникова. – М.: Книжники, 2016. – С. 254–291.
66. Волков В.Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии: доклад Томскому отделу Московского общества сельского хозяйства / В.Т. Волков. – Томск: Типография Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 1896. – 31 с.
67. Ворошилова А.С. Межконфессиональное взаимодействие и «борьба за паству» в переселенческой деревне Сибири на рубеже XIX–XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 48. – С. 14–19.
68. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.
69. Галашова Н.Б. Из истории еврейского погрома в Томске в 1905 году (по воспоминаниям очевидцев) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Сборник материалов II региональной научно-практической конференции. Иркутск, 25–27 августа 2001 г. / Под ред. Я.М. Кофмана. – Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2001. – С. 45–50.

70. Герцен А.И. Про сельскую общину // По своему обычаю. Формы жизни русского народа. – М.: Common place, 2015. – С. 6–230.
71. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культур // Его же. Интерпретация культур / К. Гирц; пер. с англ. О.В. Барсукова [и др.]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 9–42.
72. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX–начало XX в.) / Ю.М. Гончаров. – Барнаул: Азбука, 2013. – 174 с.
73. Горюшкин Л.М. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.) / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Г.А. Ноздрин. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 263 с.
74. Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 446 с.
75. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII–начало XX вв.) / Н.М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 336 с.
76. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX–начало XXI в.) / Е.Е. Дутчак; под ред. В.В. Керова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с.
77. Дутчак Е.Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX–начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2014. – № 31. – С. 38–42.
78. Дутчак Е.Е. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения / Е.Е. Дутчак, Е.А. Ким, А.О. Буркун // Православная культура вчера и сегодня / науч. ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. – Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015. – С. 235–251.
79. Еврейские общины Томской губернии (1885–1919 гг.). Хроника общественной и культурной жизни / Л.А. Кутилова [и др.] // Евреи в Сибири: Сб. статей / под ред. Э.И. Черняка и Я.М. Кофмана. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 56–130.
80. Евсеева Н.С. Влияние хозяйственной деятельности человека на рельефообразование // Вопросы географии Сибири / под ред. А.А. Земцова, А.М. Малолетко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – Вып. 18. – С. 30–42.
81. Евсеева Н.С. География Томской области. (Природные условия и ресурсы) / Н.С. Евсеева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 223 с.
82. Евсеева Н.С. Изменение ландшафтов юга Томской области в процессе заселения и хозяйственного освоения // Вопросы географии Сибири / под ред. А.М. Малолетко. – Томск, 1993. – Вып. 19. – С. 50–66.

83. Зиновьев В.П. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–феврале 1917 г. Хроника / В.П. Зиновьев, О.А. Харусь; отв. ред. Э.И. Черняк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 398 с.
84. Иоганзен Б.Г. Природа Томской области / Б.Г. Иоганзен. 4-е изд., перераб. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издание, 1971. – 174 с.
85. Казаков Р.Б. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания / Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Историческая география: Пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции (Москва, 27–29 января 2011 г.) / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. – М.: РГГУ, 2011. – С. 31–45.
86. Капустин С. Взгляд на экономическое и сельскохозяйственное положение Сибири. – [Б.м.: б.и., 1886?]. – С. 189–228.
87. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. / А.А. Кауфман. – СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга бывший Мелье и К°, 1897. – VII, 277 с.
88. Керов В. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. – 2018. – № 1. – С. 143–160.
89. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири) / В.В. Кирьяков. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1902. – VI, 370 с.
90. Киценко Н. Святой нашего времени: Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ / Н. Киценко. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 392 с.
91. Клюкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии (1905–1917) // Проблемы истории России: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Т. Шишков. – Екатеринбург: Волот, 2003. – Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций. – С. 327–349.
92. Книга памяти исчезнувшим деревням / сост. М.Г. Никифорова, Д.Н. Болотский. – Томск: Издательство «Ветер», 2015. – 124 с.
93. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. Колоницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 657 с.
94. Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3. – С. 13–19.
95. Костомаров Г.Д. Черная сотня под флагом религии в 1905 году / Г.Д. Костомаров. – М.: Безбожник, 1930. – 46 с.

96. Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / Я. Коцонис; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 320 с.
97. Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие / М.М. Кром. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
98. Кром М.М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идей междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 апреля 2014 г. / отв. ред. Г.Г. Ершова. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. – С. 41–53.
99. Кузнецов Г.Р. Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Г.Р. Кузнецов. – М., 2010. – 30 с.
100. Кузнецов К.А. Почвы правобережья Оби // Вопросы географии Сибири: сборник статей / отв. ред. В.Т. Макаров. – Томск: Издательство Томского университета, 1949. – Вып. 1. – С. 23–67.
101. Ламброза Ш. Погромы 1903–1906 годов // Погромы в российской истории Нового времени (1881–1922) / Пер. с англ. В. Ванникова. – М.: Книжники, 2016. – С. 207–253.
102. Латыпов И.Р. Развитие старообрядческих общин Казанской губернии XIX–начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук / И.Р. Латыпов. – Казань, 2011. – 224 с.
103. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Э. Ле Руа Ладюри; пер. с фр. В.А. Бабинцева и Ю.А. Старцева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. – 544 с.
104. Лёве Х.-Д. От «исправления» к дискриминации: Новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881–1914) // История еврейского народа в России / Под ред. И. Лурье. Т. 2. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2012. – С. 38–65.
105. Лозинский С.Г. Социальные корни антисемитизма в Средние века и в Новое время / С.Г. Лозинский. – М.; Л.: Атеист, 1929. – 208 с.
106. Льготин В.А. Склоновые процессы в Томском Приобье // Вопросы географии Сибири / под ред. А.А. Земцова, А.М. Малолетко. – Томск, 1989. – Вып. 15. – С. 42–52.

107. Маевский Евг. [Гутовский В.А.]. Массовое общественное движение в России с 1904 по 1907 гг.: Общая картина движения / В.А. Гутовский. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 160 с.
108. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни: Революция в России и старый порядок / И.А. Малиновский. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 152 с.
109. Медик Х. Микроистория // THESIS. – 1994. Вып. 4. – С. 193–202.
110. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции / С.А. Нефедов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 688 с.
111. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему / А.М. Никулин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 400 с.
112. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / П.Ф. Никулин; под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: «ТМЛ-Пресс», 2009. – 384 с.
113. Овчинцева Л.А. Общественная агрономия в России: теория и практика (конец XIX–начало XX века): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Л.А. Овчинцева. – М., 1995. – 20 с.
114. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 624 с.
115. Покровский М.Н. 1905 год: Наша первая революция / М.Н. Покровский. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 120 с.
116. Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905–1916 годах // Отечественная история. – 2007. – № 1. – С. 134–142.
117. Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибири: империя и русская колонизация второй половины XIX–начала XX вв. // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. – М.: Новое издательство, 2013. – С. 47–71.
118. Родной край: Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области / под ред. Б.Г. Иоганзена, И.П. Кинева. – Томск: Издательство Томского университета, 1974. – 400 с.
119. Рожанец-Кучеровская С.Е. Очерк растительности окр. г. Томска в связи с физико-географическими условиями // Известия Томского отделения Русского ботанического общества. – Томск: Изд. Том. губ. отдела гос. изд-ва, 1921. – Т. 1. – № 1–2. – С. 37–41.

120. Сафронов Ф.Г. О землепользовании крестьян дореволюционной Сибири (вопросы терминологии) // Крестьянство Сибири XVIII–начала XX в. (классовая борьба, общественное сознание и культура) / отв. ред. Л.М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – С. 147–153
121. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
122. Складов Л.Ф. Землеустройство русского старожилого крестьянства Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Из истории империализма в России / отв. ред. М.П. Вяткин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 309–346.
123. Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 541–544.
124. Скотт Дж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж.С. Скотт; пер. с англ. И. Троцук. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с.
125. Славнин Д.П. Геолого-географические условия Самусьского археологического района // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири / под ред. З.Я. Бояршиновой. – Томск: Издательство Томского университета, 1966. – С. 3–27.
126. Соловьев Ю.Б. Самодержавие, дворянство и проблема сближения с крестьянством в конце XIX–начале XX в. // Реформы или революция? Россия в 1861–1917 гг.: Материалы международного коллоквиума историков. – СПб.: Наука, 1992. – С. 100–111.
127. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период / Е.И. Соловьева. – Новосибирск: Наука, 1981. – 328 с.
128. Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. – М.: Изд-во ВЗПИ, А/О «Росвузнаука», 1992. – 330 с.
129. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Д. Схиммельпенник ван дер Ойе; авториз. пер. с англ. Н. Мишаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.
130. Томилов Н.А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX–первая четверть XX вв.) / Н.А. Томилов; отв. ред. Ф.Ф. Болонев. – Омск: Издательство Омского педагогического университета, 2001. – 198 с.
131. Томская область: Исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 684 с.

132. Трошина Т.И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: Актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. – 2012. – № 2. – С. 193–201.
133. Тужиков В.И. О формировании пролетариата в Сибири во второй половине XIX в. (1861–1891 гг.) // Вопросы истории Сибири: сб. ст. / под ред. А.П. Бородавкина. – Томск: Издательство Томского университета, 1964. – Вып. 1. – С. 56–65.
134. Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В.Н. Худяков; под ред. Л.М. Горюшкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. – 266 с.
135. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельско-хозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-е Книгосоюза, 1927. – 383 с.
136. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. / Т. Шанин; пер. с англ. Е.М. Ковалева. – М.: «Весь Мир», 1997. – 560 с.
137. Шанин Т. Эксплуатация экономики: политэкономия общественных обочин // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 545–554.
138. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири: Монография / М.В. Шиловский; отв. ред. М.Н. Колоткин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 320 с.
139. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация / М.В. Шиловский. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 150 с.
140. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению / Л. Энгельштейн; пер. с англ. В. Михайлина, при участии Е. Филипповой и Е. Левинтовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
141. Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткин; авториз. пер. с англ. В. Макарова. 3-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 448 с.
142. Эткин А. Хлыст: Секты, литература и революция / А. Эткин. Изд. 2-е, сокр. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с.
143. Юшковский В.Д. Соломон и другие: томские евреи: лица на полотне / В.Д. Юшковский. – Красноярск: [б.и.], 2005. – 246 с.
144. Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти / Н. Ясный; пер. с англ. А.В. Белых. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 344 с.

145. Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth and Twentieth-Century Europe // *Control of Violence: Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies* / ed. by W. Heitmeyer [et.al.]. – New York: Springer, 2011. – P. 487–516.
146. Burbank J. Russian Peasants Go to Court. *Legal Culture in the Countryside, 1905–1917* / J. Burbank. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004. – XXI, 374 p.
147. DiFonzo N. Rumor, Gossip and Urban Legends / N. DiFonzo, P. Bordia // *Diogenes*. – 2007. – Vol. 213. – P. 19–35.
148. Froeyman A. Three Layers of Meaning in Microhistory. Unpublished Theses [Electronic Resource] // International Network for Theory of History. – URL: http://www.inth.ugent.be/wp-content/uploads/2012/05/HTSubmissionReadingMicrohistory-_1_.pdf (Access Date: 23.04.2016).
149. Gregory B. Is Small Beautiful? Microhistory and History of Everyday Life // *History and Theory*. – 1999. – Vol. 38. – № 1. – P. 100–110.
150. Kalmina L. The Possibility of Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // *Anti-Jewish Violence. Rethinking the Pogrom in East European History* / ed. by J. Dekel-Chen [et.al.]. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2010. – P. 131–143.
151. Lefebvre G. *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France* / G. Lefebvre; transl. from the French by J. White. – New York: Vintage Books, 1973. – 262 p.
152. Magnússon S.G. *What is Microhistory? Theory and Practice* / S.G. Magnússon, I.M. Szijártó. – London; New York: Routledge, 2013. – 181 p.
153. Paert I. “Two or Twenty Million?”. *The Languages of Official Statistics and Religious Dissent in Imperial Russia* // *Ab Imperio*. – 2006. – № 3. – P. 75–98.
154. Podbolotov S. “... And the Entire Mass of Loyal People Leapt Up”. *The Attitude of Nicholas II Towards the Pogroms* // *Cahiers du Monde Russe*. – 2004. – Vol. 45. – № 1–2. – P. 193–207.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. (ТАБЛИЦЫ).

Табл. 1 – Поименный список домовладельцев с. Наумовского со сведениями об экономическом положении хозяйств (1901 г.)²⁸³

№ по порядку	Имя и фамилия домохозяина	Число душ		Число работников		Исходная точка миграции	Год водворения семьи в поселке	Размер денежной и хлебной ссуды		Имущество			Площадь посевов (дес.)				Хлеба в запасе (пуд.)			Сена в запасе для корма лошадей и скота (копё н)	Хлеба повреждено засухой (дес.)	
		Муж. пола	Жен. пола	Муж. пола	Жен. пола			Руб.	К.	Лошадей	Коров	Мелкого скота	Озимой ржи	Ярицы	Пшеницы	Овса	Ржи	Пшеницы	Овса			
1.	Багин Лаврентий Анемподистович	1	2	–	1	Красногорская вол., Мамадышский у., Казанская	1891	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

²⁸³ Сост. по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 2553. Л. 8; ГАТО. Ф. 3. Оп. 36. Д. 3533. Л. 2; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 221. Л. 6 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4027. Л. 1 об.–4, 5 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 393. Л. 2 об., 9 об., 11 об., 13 об., 15 об., 21 об., 25 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 554. Л. 1 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 46. Д. 555. Л. 1 об.–2; ГАТО. Ф. 3. Оп. 48. Д. 211. Л. 1, 3, 7; ГАТО. Ф. 196. Оп. 15. Д. 2606. Л. 18; 26 об.; ГАТО. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 82. Л. 14 об.–32 об.

						губ.															
2.	Багулин Дмитрий Матвеевич	1	–	–	–	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1890	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	Базаркин Василий Тимофеевич	3	3	2	1	Нет данных	1892	–	–	2	2	1	1,5	–	–	0,5	–	–	–	25	0,25
4.	Базаркин Ефим Васильевич	2	4	1	1	Нет данных	1892	–	–	–	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	10	0,125
5.	Бакакин Василий Яковлевич	4	2	2	1	д. Гремячка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1895	Нет данных		3	2	3	1,5	–	–	1	–	–	–	35	Нет данных
6.	Баннов Петр	2	4	1	1	Нет	1900	25	–	–	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	15	0,25

	Федорович					данных															
7.	Белоусов Григорий Евдокимович	2	3	1	1	Нет данных	1890	–	–	1	–	–	0,25	–	–	–	–	–	–	15	0,125
8.	Березин Яков Емельянович	1	1	–	–	Нет данных	1895	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9.	Бесов Петр Александрович	3	1	1	1	д. Хобни- Колмаки, Болецкая вол., Горо докский у., Витебска я губ.	1896	90	–	1	1	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	20	0,5
10.	Блинов Гавриил Григорьевич	4	3	2	1	Нет данных	1890	–	–	3	2	2	1,5	–	–	1	–	–	–	35	1,5
11.	Блинов Карп Остафиевич	3	2	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	1	2	0,75	–	–	0,5	–	–	–	30	0,5
12.	Блинов Ларион Карпович	2	3	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	1	2	1	–	–	0,5	–	–	–	40	0,5
13.	Бобров Кузьма Петрович	3	2	1	1	Больше- Вьясская вол., Сарански	1895	–	–	2	2	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	30	0,5

						й у., Пензенск ая губ.																
14.	Бобров Павел Кузьмич	3	1	1	1	Больше- Вьясская вол., Сарански й у., Пензенск ая губ.	1895	–	–	1	–	–	0,25	–	–	–	–	–	–	–	10	0,125
15.	Богомолв Яков Иванович	4	3	1	1	Нет данных	1892	–	–	2	1	1	1	–	0,25	0,5	–	–	–	–	35	1
16.	Борисов Никифор Федорович	2	5	1	1	Нет данных	1893	–	–	1	1	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	–	20	0,25
17.	Васева Мавра Ивановна	1	3	–	1	Нет данных	1893	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
18.	Ведерников Василий Иванович	2	4	1	1	Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1890	–	–	2	3	–	0,75	–	–	0,5	–	–	–	–	30	0,5

19.	Ведерников Иван Дмитриевич	2	3	1	1	с. Отарка, Красного рская вол., Мамадышский у., Казанская губ.	1890	–	–	2	3	1	1	–	–	0,5	–	–	–	20	0,75
20.	Вершинин Трофим Иванович	3	2	2	1	Нет данных	1897	–	–	1	1	1	0,75	–	–	–	–	–	–	25	0,25
21.	Волков Ефрем Алексеевич	1	3	1	1	Воеводинская (Белоключевская?) вол., Саранский у., Пензенская губ.	1896	65	–	2	1	1	0,5	–	–	0,5	–	–	–	25	0,5
22.	Глазырев Сергей Петрович	1	1	1	1	Нет данных	1896	–	–	–	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	10	0,125
23.	Глинков Михаил Яковлевич	1	3	–	1	Витебская губ.	1898	65	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

24.	Гогин Дмитрий Терентьевич	5	5	1	2	Нет данных	1890	–	–	3	2	1	1,5	–	–	1	–	–	–	40	1
25.	Голиков Павел Филиппович	5	2	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	2	1	1,5	–	–	0,5	–	–	–	30	1
26.	Гуськов Лазарь Григорьевич	5	2	2	1	Нет данных	1895	–	–	1	1	1	1	–	–	0,5	–	–	–	30	0,75
27.	Данышенков Григорий Степанович	1	2	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	1	1	1	–	0,5	0,5	–	–	–	25	1
28.	Данышенков Порфирий Степанович	3	6	1	1	Нет данных	1895	65	–	2	1	1	1,5	–	0,25	0,5	–	–	–	35	1,25
29.	Добровольский Михаил Агафонович	8	4	2	2	Нет данных	1890	–	–	3	3	4	2	–	–	1	–	–	–	45	1,25
30.	Дуболазов Семен Михайлович	3	2	1	1	Нет данных	1890	–	–	1	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	20	0,125
31.	Дудин Павел Григорьевич	4	4	1	1	Нет данных	1890	–	–	2	2	3	1	–	–	0,5	–	–	–	30	0,75
32.	Емельянов Тихон Борисович	3	1	1	1	Вятская губ.	1896	49	80	1	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	20	0,25
33.	Еремин Платон Максимович	3	1	2	1	с. Красная	1900	–	–	3	2	1	1,5	–	–	1	–	–	–	35	0,75

						Горка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.																
34.	Есин Григорий Осипович	1	3	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	20	0,25
35.	Ефимов Назар Ефимович (Поликарпович?)	3	2	1	1	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1890	–	–	2	2	1	2,5	0,25	–	1,5	–	7	–	–	60	2,25
36.	Жаровцев Павел Андреевич	3	3	2	2	Нет данных	1895	25	–	2	2	2	0,75	–	–	0,5	–	–	–	–	25	0,5
37.	Зонов Алексей Яковлевич	1	1	1	1	Шишкинс кая вол., Орловски	1895	65	–	2	1	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	–	30	0,5

						й у., Вятская губ.																
38.	Кабаняев Евсей Никифорович	3	2	1	1	д. Новая Дубровка , Савкинс кая вол., Петровск ий у., Саратовс кая губ.	1896	50	–	1	–	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	15	0,125
39.	Кадильников Никанор Степанович	3	2	1	1	г. Мамады ш, Казанская губ.	1890	–	–	1	1	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	20	0,5	
40.	Киселев Павел Артемьевич	1	1	–	–	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская	1890	–	–	1	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	15	0,25	

						губ.															
41.	Клюквин Филипп Александрович	3	7	2	2	Нет данных	1895	–	–	4	3	2	2	–	–	1	–	–	–	35	1,5
42.	Колпаков Кузьма Афанасьевич	3	4	1	1	Нет данных	1895	–	–	1	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	20	0,25
43.	Коротков Николай Егорович	3	3	1	1	Нет данных	1896	17	–	1	1	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	20	0,25
44.	Кострыгин Максим Северьянович	3	1	1	1	Нет данных	1893	–	–	2	2	2	0,75	–	–	0,5	–	–	–	25	0,5
45.	Кудовников Иван Филиппович	3	1	1	1	Нет данных	Нет данных	–	–	1	1	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	20	0,25
46.	Лебедев Конон Яковлевич	2	1	1	1	пос. Лебедевский, Кузнецовская вол., Уржумский у., Вятская губ.	1894	Нет данных		1	1	–	1,25	–	–	0,5	–	–	–	23	Нет данных

47.	Лысенков Трофим Петрович	4	2	2	1	Нет данных	1895	-	-	2	1	-	1	-	-	1	-	-	-	40	1
48.	Медведев Иван Александрович	2	4	1	1	Нет данных	1893	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49.	Мозголин Емельян Григорьевич	7	4	2	2	г. Мамады ш, Казанская губ.	1890	-	-	4	3	2	2	-	-	1	-	-	-	50	1,5
50.	Муштаков Иван Михайлович	2	1	1	1	Воеводин ская (Белоклю чевская?) вол., Сарански й у., Пензенск ая губ.	1896	65	-	2	1	-	0,5	-	-	0,25	-	-	-	25	0,5
51.	Негодяев Василий Антипович	4	7	2	2	Нет данных	1895	-	-	3	2	2	2	-	-	1,5	-	-	-	55	2
52.	Никитин Василий Арсентьевич	1	2	1	1	Нет данных	1893	-	-	2	2	-	0,5	-	-	0,5	-	-	-	20	0,5
53.	Носов Виктор	3	3	1	1	Красного	1891	-	-	3	2	2	1	-	-	0,5	-	-	-	35	0,75

	Никифорович					рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.																
54.	Пакшинцев Дмитрий Гаврилович	1	1	1	1	Нет данных	1893	–	–	2	2	3	0,5	–	–	–	–	–	–	–	20	0,25
55.	Петухов Михаил Александрович	3	3	2	1	Нет данных	1892	–	–	2	2	2	2	–	0,5	1,5	–	–	–	–	45	2
56.	Пинегин Виктор Борисович	2	2	1	1	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1890	–	–	1	–	–	0,25	–	–	–	–	–	–	–	10	0,125
57.	Поварницын Ларион Поликарпович	1	1	1	1	Нет данных	1893	–	–	1	1	1	1	–	–	0,75	–	–	–	–	25	0,5
58.	Поварницын	1	1	1	1	Нет	1893	–	–	1	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	15	0,25

	Поликарп					данных															
59.	Подоляко Алексей Евдокимович	4	2	2	1	Минская губ.	1897	65	–	2	1	2	1	–	–	0,5	–	–	–	25	0,75
60.	Просвиркин Николай Михеевич	5	3	2	1	с. Усады, Усадская вол., Мал мыжский у., Вятская губ.	1897	80	–	–	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	15	0,125
61.	Пугасов Тимофей Алексеевич	3	2	2	1	Нет данных	1893	–	–	1	1	2	0,5	–	–	–	–	–	–	20	0,25
62.	Рахов Павел Федорович	2	3	1	1	Нет данных	1898	–	–	2	1	2	1	–	–	0,5	–	–	–	25	0,75
63.	Рахов Роман Федорович	3	4	1	1	Нет данных	1892	–	–	2	1	2	0,75	–	–	–	–	–	–	20	0,25
64.	Рахов Семен Григорьевич	3	3	1	1	Нет данных	1890	–	–	1	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	20	0,125
65.	Рахов Федор Иванович	2	1	1	–	Нет данных	1890	–	–	2	1	3	1	–	0,25	0,5	–	–	–	35	0,75
66.	Рашетников Яков Михайлович	3	2	1	1	Нет данных	1893	–	–	1	2	1	0,5	–	–	–	–	–	–	15	0,25
67.	Рожнев Андрей	4	5	2	2	Нет	1890	–	–	3	2	4	1,5	–	–	0,5	–	–	–	35	1,25

	Николаевич					данных															
68.	Сафронов Алексей	3	5	1	2	Нет данных	1898	70	–	1	1	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	20	0,25
69.	Сафронов Сергей Алексеевич	2	2	1	1	Нет данных	1898	–	–	1	–	–	0,5	–	–	–	–	–	–	15	0,125
70.	Селихов Павел Павлович	2	2	1	1	Нет данных	1895	–	–	2	3	2	1	–	–	1	–	–	–	35	0,75
71.	Сидоренков Иван Филиппович	1	2	1	1	Нет данных	1890	–	–	2	2	1	1,5	–	–	1	–	–	–	25	1,25
72.	Талапин Григорий Андреевич	6	3	2	1	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у., Казанская губ.	1890	–	–	2	2	1	1,5	–	–	1	–	–	–	45	1,25
73.	Талапин Степан Абрамович	7	3	1	1	с. Отарка, Красного рская вол., Мамады шский у.,	1890	–	–	2	1	1	1	–	–	0,5	–	–	–	30	0,75

						Казанская губ.																
74.	Теплоухов Василий Михайлович	1	1	–	–	Нет данных	1890	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15	–
75.	Тимон Дмитрий Григорьевич	3	2	1	1	Нет данных	1892	–	–	–	1	–	0,25	–	–	–	–	–	–	–	10	0,125
76.	Федин Степан Филиппович	3	1	1	1	Нет данных	1893	–	–	2	1	1	0,75	–	–	0,5	–	–	–	–	30	0,5
77.	Хрипунов Тимофей Васильевич	4	6	2	2	Больше- Вьясская вол., Сарански й у., Пензенск а я губ.	1893	65	–	2	1	1	1	–	–	0,5	–	–	–	–	20	0,5
78.	Чигирин Осип Иванович	4	2	1	1	д. Голыни, Стаецкая вол., Невельск ий у., Витебска	1897	Нет данных		1	–	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	–	18	Нет данных

						я губ.																
79.	Чолухин Кузьма Егорович	2	2	1	1	Воеводинская (Белоключевская?) вол., Саранский у., Пензенская губ.	1890	65	–	1	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	20	0,25
80.	Чуприков Андрей Карпович	5	2	1	1	Красногорская вол., Мамадышский у., Казанская губ.	1893	–	–	1	1	2	0,5	–	–	0,25	–	–	–	–	20	0,25
81.	Чуприков Афанасий Карпович	2	2	1	1	Красногорская вол., Мамадышский у., Казанская	1893	70	–	2	1	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	15	0,125

						губ.																
82.	Чуприков Ефим Иванович	2	3	1	1	Нет данных	1893	–	–	1	1	2	0,5	–	–	–	–	–	–	–	15	0,25
83.	Чуприков Михаил Евлампиевич	2	3	1	1	Нет данных	1893	–	–	1	–	–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	15	0,125
84.	Чуприков Нестор Иванович	2	2	1	1	Нет данных	1893	–	–	2	1	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	–	20	0,5
85.	Шалыгин Капитон Гаврилович	3	5	1	1	Нет данных	1890	–	–	2	2	3	1	–	–	0,5	–	–	–	–	40	0,5
86.	Шалыгин Петр Егорович	2	2	1	1	Нет данных	1890	–	–	2	1	1	1	–	–	0,5	–	–	–	–	35	0,75
87.	Шарпов Андрей Семенович	2	4	–	1	Нет данных	1893	–	–	1	2	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	–	15	0,25
88.	Шкут Терентий Тимофеевич	2	3	1	1	Болецкая вол., Горо докский у., Витебска я губ.	1897	75	–	1	1	–	0,5	–	–	0,5	–	–	–	–	20	0,5

89.	Щедров Петр Владимирович	3	4	2	1	Топорская вол., Невельский у., Витебской губ.	1900	75	–	2	1	–	1	–	–	–	–	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
90.	Щербаков Василий Никитич	1	2	1	1	с. Красная Горка, Красной вол., Мамадышский у., Казанская губ.	1890	–	–	1	1	–	0,5	–	–	0,25	–	–	–	15	0,25
Итого		247	237	102	94			1082	50	138	109	77	70,5	0,25	1,75	34,5	–	7	–	2131	46,375

Калтайский	Зеледеевский	Болотинский	Арсениевский
1383	2447	2664	-
8	306	100	-
Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	-
180	180	180	-
Выплаты	475 пуд.	475 пуд.	-
Нет данных	Нет данных	Нет данных	-
1343	3130	-	-
8	313	-	-
Гот. дома	Гот. дома	-	-
215,6	215,6	-	-
200 руб.	475 пуд.	-	-
Нет данных	Нет данных	-	-
2017	3681	-	-
8	336	-	-
Гот. дома	Гот. дома	-	-
400	400	-	-
575 пуд.	475 пуд.	-	-
Нет данных	Нет данных	-	-
2388	4313	-	730
8	0	-	29
Гот. дома	Гот. дома	-	Квартирные 225 руб.
600	400	-	800
575 пуд.	475 пуд.	-	-
До 425	До 980	-	До 50

Наумовский	На железнодорожной станции «Тайга»	Кулаковский	Конининский
Нет данных	608	2666	1781
Нет данных	0	289	0
Гот. дом для священника	—	Гот. дома	Гот. дом для священника, псаломщику – квартирные
400	120	200	180
Нет данных	—	475 пуд.	475 пуд., 100 руб.
Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1824	1025	2734	1561
57	19	20	0
Гот. дом для священника	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дом для священника
525	900	200	400
—	—	475 пуд.	475 пуд.
Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2164	—	3223	2014
24	—	17	0
Гот. дома	—	Гот. дома	Гот. дом для священника
525	—	200	400
—	—	475 пуд.	475 пуд.
Нет данных	—	Нет данных	Нет данных
2521	—	3119	2170
37	—	17	0
Гот. дома	—	Гот. дома	Гот. дома
600	—	200	600
—	—	475 пуд.	475 пуд.
До 300	—	До 1000	До 300

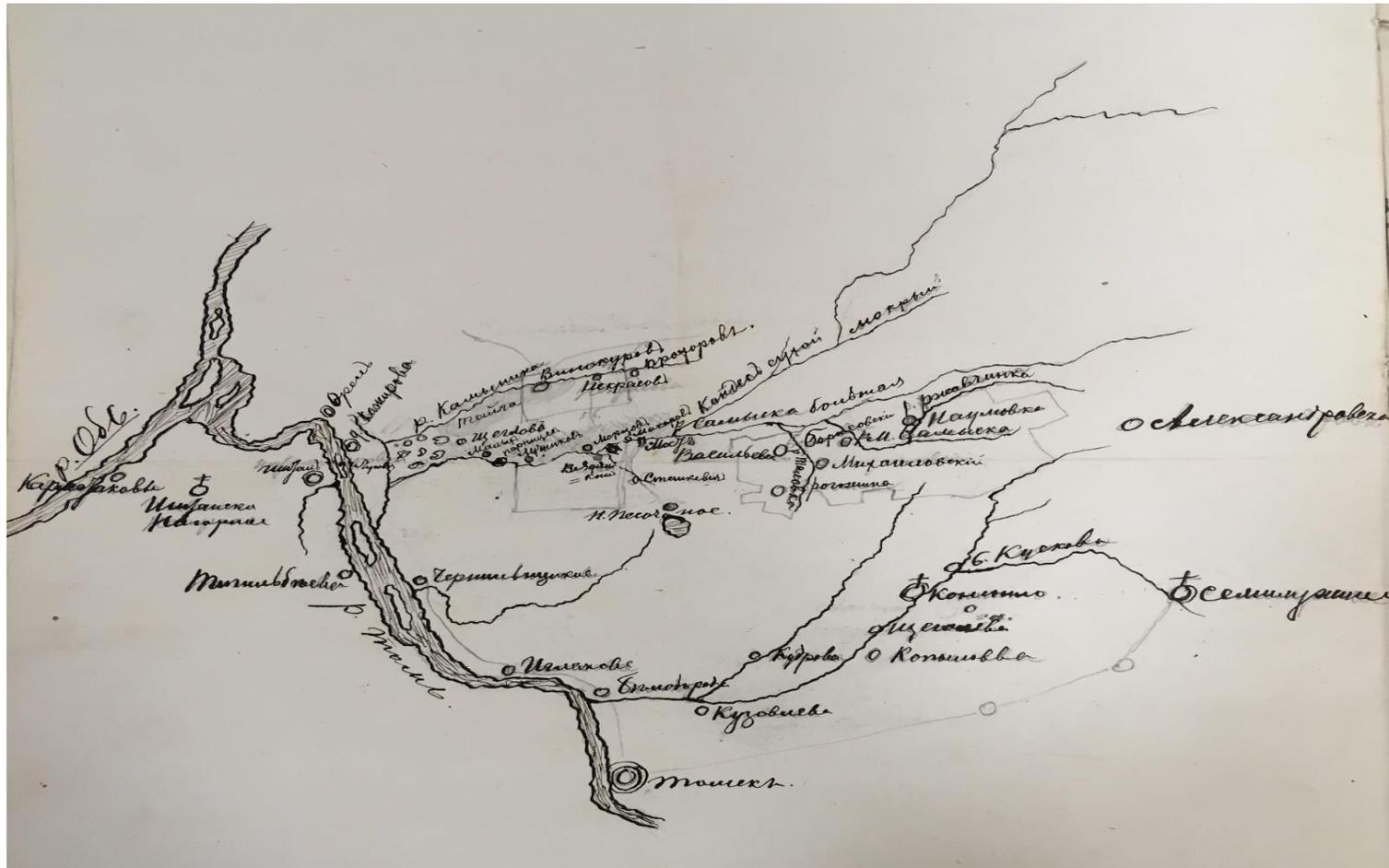
Поломошн ый	Подонинск ий	Петуховски й	Пачинский	Некрасовск ий
-	-	1476	3268	257
-	-	0	494	6
-	-	Гот. дом для священника	Гот. дома	-
-	-	400	232	400
-	-	475 пуд.	675 пуд.	Нет данных
-	-	Нет данных	Нет данных	Нет данных
260	-	1626	3602	1886
0	-	0	400	260
Гот. дома	-	Гот. дом для священника	Гот. дома	Гот. дома
1320	-	400	543,6	400
-	-	475 пуд.	675 пуд.	-
Нет данных	-	Нет данных	Нет данных	Нет данных
-	1690	2576	6525	2349
-	0	0	315	424
-	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
-	400	400	450	400
-	475 пуд.	475 пуд.	675	-
-	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
-	-	2971	7364	3319
-	-	0	0	213
-	-	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
-	-	600	550	600
-	-	475 пуд.	674 пуд.	-
-	-	До 680	До 1800, IP	До 600

Тутальский	-	2309	1578	2104	2189
	-	0	0	0	42
	-	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
	-	180	180	180	180
	-	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.
	-	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
	-	2371	1834	2195	2439
	-	0	0	0	35
	-	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
	-	180	395,6	180	180
	-	475 пуд.	475	475 пуд.	475
	-	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
	-	1927	2157	2087	2921
	-	3	0	0	3
	-	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
	-	800	400	180	180
	-	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.
	-	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2397	2169	3219	2377	2717	4137
15	0	0	0	0	0
Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома	Гот. дома
600	800	180	400	400	400
-	-	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.	475 пуд.
До 500	До 500	Нет данных	До 600	До 750	До 1200

Ярский	2056	204	Гот. дома	180	475 пуд.	Нет данных	1918	303	Гот. дома	180	475 пуд.	Нет данных	2855	0	Гот. дома	180	475 пуд.	Нет данных	3037	0	Гот. дома	180	450 пуд.	До 1700
--------	------	-----	-----------	-----	----------	------------	------	-----	-----------	-----	----------	------------	------	---	-----------	-----	----------	------------	------	---	-----------	-----	----------	---------

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. (КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ).

Рис. 1 – План местности по рекам Камышке и Самуське (1893 г.)²⁸⁵

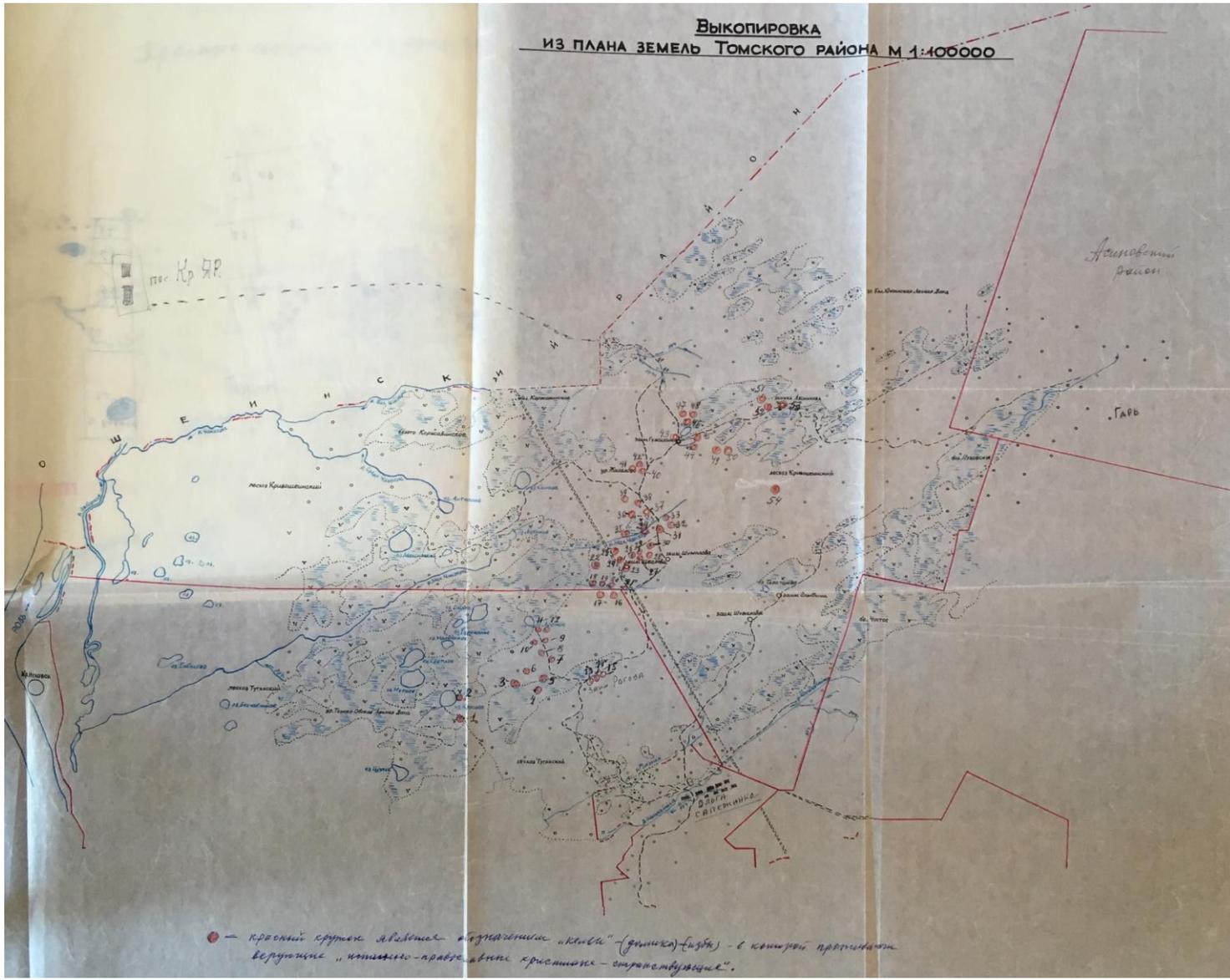
²⁸⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 395. Л. 11 об.

Рис. 2 – Фрагмент карты Мамадышского уезда Казанской губернии (1895 г.)²⁸⁶

²⁸⁶ Мамадышский уезд: карта. 1 : 420000. Казань, 1895.

Рис. 3 – План таежной зоны (Белотаежной пустыни) на границе Кривошеинского и Томского районов с указанием заимок (1980-е гг.)²⁸⁷

²⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 356. Л. 17.

Рис. 4 – План таежной зоны (Белотаежной пустыни) на границе Кривошеинского и Томского районов (1985 г.)²⁸⁸

²⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 356. Л. 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. (ПУБЛИКАЦИИ И КОНФЕРЕНЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ВКР)

Конференции автора по теме ВКР

XIII Всероссийская научная конференция «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения», Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, 24 – 26 апреля 2017 г.

Региональный круглый стол «Семилужки – восточные ворота земли томской», с. Семилужки, Томская область, 21 февраля 2018 г.

XXI Региональная научно-практическая конференция «Лицейские чтения», Томский гуманитарный лицей, Томск, 28 апреля 2018 г.

Публикации автора по теме ВКР

Наумовский погром 23 октября 1905 г.: границы интерпретации // Лицейские чтения: материалы XXI региональной научно-практической конференции. – Томск: ООО «Дельтаплан», 2018. – С. 73–75.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Афанасенков Владислав erpaison@gmail.com / ID: 1604900

Проверяющий: Афанасенков Владислав (erpaison@gmail.com) / ID: 1604900

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://www.antiplagiat.ru>

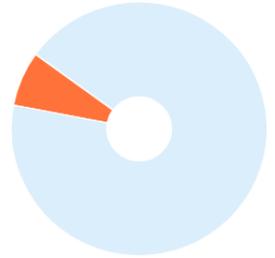
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 7
Начало загрузки: 14.06.2018 05:58:52
Длительность загрузки: 00:00:04
Имя исходного файла: Финальный
Размер текста: 2207 кБ
Символов в тексте: 254013
Слов в тексте: 30616
Число предложений: 4547

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 14.06.2018 05:58:56
Длительность проверки: 00:01:25
Комментарии: не указано
Модули поиска:

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
6,54%	0%	93,46%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	1,04%	1,24%	Аграрная колонизация Степ...	http://omgpu.ru	31 Июл 2017	Модуль поиска Интернет	22	28
[02]	0,33%	1,17%	Сельская интеллигенция За...	http://omgpu.ru	11 Авг 2017	Модуль поиска Интернет	17	51
[03]	0,55%	0,77%	[Скачать (pdf)]	http://ruslang.ru	01 Дек 2016	Модуль поиска Интернет	22	33

Еще источников: 17

Еще заимствований: 4,62%